

Հայրենիքը արդուս

ԱԼՄԱՆԱԿ

АЛЬМАНАХ

Եդինսն Վ սըրճե

7

ՎՍՄՍՔ

ՂՐԻՍԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ
ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ

СОЮЗ КРЫМСКИХ
АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ
ՄՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

ԱԼՄԱՆԱԽ
АЛЬМАНАХ

выпуск 7

Медиацентр им. И. Гаспринского
2017

ББК84-44

Р60

Одобрено Консультативным советом по изданию литературы на родных языках. Выпущено при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК За счет средств бюджета Республики Крым

Редактор-составитель *Рушан Пилюсян*
Корректор русского текста *Валентина Настина*
Художник *Грачья Хачатрян*
Компьютерная вёрстка *Андрея Веселова*

Р60 **Родина в сердце.** Альманах № 7. — Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. — 192 с. : фото. — На русском и армянском языках.

ISBN 978-5-906959-32-4

ББК84-44

В седьмом выпуске альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце» собраны лучшие произведения современных крымских армянских литераторов — поэтов, прозаиков, публицистов таких, как Георгий Меликов, Вячеслав Егиазаров, Александр Складрук, Анатолий Мирзоян, Михаил Петросян, Вагаршак Мазлумян, Станислав Ян, Варган Григорян, Рушан Пилюсян, а также начинающих поэтов — Ваге Чинари и Татевик Азарян.

«Новые голоса» — так называется одна из рубрик альманаха, в которой свои произведения впервые публикуют Алина Степанян, Тимур Ян, Рафаел Мартиросян и Светлана Овсепян.

Под рубрикой «Наши гости» традиционно публикуются литературные произведения наших соотечественников, проживающих в разных странах мира.

Гость альманаха № 7 — Шохакат (Шохер) Ахвердян из Дании.

Դրիմահայ գրողների միության «Հայրենիքը սրտում» ավանախի յոթերորդ համարում գետեղված են ժամանակակից դրիմահայ գրողների բանաստեղծների, արձակագիրների, հրապարակախոսների ստեղծագործությունները:

«Հասուն քնար» խորագրում իրենց գործերն են ներկայացրել խոսքի հնուտ վարպետներ Գեորգի Մելիքովը, Վյաչեսլավ Եղիազարովը, Ալեքսանդր Սկլյարովը, Անատոլի Միրզոյանը, Միքայել Պետրոսյանը, Ստանիսլավ Յանը, Վաղարշակ Մազումյանը, Վարդան Գրիգորյանը և Ռուշան Փիլոսյանը, ինչպես նաև սկսնակ բանաստեղծներ Վահե Զինարին և Տաթևիկ Ազարյանը:

«Նոր ձայներ». այդպես է կոչվում մեր ավանախի խորագրերից մեկը, որտեղ առաջին անգամ իրենց ստեղծագործություններն են ներկայացրել Ալինա Ստեփանյանը, Թիմուր Յանը, Ռաֆայել Մարտիրոսյանը և Սվետլանա Հովսեփյանը:

Ավանախում՝ «Մեր հյուրերը» խորագրի ներքո, ավանդաբար հրապարակվում են աշխարհի ապրբեր երկրներում ապրող մեր հայրենակիցների ստեղծագործությունները:

Յոթերորդ համարի հյուրն է Դանիայում բնակվող Շողակաթ (Շողեր) Հախվերդյանը:

© ОО РНКАККРК, 2017

© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017

ISBN 978-5-906959-32-4

.....

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

.....

Союз крымских армянских писателей (СКАП) – это союз единомышленников, объединённый благородной целью сохранить и развивать вековые традиции крымской армянской литературы, обогатить её новыми произведениями, популяризовать творчество современных мастеров пера, найти молодые таланты, поддержать их творческий потенциал.

Мы хотим жить и творить в мире и согласии с другими народами нашего полуострова, ценить и уважать культуру всех народов, прививая любовь и уважение к армянской культуре, в частности к литературе. Только таким образом мы сможем лучше понять друг друга, взаимно обогащать нашу культуру во имя мира и процветания нашего общего дома – Крыма.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Армянская литература в Крыму имеет многовековую историю. Начиная с XV века, в Крыму творили поэты Хачатур Кафаеци, Симеон Кафаеци, Мартирос Крымечи, Вртанес Кафаеци, Вардан Кафаеци, Степанос Тохатеци, Хева Кафаеци. Истории известны имена поэтов XIX – XX веков Геворка Додохяна, Александра Цатуряна, Симеона Бабияна, Оноприоса Анопяна.

Развитие армянской литературы в Крыму продолжается и в наши дни. Крымскому читателю уже известны имена Георгия Меликова, Владимира Вартаняна, Еравнда Барашяна, Вячеслава Егиазарова, Петра Казанчанца, Марата Файзи (Саркисова), Анатолия Мирзояна, Александра Склярука, Вагаршака Мазлумяна, Гагика Зурабяна, Рушана Пилосяна.

Возникла необходимость объединить современных крымских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов. И в 2002 году при Крымском армянском обществе (ныне – Региональная, армянская национально-культурная автономия Республики Крым) была создана Ассоциация крымских армянских литераторов. Первым председателем стал её инициатор и организатор, член Национального союза писателей Украины, поэт и переводчик Владимир Эммануилович Вартанян, ответственным секретарём – Сасун Барян (Этибарян). Добрыми словами появление ассоциации благословил известный российский поэт армянского происхождения, почётный гражданин города-героя Севастополя Эдуард Асадов. После ухода из жизни Владимира Вартаняна в 2007 году ассоциация была переименована в Союз крымских армянских писателей. Возглавил её Сасун Барян. В 2010 году председателем Союза крымских армянских писателей был избран заслуженный журналист Республики Крым Рушан Пилосян, ответственным секретарём – Александр Склярук.

Союз крымских армянских писателей имеет свой печатный орган – альманах «Родина в сердце», в котором публикуются их новые произведения – стихи, поэмы, рассказы, новеллы, отрывки из романов, басни, афоризмы, а также статьи и очерки исторического содержания.

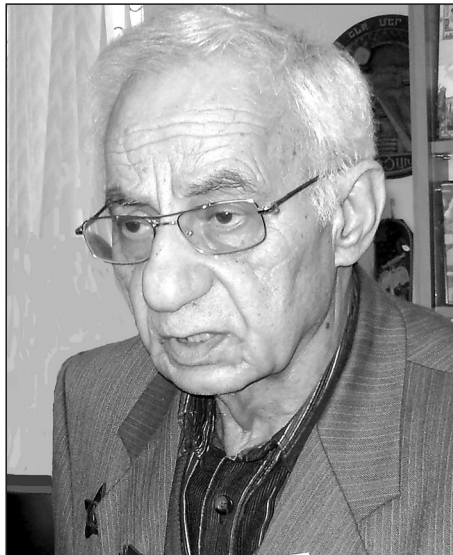
Последние годы Союз крымских армянских писателей постигла тяжёлая утрата. Ушли из жизни наши друзья и коллеги по

перу – Пётр Казанчанц, Владимир Вартанян, Сасун Барян, Ася Джндемян, Мадлен Шаэнро, Георгий Меликов. Вечная им память!

Ныне в деятельности Союза активно участвуют и периодически печатаются в альманахе «Родина в сердце» Александр Скляр, Анатолий Мирзоян, Варган Григорян, Вагаршак Мазлумян, Станислав Ян, Михаил Петросян, Рушан Пилосян, Вячеслав Егиазаров. В разные годы пробовала свои силы и творческая молодёжь – Сюзанна Петросян, Мери Акопян, Эдгар Григорян, Рузанна Карапетян, Лусине Варданян, Астхик Петросян и другие.

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱԴ
ЛИРА ЗРЕЛОСТИ

ГЕОРГИЙ МЕЛИКОВ

(1925-2014)

Георгий Александрович Меликов родился 1925 г. в Баку.

Не успев окончить среднюю школу, Г. Меликов был направлен в военное училище, по окончании которого в июне 1944 г. в составе всего выпуска отправился на Первый Украинский фронт. Впоследствии форсировал реки Одер, Нейсе и Эльбу. Дважды был ранен и один раз контужен. Георгий Меликов был награжден тремя боевыми орденами и семнадцатью медалями. После демобилизации из рядов Советской армии он поступил на архитектурно-строительный факультет Бакинского политехнического института, который окончил в 1952 г.

Работал в проектно-институте «Азгипроводхоз», где вырос от рядового специалиста до главного инженера. В 1968 г. Г. Меликов был приглашен на такую же должность в московский проектный институт «Росгипроводхоз». Затем работал главным конструктором в проектно-институте «Мосгражданпроект», параллельно

обучаясь на Высших литературных курсах. С 1978 г. преподавал в Подольском строительном техникуме и Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте.

Его первые стихи были опубликованы во фронтовой газете «За Родину!». Затем он выпустил в московском издательстве «Красная звезда» четыре сборника рассказов о войне. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Москва», «Работница». Его произведения можно увидеть и на страницах «Литературной газеты». Георгий Меликов – участник двух московских альманахов и двух коллективных сборников.

С 1985 г. Георгий Меликов жил в Феодосии, где им было издано около сорока книг прозы и стихов.

Георгий Меликов – член Союза писателей СССР, член Национального союза писателей Украины, член Союза русских писателей Восточного Крыма, член Союза крымских армянских писателей коллективного члена Национального союза писателей Украины. Его имя и творчество известны не только в Крыму и по всей Украине, но и далеко за её пределами. Писатель обладал поистине энциклопедическими знаниями в области литературоведения. Ему посчастливилось встретиться и подружиться с Константином Симоновым, Василием Шукшиным, Булатом Окуджавой.

Георгий Меликов писал стихи и прозу на русском языке. Он участник первых пяти выпусков альманаха «Родина в сердце».

Георгий Меликов награждён Памятной медалью им. И. К. Айвазовского. Он получил литературную Пушкинскую премию Крыма.

Жизнь Георгия Александровича Меликова оборвалась 24 июня 2014 года.

МОЖНО ЛИ?

Яковишиной Светлане

Можно меня вечно любить?
Право, Светлана, сам я не знаю.
Я растерялся, не знаю, как быть.
В радость мне это иль в наказание?

Образ мой может обманчивым быть,
Но взволновало Ваше признание.
Можно ль меня вечно любить?
Честное слово! — сам я не знаю.

Вечного нет ничего на земле,
Дал бы нам Бог самую малость!
Вас повстречал я будто во сне,
Сне, посулившем вечную радость.

С судьбой не поспоришь — в пору завывать.
«Да» мне ответить — как преступленье.
Отныне Вас буду вечно любить
И не спрошу у Вас разрешения.

СТИХИ О ВОЙНЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Здесь грустные стихи.
В них боль всего народа
и сердца моего, и матери моей.
На всех одна печаль,
одна на всех НЕВЗГОДА
с годами все острее,
с годами все сильнее.

Но в боли этой — стать
страны моей великой
и воинов ее и павших, и живых.
Рыдает мой баян,
душа исходит криком:
ах, как бы их вернуть,
красивых, молодых!
Их всех не перечесть,
всех тех, кто не вернулся,
однопольчан моих, погибших за страну...
Он будто бы уснул,
уснул и не проснулся,
Отечества солдат,
прикончивший войну.

ЧЕТЫРЕ ГОДА

Землянка наша в три наката
и шесть накатов боль в груди.
Вчера погибли три солдата,
а сколько крови впереди?
И путь не близок до Берлина,
погибельный, жестокий путь!
А мать ждет весточку от сына,
а сын свалился храпануть.
Устали плечи, ноги, руки —
не описать, не передать...
Четыре года этой муки,
ну как солдату не устать?
Пока что он дошел до Вислы —
передохни чуток, солдат!
Не отгадать в окопах числа:
здесь свой немислимый расклад.
Землянка наша в три наката
и сто накатов всех забот...
Вчера погибли три солдата,

но остальным идти вперед.
И путь не близок до Берлина,
войны убийственный полет,
а мать ждет весточку от сына,
четыре года сына ждет.

ПОДАРОК ВОЙНЫ

Что принесла нам та война,
в котле, которой мы варились,
где мы горели, насмерть бились,
но не скосила нас она...
Что принесла нам та война?
Да, много жизней забрала
и много душ, едва расцветших,
в девчат влюбиться не успевших,
но непреклонных, как скала.
Чем одарила нас война?
Бедой, страданьем, убиеньем
и тем жестоким напряженьем,
в котором нервы — как струна,
в котором корчилась страна.
Чем наградила нас война?
А что война дарить способна,
какою щедростью полна?
Испить её вино до дна,
чтоб взвять отчаянно, утробно:
«Ах, будь ты проклята, война!»

МАМА И БОГ

Мама не верила в Бога...
Когда я вернулся с войны,
мама сказала строго:
«Бог тебя сохранил!»

Что душу спасло и тело —
этого мне не понять.
Наверное, очень хотелось
маму свою обнять!

БРАТЯ-СЛАВЯНЕ

Комбат нам орал:
«Не робейте, славяне!»
И мы не робели
и были, как пламень.
Рвались к переправе
под грохот смертельный,
славянскую доблесть чернить не хотели.
И с долгим «Ура-а-а!»
по славянской традиции
сигали во рвы с мечтой:
не разбиться бы!
И, не разбившись,
из рвов выползали,
и храбрость славянскую мы доказали.
Штыком и прикладом
работали бойко
и в обороне
держались мы стойко.
А были среди нас
молдаване, грузины,
азербайджанцы, узбеки, удины,
таджики, казахи, евреи, армяне...
И все они были братья-славяне!
Политики, помните:
так это было,
и это мне любо,
и это мне мило!

НАГРАДА

В меня палили — не убили
и извести не извели.
Крутые отшагал я мили,
орал солдатам: «Залпом пли!»
Палили пушки, автоматы,
и пулеметный сек огонь,
но шли вперед мои солдаты,
глота с кровью страх и боль.
На запад шли от Сталинграда
сквозь пушек гром и гарь, и дым...
Какая им за то награда
теперь лишь стало ясно им.

22 ИЮНЯ

Невольно вспомнишь этот день —
июнь двадцать второго...
Над всей страной нависла тень,
у каждого порога.
Небесный гром и гром земной,
как ураганный ветер.
Нашествия звериный вой,
пожарища и смерти.
И — грозный клич: «Вставай, страна,
в бой смертный ради жизни!»
И грудью стали, как стена,
защитники Отчизны.
Четыре года, как один,
был подвигом отмечен.
Герои сказочных былин,
ваш светлый подвиг вечен!
Нам жить, отбросив праздность, лень,
ответственно и строго...
Невольно вспомнишь этот день —
июнь двадцать второго.

ПОБЕДА

Горели мы, но не сгорели,
и одолеть нас не смогли.
Мы шли к одной заветной цели:
на запад шли мы, на Берлин.
Какая сила в нас таилась?
Какая воля в нас жила?
Какая стать, какая лихость
солдат к Победе привела?
Фронтовики, поклон вам низкий!
Смогли вы Гитлера согнуть.
Кровь и увечья в том расписка,
что вы прошли победный путь.
Победа – это наша слава!
Её у павших не отнять.
Живым же поклонись, Держава,
коль большего не можешь дать.
Есть хлеб и соль – такая малость!
Скудна страны моей рука...
Победа с подвигом венчалась
на все года, на все века!

ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Такая нам выпала доля –
Отчизну свою защищать.
Всей сутью, всей кровью, всей болью
за честь и свободу стоять.
Стоять до последнего вдоха,
до самой последней черты...
Мы делали это неплохо
солдаты советской страны!
Упорство в нас было и сила,
славянская гордая стать.
Антанта страну не скосила,

смели самурайскую рать.
И в том роковом сорок первом
на снежных полях под Москвой
сломалась фашистская вера
в победу над нашей страной.
Как гром, Сталинградская битва
и битва на Курской дуге,
и карта фашистская бита
в берлинской свинцовой пурге.
Защитникам Родины слава!
И это — во веки веков.
Об этом истории главы,
наш подвиг бессмертный таков!
Нас Родина часто не любит —
мы Родину любим свою!
И шепчут солдатские губы:
«Мы в вечном и долгом строю!»

ДЕСАНТНИК

*Посвящаю участникам
феодосийского десанта,
освободителям города.*

Проснулся и смотрю, глаза открыв,
и думаю: быть это или небыль?
Выходит, не погиб, выходит, жив
и надо мною голубеет небо.
И шестьдесят прошло, а я не верю,
что можно было выжить в той беде.
Мы поклялись Отечеству на верность,
когда по горло шли в морской воде.
Нас высадили под огнем кромешным
и свет прожекторов нам бил в глаза.
А мы спешили — нам ли было мешкать? —
грозе навстречу. Пусть ее — гроза!

Вперед, десантник, залпы не помеха,
нам вой снарядов слушать не впервой.
Ворвемся в город и пойдет потеха –
прими, фашист, наш рукопашный бой!
Ты бил нас, враг, так получай обратно
за все свои кровавые дела.
Фашист, в нас гнева – сто пудов на брата,
помимо раскаленного ствола.
Мы бой дадим, какой тебе не снился.
С мечом пришел – так сгинь же от меча!
Ты сам, фашист, на битву напросился,
а коли так, то получай!
Отбили город славный, богом данный,
солдатскую не посрамили честь.
Живите, люди, помня подвиг славный,
немеркнувший, покуда память есть!
И есть еще десантники живые,
легенда тех – нам не забыть их – лет.
Потомки павших и живых, не вы ли
над городом зажжете счастья свет?

СОРОК ПЕРВЫЙ

Семену Пивоварову

Вы стояли в сорок первом насмерть,
с ППШ-а в окоп врасстая крепко.
И жила о мирной жизни память,
и – стальная каска вместо кепки.
Сколько вас скосило в сорок первом!
Ты один лишь ведаешь, о Боже!
Укреплялась в нас стальная вера,
что предать мы Родину не можем.
Вражина ползла по спелым нивам,
смердом тленья отравляя воздух.
И броней по вишням и по сливам

враг дополз до матушки до Волги.
Здесь судьба решалась: или-или,
быть России иль не быть России?
«Мессершмидты» тучами к нам плыли,
«Юнкерсы» ревели в небе синем.
Но сломалась вражеская сила
на донском, на волжском поле чистом.
Мать крестила, провожая сына
в смертный бой за веру, за Отчизну.
Вы стояли в сорок первом насмерть,
дали нам, братишкам, передышку.
И не истребить нам эту память,
что такая нам удача вышла.
А потом мы вам пришли на смену,
землю мы очистили от скверны.
Слава вам, не поругавшим веру,
вам, стоявшим насмерть в сорок первом.

СВЕЖИ ВОСПОМИНАНЬЯ

Да, о войне свежи воспоминанья,
хоть много лет проклятой той войне.
Хочу забыть, но тщетны все старанья:
она — во мне, она всегда — во мне!
И первый бой, и первое раненье,
и первый суп, вскипевший на костре,
и первое святое объясненье
в любви той чудо-медсестре.
И первый орден, а за что — не помню,
и первый залп по вражеской цепи,
и первый страх, которым сердце полно,
а ты его в том сердце утопи.
И первая атака. Боже правый!
Под пули в рост... Шагай, не упади.
И первые речные переправы
с той первой рукопашной впереди.

Да, о войне свежи воспоминанья,
хоть и прошло уже полсотни лет.
Хочу забыть, но тщетны все старанья,
но почему? Ответа нет!

ВETERАНЫ

Снова о войне поговорили:
как в живых остались — не понять!
Как войну мы «пламенно любили»,
как страну сумели отстоять.
Как война стреляла, убивала?
Норовила всех согнуть в дугу,
как дождем свинцовым поливала,
свирепая в ведро и пургу.
Все о ней поведали потомству,
прозу написали и стихи,
кинофильмы сняты... И про то,
что мы теперь седые старики.
Бороды свои мы не обрили,
приняли по чарке — не беда!
Тихо о войне поговорили,
сердцем окунувшись в те года.
Нюют наши раны и обиды,
тихо мы живем, не напоказ...
Мы войной сто раз уже убиты
и воскресли мы в сто первый раз.

ПОБЕДА-2

Пришла Победа как-то невзначай.
Мы пили кофе и остывший чай.
Над Златой Прагой вечер опускался,
и где-то говор пушек раздавался,
как будто нехотя бил автомат —
шла перестрелка битый час подряд.

А в доме у приветливого чеха
всем домочадцам было не до смеха,
и напряженная возникла тишина:
идет война иль не идет война?
Ещё стреляют где-то по привычке,
нет, видно, от привычки той отвычки.
Пора кончать немислимый раздрай!
Ночь наступает, всем пора бай-бай.
И девочка, такая красотуля,
пуглива и стыдлива, как косуля,
сверкнет глазенками и ждет ответа:
пришла она иль не пришла Победа?
Хозяин дома вышел и вернулся,
по-доброму всем в доме улыбнулся,
зажег все лампы, чтоб побольше света,
и внятно вымолвил: «ПОБЕДА!»

ВОСПОМИНАНИЯ

Я родился в городе Баку 29 июля 1925 года, то есть, спустя восемь лет после Великой Октябрьской социалистическом революции и через год и пять месяцев после смерти Ульянова-Ленина. Этим событиям, которым суждено остаться в веках и которые неоднозначно трактовались прежде и оцениваются сейчас, для меня лично не прошли бесследно: они формировали меня, как личность.

В Баку я учился в трёх школах. Сначала — в первой образцовой. Почему её так называли и кто — я этого не знаю, Образцовая и все тут! Находилась она далеко от дома. Почему мама сунула меня в эту далекую, образцовую, тоже не знаю. До седьмого класса я нехотя плелся в эту школу. Учился я ниже среднего, но учителя были классные. Это я потом понял. В седьмом классе, после переэкзаменовке по русскому языку, я сказал маме:

— Баста!

— Что «баста»? — спросила мама.

— У нас под носом седьмая школа — в соседнем дворе. Перелез через забор, и ты уже в школе.

Короче, после семи лет хождения за шесть кварталов, я оказался в школе, в соседнем дворе. Шёл сороковой год, и в новой школе со мной произошла метаморфоза: из «троечников» я переквалифицировался в «отличники». Как это вдруг случилось — сам не пойму. Видно, есть на свете чудеса. Когда в 1-ой «образцовой» пацаны узнали об этом (двоечники конечно), то трое из них сразу перешли в седьмую. Им, однако, это не помогло. Как видно, в голове что-то должно крутиться.

В седьмой я проучился всего год. Началась Великая Отечественная война, и нашу школу отдали под госпиталь, а нас перевели в другую, 160-ю. Забегая вперед, скажу, что из одиннадцати парней нашего класса с войны вернулось только трое.

То, что война с фашистской Германией рано или поздно грянет — было ясно всем. Она уже год грохотала у наших западных границ. Польша после недолго героического сопротивления была сломлена мощной фашистской машиной вермахта. Гитлер бил Европу выборочно, по частям. Удивляет бездействие европейских государств, не сумевших организовать для совместных действий. Будто Европу загипнотизировали, будто каждое европейское государство полагало, что вот-вот у Гитлера проснется совесть, или иссякнут силы, и он прекратит агрессию. Говорят, Гитлер был маньяк и псих. И все его окружение тоже. Тогда трудно понять, как им удалось, этим безумцам и людям без сердца поднять на войну со всем миром одну из культурнейших европейских наций? Я не берусь перечислить всех гениальных деятелей науки и культуры, которых немецкая нация подарила миру. Очень умная, серьезная и организованная нация! Для немцев главное — порядок. Порядок во всем: в культуре, в сельском хозяйстве, в промышленности, в бизнесе, в мыслях. Что-то же они кумекали, когда двинулись железной пятой на всю Европу...

Сталинская пропаганда внушала советскому народу, что наша армия непобедима. Геббельсовская пропаганда внушала немцам то же самое. Мы верили Сталину и распевали: «И на вражьей

земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». Мы пели: «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт...». Немцы тоже распевали свои победные песни в честь войны и маршировали под «Дранг нах остен». В переводе — поход на восток. Поход, понимаете, легкая прогулка на некий, малозаселённый восток, где обретаются какие-то русские, украинцы и белорусы, да разные прочие чучмеки, то есть низшая раса. Низшая, понимаете? Нация Пушкина и Льва Толстого, Глинки и Чайковского, Мечникова и Менделеева, Павлова и Курчатова, Шолохова и Достоевского, Чехова и Бунина... Их не смущали и бесконечные тысячи километров, которые им надо было одолеть с боями, чтобы достигнуть своей цели. Москва — вот она, сразу за Минском! До Минска фашистские армады дошли за несколько недель, до Москвы за несколько месяцев. Прогулка! Парад немецких войск на Красной площади как до этого на площадях других европейских столиц, как до этого — на Елисейских полях и на площади Этуаль. Не получилось. Но и нам пришлось тяжело...

Меня к концу 1942 года прозвали Совинформбюро, поскольку, последние известия о положении на фронтах во двор поставлял я. К шести утра к радиоточке со всей округи собирался народ. Голос Левитана, однако, утешения не приносил: Красная армия отступала. Сердце не выдерживало того, что приходилось слышать: немецкая армия вышла к предгорьям Кавказа, прибрали к рукам Нальчик, Минводы, Грозный, Моздок. Немцы рвались к бакинской нефти. До Баку им оставалось всего 400 километров, а Баку давал стране 70 процентов авиационного бензина. Но все же Гитлер нарушил принцип Эпанионда, погнавшись сразу за двумя зайцами: и к Москве он рвался обходным путем, и на Кавказ позарился. Тогда я ничего этого в свои пятнадцать лет не понимал. Тогда я только бегал в шесть утра в любую погоду, слушал последние известия и — обратно домой. Соседи меня ждали: ну что, ну как? А я им с непонятной злостью докладывал: «Миллерово захватили!» На следующий день: «Бешенская пала!» Названия городов, захваченных фашистами, сыпались из моих уст, как из рога изоби-

лия: Россось, Клетская, Элиста, Котельниково... Кошмар! Я докладывал: «К излучине Дона вышли...». Ещё через несколько дней: «Бои идут за город Калач!» На следующий день: «Немцы взяли Калач!» Ещё через день: «Немецкие войска в трёх местах форсировали Дон. До Сталинграда осталось 50 километров». Потом — тридцать километров, двадцать, десять, пять и самое страшное: «Нет больше километров, бои идут в городе, немцы вышли к Волге...». Выкладывал я это онемевшим от горя людям, а люди все ниже и ниже ростом становились, друг другу в глаза смотреть боялись. Выслушав мое очередное сообщение, молча расходились по домам, точно придавленные невероятной тяжестью и шли на работу, понимая, что только этим можно помочь армии, своим мужьям и сыновьям, сражавшимся с фашистами. Только этим и ничем другим!

Неработающая соседка Мурка, Мария Николаевна, как-то остановила меня в подъезде важная такая, в новом котиковом манто, сытая, благополучная.

— Ну что? — усмехнулась она.

— Что-что? — не понял я.

— Совинформбюро, а не знаешь, что? — рассмеялась она. — Какой притворщик! Похоже, скоро конец...

— Какой конец, — спрашиваю я, — кому конец?

— Ну, ты даёшь, — продолжала она. — Хана — вот какой конец, Немцы-то уже в Сталинграде...

— Ну так что? — сказал я, чувствуя в душе закипающую злобу. — В прошлом году они вплотную подошли к Москве и получили.

— Хана, — выпалила она, — стране нашей крышка!

Если бы она в этот момент плюнула в лицо, если бы влипла пощечину, я бы меньше оскорбился, чем от этих её мерзких, ядовитых слов, произнесенных с торжествующим злорадством. Сердце мое не выдержало, и я заорал:

— Врёшь ты все, Мурка, врешь, врешь, врешь! — Куда делось в этот момент все мое тонкое аристократическое воспитание, с таким упорством культивируемое во мне школой, книгами, мамой и так далее? Во мне проснулось что-то первобытное, злое, дремучее. — Им хана, а не нам. Не возьмут они Сталинград, как не

взяли Москву. Подавятся! Вот им, вот тебе! – тыкал я ей в лицо фиги с обеих рук, глотая слезы.

После этой беседы с Марией Николаевной, оная Мария Николаевна старалась не вступать со мной в политические дискуссии, а только заискивающе улыбалась. А я ей потом посоветовал прочитать стихотворение моего любимого Константина Симонова «Женщине из города Вичуга». Уж не знаю, прочитала она его или нет, но стала вести себя скромнее.

Наступил ноябрь. Минула 25 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции с традиционным военным парадом на Красной площади. Иосиф Сталин на торжественном заседании в московском подземелье, в который уже раз заявил: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Трудно было в это поверить, но основная масса народа в это верила. Надежда была слабой, но она теплилась в измученных душах людей. А на что им ещё было надеяться?

Начались налёты вражеской авиации на Баку. Сколько их было в действительности, не знаю, но два остались в моей памяти. Это даже не налеты были, а попытки что-то разведать. Если бы хоть одна бомба упала на нефтяные промыслы, то весь город запылал бы, как факел. Этого нельзя было допустить: земля здесь была пропитана нефтью. Её густой запах постоянно ощущался в городе. Он был одной из главных примет города. Начались ночные дежурства на крышах. Задача ставилась такая: если зажигательная бомба упадет на крышу, надо было щипцами сбросить её на улицу, на асфальт. Дежурить ночью на крыше полагалось взрослым, но у них после двенадцатичасовой работы сил на ночные дежурства не оставалось. Они работали без выходных и практически голодные. Ребята выручали тружеников. Если, к примеру, Лю дежурила за отца или мать, то мы всей оравой шли к ней на подмогу, чтобы ей одной не было страшно под грозящей бедой небом. Если лез на крышу я, то за мной – мои друзья. Мы не просто сидели и небо коптили, а разговаривали, мечтали, пели песни. Мы обдумывали, какой будет жизнь после войны. Строили планы на будущее, самой мечтательной из нас была Маринка. Она затевала такой примерно разговор:

– Война кончится – снова в магазинах хлеб будет. Бери, сколько хочешь.

– И пирожные, – подхватывал я.

– И мороженое с крем-содой, – стонал Мишка, облизывая губы и исходя слюной.

– И конфеты «Мишка», – продолжала эстафету Лю. – Помните, как они хрустели?

– Ещё бы не помнить! – вздыхали мы хором.

– Вы все о сладком, да о сладком, – обижался Алёшка, – а про мясо забыли. Это ведь главный для сытости продукт.

– Ух ты, ну и житуха будет! – вздыхали мы и затягивали песню про Катюшу, или про Москву майскую.

После таких ночных дежурств я топал к репродуктору, а после этого – в школу. В школе мы, пацаны, не только науки изучали: после занятий – два часа военной подготовки – всеобуч. Нас учили вернувшиеся с фронтов инвалиды. Учили стрельбе, ползанию, лазанию, подтягиванию, прыжкам и прочим премудростям, в том числе и штыковому бою. Нас готовили к войне.

Продолжение следует

ВЯЧЕСЛАВ ЕГИАЗАРОВ

Известный крымский поэт Вячеслав Фараонович Егиазаров родился 11 декабря 1940 года в Ялте, Крым.

В. Ф. Егиазаров автор поэтических книг: «Песни моря» (1979), «Сбудется доброе» (1986), «Музыка названий» (1997), «Ветка омёлы» (1998), «Бегство талой воды» (2003), «Белые чайки на белом снегу» (2005), «Планета Крым» (2010). Постоянный автор и член редколлегии журнала «Берега Тавриды» (Крым). Один из авторов нескольких антологий и коллективных сборников поэзии городов Москвы, Симферополя, Ялты, а также журналов «Севастополь» (Севастополь), «Радуга» (Киев), «Смена». «Мы», «Поэзия» (Москва) и т. д.

В. Ф. Егиазаров член Национального союза писателей Украины, Союза российских писателей (Москва), правления Союза русских, украинских и белорусских писателей РК, Международного союза писателей Крыма.

Является председателем Ялтинского отделения Союза русских, украинских и белорусских писателей РК, член Союза

крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины. Он также председатель Ялтинского филиала республиканского творческого союза «Крымская ассоциация писателей», председатель ЯО СПР.

Редактор поэзии всех тематических сборников «Наш Чехов», «Наш Пушкин» и нескольких книг членов литературного общества им. А. П. Чехова. Лауреат премии им. А. П. Чехова (1998), премии АРК (1998, 2006), премии А. И. Домбровского (2005). Лауреат международного литературного фестиваля «Осенний Крым – стихов очарованье» (2008), литературной премии им. А. С. Пушкина в номинации «Поэзия» (2011).

За вклад в развитие литературы Крыма и активную общественную деятельность в 2000 году награждён Почётной грамотой Президиума Верховной Рады АРК.

Заслуженный деятель искусств РК.

ПЛАНЕТА КРЫМ

Побродили и мы по планете с названием Крым,
восхищались и пели, с бедою познались и риском:
Тарханкутский маяк злой метели пронизывал дым,
Ай-Тодорский маяк ночь пронзал гладиатором римским.
А маяк Херсонеса все мифы Эллады пропел,
с мыса Сарыч маяк подавал нам тревожные знаки:
то я видел во сне ливень таврских разбойничьих стрел,
то скуластые скифы неслись, обнажив акинаки.
Генуэзские башни вели разговор об ином,
о торговле, любви, но суровыми были бойницы:
виноградники пахли пронзительным терпким вином,
и огромные звёзды мерцали в листве шелковицы.
Воробьи и дрозды торопливо клевали инжир,
вот и мы торопились на прошлое глянуть без грима:
в казематах Мангупа уютится загадочный мир,
а Чуфутское кладбище тайны хранит караимов.
Видно, жизни не хватит, чтоб край свой познать до конца;
песни стоны сменяли, а эхо протяжно, как вопль...
Я не трогаю пласт, где лавины огня и свинца
прокатились по Крыму..
(Да вспомним хотя б Севастополь!)

Я не трогаю пласт киммерийских легенд и холмов,
что ковыльной пылью присыпан, как свежей порошей,
потому что на это уйдёт много толстых томов,
как заметил однажды певец Киммерии — Волошин.
И когда мы сойдёмся в кафе под платаном густым,
мы представимся сами себе чем-то вроде масонов,
за планету мы выпьем с названием солнечным Крым,
не за остров же пить, да простит нас Василий Аксёнов.

ЯЛТИНСКИЙ ДВОРИК – 2

В этом дворике всё мне знакомо,
сколько раз он спасал от ментов;
взобралась на ограду текома –
вся в оранжевых гроздьях цветов.

После драк молодых разбегаясь,
я нырял в этот двор проходной;
может, юность у вас и другая,
да моя-то не станет другой.

К тем катальпам за той сараюхой
пробирался я тихо, как тать,
был я, что называется, ухарь –
это если помягче сказать.

Знал я лаз потайной через стенку,
знал, что выдать его ну нельзя, –
сам себе неплохую оценку
ставил я и, конечно, друзья.

В этом дворике всё мне знакомо –
милый шёпот, любовный азарт,
и с ограды свисает текома,
как свисала полжизни назад...

Выйдут звёзды, мерцающая над садом,
я всегда их мерцанье любил,
очень это, поверьте мне, надо,
чтобы дворик свой в памяти был.

ЯЛТИНСКАЯ ВИЗА

Весь этот город знаю наизусть я,
его штрихами стих мой каждый полон:
вот снова вижу чаек возле устья
речушки городской у кромки волн.
Попьют из речки и стоят на гальке.
Спроси меня про город, мил ли он?
Я в памяти храню, как будто в кальке,
таких штрихов, наверно, миллион.
Зубцы Ай-Петри тонут в дымке сизой,
платан могучий держит синеву.
В Поэзию я с ялтинскою визой
допущен и бессрочно в ней живу.
И в ней меняясь, как пластинок диски,
чтоб восхищенье вызвать у сердец,
то вдруг дворец возникнет Ливадийский,
то через миг — Массандровский дворец.
Мне здесь вовек не станет одиноко
и не приесться мне мой край никак;
мыс Ай-Тодор штурмует шторм с востока,
шторм западный штурмует Аю-Даг.
А в Ялтинском заливе блики солнца
играют, курс украсив кораблю.
Я с выдержкою дружен марафонца,
я спринтерские скорости люблю.
И я люблю, когда качает кроны
гуляка-ветер сосен и ракит,
и пик Ай-Петри, как зубцы короны,
закат на небосклоне золотит...

ЯЛТА — 1

Есть у сердца особая вежа,
свой надежный заветный причал,
в этом городе хаживал Чехов,
в этом городе Горький бывал.

В порт не зря за толпой каботажных
иностранные входят суда.

В этот город приехав однажды,
будешь снова стремиться сюда.

Я брожу по приморским аллеям,
тропкам горным знакомым уже,
в этом городе как-то вольнее
и смелее живётся душе.

В синей дымке очнётся Ай-Петри,
покачнётся вдали Аю-Даг,

в этом городе с детства окрепли
верность дружбе, характер и шаг.

Разве можно представить по карте
восходящего солнца лучи?

В этом городе дворики в марте
заметает метель алычи.

А когда расцветают миндали
и глициний взорвутся мазки,
в этом городе дальние дали
так немислимо станут близки.

В море плещутся звёзд уголёчки,
волны в небо взлетают лихи,
в этом городе все уголки
разобрали поэты в стихи.

Да и я ведь недаром из слов вью
эти строки под шелест и звон.

В этом городе первой любовью
возвеличен я был и спасён
от печали, от пьянства, от боли,
от никчемных компаний, от слёз —
в этом городе йода и соли,
в этом городе солнца и звёзд...

Я НЕЛЮБЯЩИХ КРЫМ НЕ ПОЙМУ

Над яйлою стоят облака,
жмётся к скалам берёзка-калека:
нам не раз обломала бока
алчность злая глумливого века.

Что о грустном?.. С просторов земли
собрались мы, певцы и поэты;
ни метели нас не замели,
ни дожди нас не смыли с планеты.

Воздух пушкинский тот же в Крыму,
дух волошинский тот же. И значит,
я нелюбящих Крым не пойму,
и подумать не мыслю иначе.

Как парное туман-молоко,
в бухте дышит и тянется к воле:
обмануть нас уже нелегко
и других обмануть не позволим...

А когда звёздный полог опущен,
здесь, в Гурзуфе (как было не раз!),
с нами тихо беседует Пушкин,
и Цветаева слушает нас...

ЮЖНАЯ НОЧЬ – 2

Минарет кипариса над крышею старого дома,
ятаган полумесяца, звёздной прохлады струя:
эта южная ночь мне до боли мила и знакома,
потому что южанин с рождения самого я.

Потому что постиг я ритмичность Эвксинского понта
и её алгоритм передать я могу и готов;

облака кучевые летят за черту горизонта
и вослед им другие торопятся с горных хребтов.

Это ветер хмельной их, играя, пронесит над морем
и замедлить их бег никакая не в силах мольба;
мы порою судьбой недовольны и даже с ней спорим,
потому что порой забываем, что значит Судьба.

И пускай льют дожди, пусть идёт за неделей неделя,
пусть ворчу: - Ну, погодка! Таковую бы только врагу!..
Северяне вздыхают о белых снегах и метелях,
я сочувствую им, но понять всё равно не могу.

Потому что я знаю: среди зимней тоски и содома
вдруг откроется небо, и будут, как прежде, со мной:
минарет кипариса над крышею старого дома,
ятаган полумесяца, звёзды и ветер хмельной...

ЮЖНОБЕРЕЖНЫЙ НОКТИУРН

Минарет кипариса, серп месяца, горсточка звёзд,
городские огни, пятна крыш, минарет кипариса;
в море гонит отары барашков бесщётных зюйд-ост,
их лучи маяков провожают от мыса до мыса.
Эту южную ночь я не спутаю с ночью иной,
этот пахнувший соснами, морем и грёзами воздух;
горы небо подпёрли зубчатою тёмной стеной
и за них, как за ширму, скрываются месяц и звёзды.
Лишь одно угнетает, что ты не со мной в эту ночь,
и смотрю я на пляж наш слегка затуманенным взглядом,
только грустные мысли легко отгоняю я прочь,
потому что тебя ощущаю здесь, словно ты рядом...
На заре заплыву, я поплавать люблю стилем «кроль»,
и к подводной охоте «неровно дышу» с детства, каюсь:
Южный берег вошёл в мою душу, сознание, кровь,
и вовек не избыть его, впрочем, я и не пытаюсь.

Этот *modus vivendi* во мне воспитал Южный Крым;
будь ты спринтер в натуре иль марку держи марафонца,
высшим в мире искусством — «улыбчивым быть и простым»
здесь легко овладеть, потому что хватает здесь солнца...
Но вернёмся назад, коли начал про ночь эту речь,
блики звёздные в бухте — сородичи пушкинской рыбки:
я о ночи пишу, чтоб её обаянье сберечь
хоть в строке в мире этом жестоком, коварном и зыбком.
Минарет кипариса — незыблем, а звёзды летят,
исчезают куда-то, и тщетно отыскивал брешь я:
я готов хоть всю жизнь этот пить опьяняющий яд,
по секретным рецептам настоящий Южнобережья...

ЭТОТ ГОРОД МНЕ ПОКОЯ НЕ ДАЁТ

Ялте

Этот город властно просится в стихи,
он без рифмы точной дня не может жить,
и уже ищу нюансы и штрихи
я, чтоб образ его снова освежить.

Мной описан он и вдоль, и поперёк —
в ливнях, в солнце, под туманом, средь снегов,
даже места не осталось между строк,
так старательно выписывал его.

Этот город мне покоя не даёт,
всё он требует, чтоб я строку искал:
после шторма воздух пахнет, словно йод,
это водоросли сохнут возле скал.

Ночью вновь склонюсь к тетрадке. Звёздный свет
мне достаточен, ведь у окна сижу:
этот город уже знает: я поэт
настоящий, я ему не откажу.

Всею душою, слыша властный этот зов,
описать его мечтаю без прикрас,
а край неба то багров, то бирюзов
по-над морем на востоке в ранний час.

Этот город.... Всем ему обязан я —
от разлук до самых-самых лучших встреч.
Ах, как бриза первобытная струя
затекает в стих, чтоб после в бухте лечь!..

«ЭСПАНЬОЛА»

Эрику Замковому

Наши Крымские горы
уютней и ниже, чем Альпы,
но по ним изначально
проложен наш юный маршрут.
Механизм катапульты
подсказан стручками катальпы,
одуванчиком майским
подсказан, смеясь, парашют.
Но не все нам, конечно,
открыла природа секреты,
и ещё нам откроет
секреты
она все подряд.
К нам спешат и спешат,
все мечтают побыть здесь поэты,
словно пчёлы на мёд,
в Крым поэты спешат и спешат.
И в скитаньях своих
они тянутся, тянутся в Ялту
и по Ялте идут
с видом дерзких бродяг
и задир,

где атлантом платан
по-над морем ветвями обьял ту
красоту,
что спасает нам души,
а значит — и мир.
Им поют «Эспаньолы»
звонящие струнами ванты,
что на Вечность заложен
её несменяемый галс,
бумеранги семян
разбросали по ветру айланты,
так китайские ясени
нежно зовутся у нас.
Но уже на плато,
словно прессом,
придавлены, тучи,
зацепились за горы
и лавой сползают с плато.
Много классных поэтов,
и всё же здесь
лучший из лучших
был и есть А.С. Пушкин,
и с этим не спорит никто.
Ах, ну что я? — А.С.! —
не на полках,
он в сердце навеки,
без него, что без родины! —
мучиться и тосковать...
Кровь бурлит, как весной
сумасшедшие горные реки,
льдом раздумий рассудок
не в силах те реки сковать.
Над яйлою летят
то закаты,
то снова рассветы,
яхты мчат к Аю-Дагу

по гребням мгновенным, седым.
Я желаю вам счастья,
мои дорогие поэты,
с вами Пушкин бессмертный,
в стихах обессмертивший Крым.
Но и вам повезёт,
вы напишете тоже,
надеюсь,
я вам даже подброшу
свою из заветнейших тем:
мы, мальчишки,
в Тарзана играли,
в индейцев,
мы, мужчины,
завидуем мальчикам тем.
И когда мы зайдём
в экзотический бар «Эспаньола»,
где чуть звякает рында
и стёрта где память о нас,
из-за мыса Мартьян,
из-за серого
строгого мола
дунет свежим левантом
и выдует слёзы из глаз.

ЭПИСТОЛА – 9

Я всё же напишу письмо. Эпистолярный жанр не моден,
но мне б хотелось, не спеша, тебе мой описать успех:
я камбалу подбил вчера, она смотрелась, словно орден,
на сером кителе песка, ещё зарыться не успев.

Глядела в бухту Куш-Кая, скалу ты эту знаешь в Ласпи,
я и в стихах уже о ней понастрочил немало строк.
Антонов Санька, как всегда, перекусив и выпив наспех,
к палатке стаскивал сушняк, сооружая костерок.

Я вышел к вечеру, таща кукан с рыбёхами и сетку с рапанами. На склонах гор легли закатные штрихи. Ты не подумай там чего, но Санька пригласил соседку — ну, Таньку рыжую, она — великий спец насчёт ухи.

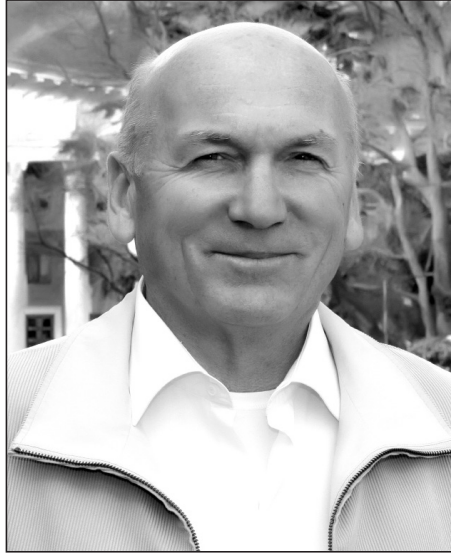
Какие звёзды в сентябре, тебе напоминать не надо. Почти с кулак! В Батилиман прошёл баркас. И снова глушь. Я к этим девственным местам прочней привязан, чем канатом, любовью, страстью. Чем ещё? Какой-то родственностью душ.

Ты помнишь, год тому назад мы провели здесь две недели, и звёздных ливней яркий свет вошел навек в твои зрачки. Какие песни в самый зной нам оглушительные пели цикады августа! Сейчас всю ночь поют для нас сверчки.

Мы на рассвете уплывём на Айя мыс. Там рай лобаний, такого не было, чтоб мы там время потеряли зря, там проплывают косяки вдоль скал крутых, как на экране, и можно выследить подчас среди водорослей зубаря.

Когда очередной закат нас встретит у палатки нашей, и что-то вслед шепнёт залив, вздохнув зелёною волной, я вспомню, как стояли мы под кроной вековых фисташек, и можжевельник сладко пах своею грустью смоляной...

АНАТОЛИЙ МИРЗОЯН

Анатолий Александрович Мирзоян родился 14 января 1946 года в селе Сосновка Бышевского района Киевской области, в семье фронтовиков. Проживал в Нагорном Карабахе, Баку. В 1958 году переехал в Украину.

После окончания школы-интерната работал токарем, служил в армии.

С отличием окончил СГУ им. М. В. Фрунзе и Высшую школу КГБ СССР. Служил в органах КГБ и СБ Украины. Прошел путь от оперуполномоченного отдела контрразведки Крыма до начальника Управления – зам. начальника УКГБ по Крымской области. После увольнения в запас возглавил Медицинский реабилитационный центр «Жемчужина» Государственной таможенной службы Украины.

Государственный советник III ранга Государственной таможенной службы Украины, заслуженный работник культуры АР Крым, почетный член Крымского армянского общества, член Межнационального союза писателей АР Крым, член Союза

крымских армянских писателей, президент общественной организации «Клуб-99», председатель совета старейшин, почетный гражданин Ялты и Гаспры, автор слов Гимна Ялты.

Имеет награды: 15 медалей, почетные звания и знаки Верховного Совета АРК, КГБ, СБУ, Государственной таможенной службы Украины, Благодарность Президента Украины, Золотой знак Крымского армянского общества за весомый вклад в развитие культуры.

Анатолий Мирзоян – лауреат кинотелефорума «Вместе» (2003), признан лучшим поэтом Ялты (2004), награжден дипломом Ялтинского городского совета за 1-е место в конкурсе на лучшую песню «Ялта – любовь моя» (2010). В 2011 году награжден дипломом за профессиональное мастерство и креативность в создании лучшего видеоклипа о Ялте (автор слов песни «Большая Ялта»). Лауреат Чеховской премии за 2012 год.

Сборники стихов: «Город нежный мой» (1997), «Отцов своих не предавая» (1998), «Жизнь – дорога» (2005), «Звездный вальс» (2006), «Город нежный мой» (2012).

АХ, ЭТА ДРЕВНЯЯ ПРЕКРАСНАЯ ЯЛТА!

В этом году город Ялта отмечает 179-й день рождения. Крымский полуостров гордится своей многовековой историей, возраст его городов и населенных пунктов насчитывает не одно столетие, а подчас — и тысячелетие. Кафа (Феодосия) — VI век до н.э., Алустан (Алушта) — IV век, Сугдея (Судак) — 212 год. Но где же в этом почтенном списке Ялта, неужели она так молода, всего «каких-то» 179 лет?

По какой-то странной причине наш город ведёт свое летоисчисление не от момента первого письменного упоминания о нем, а от даты указа императора, присвоившего Ялте статус города.

«17 сентября 1837 г. Его Императорское Величество Николай I, осмотрев с этого места открывшийся перед ним вид, высочайше повелел переименовать деревню Ялта в город Ялта», — гласила надпись на стенах часовни Св. Николая на улице Бульварной. В 1838 году Правительственный сенат своим указом присвоил Ялте статус города. Вот так и получилось, что официально нашему городу лишь 179 лет.

Дебаты о его возрасте ведутся уже не один десяток лет, до сих пор не приведя ни к какому окончательному результату. Ученые и краеведы, журналисты и общественные деятели пытаются найти решение вопроса.

Городской совет старейшин, объединившийся в общественную организацию «За развитие Ялты», вновь поднял вопрос об изменении официальной даты основания Ялты как поселения, с целью приблизить её к историческим реалиям.

Уже не раз говорилось о том, что первое упоминание о Ялте в письменных источниках относится к XII веку. В сочинении арабского географа и путешественника Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Идриси (около 1100–1165 гг.) «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» указано: «...А затем до Карсуны (Херсонес) без малого день морского плавания, что составляет 80 миль. От Карсуны до <города> Джалита (Ялта) — 30 миль. Этот город из числа городов куманов. От Джалиты до города Гурзуби (Гурзуф) — 12 миль».

Арабский путешественник громко именует Джалиту городом, впрочем, как и Гурзуби (Гурзуф). Вряд ли, конечно, в те времена это были полноценные густонаселенные города, скорее — селения. Разные источники, в связи с этим, определяют условный день рождения Ялты как 1154-й, а некоторые — и 1139 год.

Однако известно, что еще задолго до этого здесь селились люди. По некоторым данным, следы их — «каменные ящики», захоронений XI-X вв. до н.э. — найдены на склоне Поликуровского холма, а также на горе Кошка, мысе Ай-Тодор, Аю-Даге и в других местах. Таким образом, по результатам археологических раскопок, люди жили здесь тысячи лет назад, а первые письменные упоминания о Ялте приходятся на XI век.

В средние века Ялта была уже довольно значительным поселением. На географических картах XIV века она именовалась по-разному, однако близкими по звучанию названиями: Джалита, Гиалита, Каллита, Эталита.

С середины XIV века Южный берег Крыма активно вовлекается в создаваемую администрацией Кафы на крымском побережье Черного и Азовского морей систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе. В 1357 году в Чембало (Балаклава) уже находится генуэзский консул Симоне дел Орто. Видимо, одновременно с захватом Солдайи в 1365 году была сделана попытка присоединить к генуэзским владениям и населенные пункты Южного берега Крыма в 1380 году выводятся из протектората Золотой Орды и официально переходят под власть Генуи, что было закреплено соответствующим договором.

Помимо городов Солдайи и Чембало, 18-ти деревень округа Солдайи, генуэзским властям также были переданы селения Фори (Форос), Чиничео (Кикенеиз, Оползневое), Лупико (Алупка), Музакори (Мисхор), Орианда (Ореанда), Джалита (Ялта), Сикита (Никита), Горзовиум (Гурзуф), Партените (Партенит), Lambadie, Луста (Алушта).

С начала XV века Ялта вместе с другими южнобережными землями входила в состав феодального княжества Феодоро, населенного народностью, исповедовавшей христианство. Затем

перешла к генуэзцам, а позднее, до 1475 года, снова относилась к Феодоро.

Помимо средневековых генуэзских документов, сведения о Ялте, в частности о её церковной жизни в XIV веке, содержатся и в Актах Константинопольского патриархата. Приказ (митрополиту) Готскому о Ялте:

«Мерность наша настоящею грамотой возлагает на святейшего митрополита Готского и пречестного, во св. Духе возлюбленного брата нашего и служителя экзархию и управление патриаршим местом, называемым Ялитой, который обязан смотреть за нею и за всеми, находящимися в нем, священными (лицами) и за прочим Христаменным народом Господним, увещевать, учить и руководить его ко всему душеполезному, имея позволение беспрепятственно священнодействовать в находящихся в нем патриарших храмах».

В Джалиту назначался генуэзский чиновник-консул, первое упоминание о котором относится к 1449 году. Видимо, для резиденции консула Ялты в конце XIV - начале XV века на мысе св. Иоанна строится генуэзский замок. С османским завоеванием 1475 года всех генуэзских городов, крепостей и селений этот замок Ялты перестает использоваться и постепенно приходит в упадок. Руины этой крепости в конце XVIII века еще мог наблюдать академик П. С. Паллас. Стены замка были разобраны в середине XIX века при строительстве ялтинского порта.

Определить приблизительное местоположение генуэзского средневекового замка, населенного пункта Ялта и церкви св.Иоанна позволяют топографические планы селения, снятые русскими топографами в конце XVIII – начале XIX веков. На этих планах показано положение строений средневекового селения у мыса св. Иоанна до строительства порта; план редута русских войск, построенного на фундаменте стены генуэзского замка; план церкви св. Иоанна, находившейся внутри замка. Селение занимало площадь около 1 га и имело две улицы, идущие в меридиональном, и три – в широтном направлениях. Площадь замка составляла около 50,5 x 35,5 м.

В 1475 году Ялта, как и остальные поселения Южного побережья Крыма, оказалась под властью турок. С 1475 по 1774 год она входила в провинцию, находившуюся в личном владении турецкого султана. В этот период поселение пришло в упадок и к концу XVIII века представляло собой небольшую рыбацкую деревушку: несколько жалких лачуг и церковь. Располагалось поселение в нижней части Поликуровского холма, на мысе Иоанна (сейчас на этом месте находится морской вокзал).

В 1778 году русское правительство переселило христиан полуострова на побережье Азовского моря, где они основали новое селение, назвав его Ялтой. И хотя после присоединения Крыма к России некоторые греки стали возвращаться в родные места, в крымской Ялте в 1800 году, по свидетельству П. И. Сумарокова, было только «13 избушек чинов греческого балаклавского батальона».

В 1835 году к оторванной от остального мира деревушке Ялта (к ней можно было добраться только верхом по горным тропам) была проложена гравийная дорога от Алушты, а спустя два года завершено строительство дороги, связавшей ее с Севастополем. Появились причальные сооружения, постепенно налаживалось морское сообщение.

Одним из первых сооружений будущего города был собор Иоанна Златоуста, освященный в 1837 году. Здесь, в нижней части Поликуровского холма, и на мысе Св. Иоанна и зарождался будущий город.

Вокруг Ялты новые хозяева земель руками крепостных возводили роскошные дворцы, виллы, особняки, закладывали промышленные сады и виноградники, великолепные парки, которые и сегодня украшают Южнобережье.

23 марта (4 апреля) 1838 года Правительственный сенат объявил Ялту городом. Правда, новоявленный город состоял всего из одной улицы Елизаветинской (ныне улица Игнатенко) и насчитывал 30 дворов и 224 жителя. Таким он оставался еще долгое время. С приобретением Удельным ведомством для императорской фамилии имения Ливадия город Ялта получил свое второе развитие. Таким образом, возраст Ялты должен насчитывать не 179 лет, а по крайней мере восемь столетий.

Почему же при таких, казалось бы, неопровержимых доказательствах древнего возраста нашего города историки по-прежнему спорят о нем?

Их претензии основываются на неоднозначном отношении специалистов к достоверности источников, которыми пользовался ал-Идриси. Известный исследователь Н.Л. Эрнст писал еще в 1936 году: «Сам Идриси в Крыму не был, свои сведения черпал, видимо, не из литературы, а из живых опросов ездивших в Крым моряков, главным образом итальянцев». Однако и сам уважаемый ученый не может однозначно утверждать происхождение источников, которыми пользовался арабский путешественник, осторожно вставляя в свои рассуждения слово «видимо».

Видный крымский исследователь и археолог О.И. Домбровский отмечал некую неопределенность в существовании остатков средневековых укреплений на территории Ялты: «Огромная и цветущая ялтинская котловина не сохранила остатков какого-либо значительного укрепления ни на одном из своих холмов (если не считать отдаленных сведений П. Кеппена о развалинах на Палекуровском холме». Однако получается, что он, как и все прочие путешественники, хотя и косвенно, подтверждает наличие на Поликуре этих древних развалин. А это значит, что и мы можем утверждать: Джалита была заселена гораздо раньше официально принятых дат.

Сегодня Ялта — крупнейший город-курорт, город-музей с многовековой историей, многонациональным укладом, с памятниками архитектуры и культуры, ни один из которых не должен быть забыт. Ялта, как никакой другой город в Российской Федерации, может предложить совершенно уникальный набор туристических, рекреационных, образовательных, оздоровительных и развлекательных услуг. Нигде больше нет такого уникального сочетания целебного воздуха, моря и мощнейших исторических пластов.

К сожалению, говорить о том, что все имеющиеся образовательные и экскурсионные возможности Ялтинского курорта используются эффективно, не приходится: из имеющихся памятников истории и культуры в настоящее время в туристических

целях используются лишь около 20 процентов! Туристическая инфраструктура также далека от идеальной. А ведь интерес гостей Южного бережья выходит далеко за рамки пляжей и ресторанов. Люди тянутся за новыми знаниями!

К такому особенному городу, как Ялта, и подход должен быть особенный. Ее называют и летней, и южной столицей, столицей курортных городов Крыма, а раньше величали всесоюзной здравницей. Однако этот уникальный город до сих пор не имеет специального статуса, который помог бы ему развиваться. Не обозначен и реальный возраст Ялты.

Не претендуя на истину в последней инстанции, но, основываясь на выводах экспертов и мнении ялтинцев — простых горожан и маститых ученых, ялтинский совет старейшин активно занимается решением этого вопроса. Потому что все мы едины в любви к самому прекрасному городу — Ялте, и все хотим, чтобы историческая справедливость в отношении лучшей жемчужины в короне крымских курортов восторжествовала.

Восстановление исторической даты основания Ялты дает возможность по-новому посмотреть на наш любимый город, на его прошлое и настоящее, изучить и возродить его истинную историю. Это послужит хорошей основой для воспитания патриотизма и любви к родному краю.

И тогда мы с еще большей гордостью воскликнем: «Ах, эта древняя прекрасная Ялта!»

НЕ ПРИПОМНЮ

- Володя, здравствуй!
- Здравствуйте, Анатолий Александрович.
- Жив, здоров?
- Да, все в порядке.
- Володя, скажи, пожалуйста, неделю назад при нашей встрече с тобою рядом была женщина, симпатичная такая, которая вела себя, как давняя знакомая.
- Не помню, кто такая.
- Она поинтересовалась, как у меня дела на стройке.

- Честно, Анатолий Александрович, не могу припомнить.
- У неё очень ухоженная кожа лица, модная прическа, локоны светлых волос спадали на плечи пальто синего цвета... Да и с тобой она держалась как-то по-свойски.
- Ей Богу, не помню. Вспомню – обязательно скажу.
- Ну, у неё был маникюр «френч», а на руках собачка йорк с красным бантиком.
- А! Так это же Галка, жена моя, она Вас хорошо знает.

ВЕЛИКИЙ СПЕЦИАЛИСТ

Выполняя роль почтальона, я должен был передать пакет товарищу моего товарища, которому мне пришлось долго объяснять по телефону, где находится мой офис.

Поднявшись пешком по лестнице на четвёртый этаж (лифт работал с перебоями), тяжело дыша и обливаясь потом, зайдя в кабинет, он буквально уронил свой центнер на диван и попросил водички.

Поблагодарив за передачу, отдышавшись, он спросил меня, чем я тут занимаюсь. Я подробно рассказал ему о своей работе. Наш проект строящегося многоквартирного жилого микрорайона ему очень понравился, и он обратился с просьбой принять его к нам на работу: «А то «конь застоялся и изнывает от безделья».

Я шутя ответил ему, что его должность давно уже занята, и не кем-нибудь, а лично мною. Так как начальник здесь я один, а остальные коллеги пашут по двадцать шесть часов в сутки, от зари и до зари, эта роль ему явно не подойдет. Но он настойчиво продолжал расписывать весь свой трудовой путь от простого рабочего до руководителя крупных предприятий, чиновника органов местного самоуправления и даже департамента министерства, делая упор на приобретенный опыт, глубокие знания и высокие достижения:

– Да, я – мастер на все руки. Вы мне только дайте стратегическое направление, обозначьте цель и не будете знать никаких проблем.

Я отбивался, как мог, и все время переводил разговор на шутку.
Когда я проводил его до уже включенного лифта, и дверь кабины за ним закрылась, то оттуда раздался жалобный голос:
— Анатолий, что-то я тут не разберусь, что мне делать?
Улыбаясь, я громко посоветовал ему нажать на кнопку с цифрой номер один.

ВРЕМЯ

С рождения не ощущал я время,
Точнее, ничего о нём не знал;
Какое может быть у чада бремя? —
Я попросту его не замечал.

А в школе торопил звонок с урока,
Каникулы нетерпеливо ждал,
И повзрослеть хотелось раньше срока.
Я гнал его, спешил и догонял.

Теперь мы поменялись с ним местами —
Оно летит, как птица, — не догнать,
Уже его не меряю годами,
Все тороплюсь тебе себя отдать.

Его я измеряю по минутам,
По тонким взглядам, нежности руки,
По теплоте совместного уюта...
Не будет вспять движения реки.

Нам в этой жизни многое досталось,
Про это все известно лишь двоим,
Мы только ВРЕМЯ заберём на старость —
Оно нам стало самым дорогим.

Чтобы его хватило объясниться
И надышаться воздухом одним,
«Поспориться» и снова «помилиться»,
Доказывая, кто сильнее любим?!

ЯГОДКА

«45 — баба ягодка опять»
(пословица)

Тебе совсем не нужно ждать,
Когда наступит день рожденья,
Чтоб снова ягодкою стать
По сказочному повеленью.

У нас всю жизнь ты на виду
Зимой, весной и жарким летом,
Всегда и в радость, и в беду
Цветешь, сияешь нежным цветом.

Не веришь? — полистай альбом, —
По внешности не стала хуже,
А вот какая ты на вкус —
Мы видим по глазам у мужа.

* * *

А ты заставь себя смеяться —
Для грусти повод есть всегда,
Не вздумай в плен хандре сдаваться.
Сам статус пленного — беда.

Не позволяй ей поселиться
В твоём сознание и душе
И не давай ей насладиться
Тем, будто сломлен ты уже.

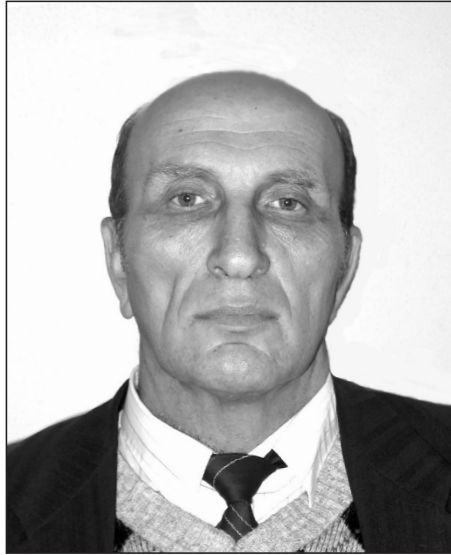
Она — червивое создание,
Порой — творенье грязных рук,
Лишь расцветает от страданий
И от твоих пьянеет мук.

Не разрушай себя и близких
Ни вздохом-стоном, ни слезой.
И без какого-либо риска
Гони её, гони долой.

Бывает горе и утраты —
От них не деться никуда.
А на хандру теряешь зря ты
Покой, здоровье и года.

А ты заставь себя смеяться —
Для грусти повод есть всегда...

АЛЕКСАНДР СКЛЯРУК

Евпаторийский поэт, переводчик, педагог, журналист Александр Семёнович Склярук родился в 1952 году в Евпатории.

В 1971 году окончил Днепропетровский политехникум. Служил в рядах Советской армии, был корреспондентом газеты «Боевое задание».

В 1977 году окончил Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В.Я. Брюсова. Учебу в институте совмещал с работой в Союзе писателей Армении в качестве переводчика и библиографа у известного поэта Геворга Эмина. Владея несколькими языками, принимал участие в подготовке к изданию книг поэтов-переводчиков.

С 1977 по 1978 год работал учителем в селе Дзорап Аштаракского района Армении.

С 1978 по 1985 год – методист и экскурсовод Евпаторийского бюро путешествий и экскурсий, педагог-воспитатель общежития и преподаватель ГПТУ – 19.

С 1985 по 1987 год – заведующий лабораторией кафедры иностранных языков в Харьковском автомобильно-дорожном ин-

ституте и преподаватель русского языка как иностранного в том числе и в электротехническом техникуме, а с 1988 по 1990 год – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Харьковской областной школы-интерната №4.

Принимал участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении в 1988 году.

С 1990 года А. С. Склярчук работал учителем русского языка и литературы в детском санаторном комплексе «Прометей». В 1991 году стал основателем и директором воскресной армянской школы, где преподавал историю армян Крыма.

С 1993 года является заместителем председателя Евпаторийского городского отделения Крымского армянского общества (ныне – Местная армянская национально-культурная автономия городского округа Евпатория), принимает участие в осуществлении широкой программы развития общины в организации работы, обучения, культуры. Благодаря усилиям правления и лично А. С. Склярчука местной общине возвратили армянскую церковь Сурб Никогайос – Св. Николая – памятник архитектуры XIX века. Он принимает активное участие в мероприятиях по реставрации этого храма, в создании историко-культурного центра, ведет исследования по этнографии крымских армян, является участником Международных научно-практических конференций «Армяне Украины: вчера, сегодня, завтра».

С 1993 года по 1997 год – член правления общества «Украина – Армения». Неоднократно выступал с докладами на республиканских семинарах, посвященных возрождению культур народов Крыма.

С 2008 года является председателем общественного совета при управлении межнациональных отношений Евпаторийского городского совета, в который входят представители 17 национально-культурных обществ и организаций. Благодаря его усилиям проводится большая работа по сохранению национальных культур и традиций разных народов: дни национальных культур, народные праздники, творческие встречи, литературные чтения, конференции, фестивали, выставки.

Имеет много публикаций в различных газетах и журналах.

С 1994 года – корреспондент газеты «Голубь Масиса» Крымского армянского общества.

С 2002 года – член Ассоциации крымских армянских литераторов, которая в 2007 году преобразована в Союз крымских армянских писателей (СКАП).

С 2010 года – ответственный секретарь Союза крымских армянских писателей. Он редактор и член редакционного совета альманаха крымских армянских писателей «Родина в сердце», других изданий. Участник шести первых выпусков этого альманаха.

С 2013 года – член президиума КРО Национального союза писателей Украины.

Автор поэтических сборников «Лирика», «Сокровенное», «Мелодия ветра», «Я встретил осенью весну», книги «Из путевого блокнота».

Член литературного объединения им. Ильи Сельвинского (г. Евпатория).

Александр Склярук – лауреат Всекрымского фестиваля поэзии «Альгамбра – 2003», международного фестиваля поэзии «Чеховская осень – 2009» (г. Ялта), музыкального конкурса «Песня о Евпатории», крымского поэтического конкурса «На Евпаторийской осенней волне» (2010г.). Он член оргкомитета и участник Международного фестиваля «Трамвайчик №...» (Поэтический маршрут) в Евпатории.

Отмечен почетным знаком «За активную работу» Правления Всесоюзного общества «Знание» (1989 г.), благодарностью Министерства культуры, по вопросам молодежи и спорта Армении (1995 г.), благодарностью Правления Союза писателей Армении (1995 г.).

Награжден Почетной грамотой Президиума Верховной Рады Автономной Республики Крым (2002 г.), Почетной грамотой Крымского армянского общества (2005 г.), а также дипломом культурно-просветительного центра «Дружба» Министерства культуры и искусств Украины.

В 2003 году награжден юбилейной медалью «2500 лет Евпатории», Почетной грамотой городского головы (2002 г.), неодно-

кратно награждался грамотами исполнительного комитета городского совета и благодарностями городского головы.

В 2006 году награжден памятной медалью им. И. К. Айвазовского, а также занесен на городскую Доску почета, отмечен дипломом участника 7-го Международного фестиваля «Гезлев – Къапусы – 2010».

В 2007 году награжден Грамотой оценки заслуг и благословения Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви архиепископа Григориса Буниатяна.

В 2008 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым».

В 2010 году награжден Грамотой Республиканского комитета АР Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

Александр Склярчук – лауреат конкурса «Общественное признание» (2012 г.).

Награжден Грамотой Патриаршего благословения и признания заслуг Католикоса всех армян Гарегина II и высшим почетным орденом Армянской Апостольской церкви «Сурб Саак – Сурб Месроп» (2012 г.). В этом же году ему была вручена высшая награда Крымского армянского общества – Золотой знак.

В 2013 году А. Склярчук награжден Почетной грамотой Кабинета министров Украины и медалью.

* * *

Так хорошо, что ты пришла вчера...
И с вечера до самого утра
Я рисовал тебя в воспоминаньях,
Искал в неуловимых очертаньях...

Так хорошо, что ты пришла вчера...
Настала долгожданная пора!..
Тебя встречаю в огненных рассветах,
Как отголосок солнечного лета...

Как хорошо, что ты пришла сегодня...
И мы с тобой веселым, светлым полднем
Пройдемся по осенним переулкам,
Шаги переплетаться будут гулко...
Как хорошо, что ты пришла вчера!

* * *

Твой голос
и твоё тепло
Я помню
каждое мгновенье...
С тобой
уютно и светло,
С тобою
духа возрожденье...
С тобою
праздник каждый день
И каждый день
с тобою счастье,
С тобою —
радость перемен,
С тобою —
нежное участие...
Благодарю
за каждый миг,

За новый месяц,
как награду!
Учитель твой
и ученик,
Когда со мной
ты вместе, рядом!

* * *

Я без тебя уже
болею,
Я без тебя уже
скучаю,
Душа как будто
сиротеет,
И вновь и вновь
я замечаю,
Что даришь ты в словах
здоровье,
В улыбке – нежность
и отраду,
И счастье доброй,
светлой нови...
Волнуешь вечною
загадкой...
Кружась в безудержном
порыве
Неувядающих
соцветий,
Мы новый мир с тобой
открыли
На бесконечном
нашем свете...

* * *

Я ждал тебя
не полчаса,
А вечность целую,
наверно...
Стихи
душою я писал,
Слова летели
вдохновенно...

Я передумал
все уже...
А время
вдруг остановилось:
в окне
на пятом этаже
Ты, наконец-то,
появилась...

Мгновенно
распахнулась дверь...
Ты оказалась
близко, рядом...
Мне это
кажется теперь
Такой
желанною наградой!

* * *

Я жду
счастливые мгновенья
И каждый день,
и каждый час...
О, радость,
будь благословенна,
Не покидай
веки нас!

И день, и два,
сто пятьдесят
Сегодня мы
уже встречаем...
Что может выше быть
наград,
Которые
мы получаем?

Спасибо,
милая моя,
За лучшее,
что есть на свете!
Скажу тебе я
не тая,
Что жду всегда
твоих ответов...

* * *

Я не жалею
ни о чем,
Хоть уплываешь ты с ручьем
Своих надежд,
своих сомнений.
Ты все равно —
мой нежный Гений!
Не удержать тебя
никак,
Но появляется
строка,
А в ней прочесть
уже я смог:
За нас в ответе
только Бог!

* * *

Я спешу к тебе
в твой дивный сад, —
Манит меня
нежный аромат...
Там расстелим
скатерть мы вдвоем
И под вишней
обретем свой дом...
Пусть созреют
ягоды добра, —
Пировать мы будем
до утра!

* * *

Я счастлив, когда ты рядом
И все с тобою чудесно!
Ты — солнце мое, награда,
Моя желанная песня...

И двери мои открыты,
И окна открыты настежь...
Обиды давно позабыты...
Ты снова надежде внимаешь...

* * *

Я утром свежим, чистым, нежным
Живу целительной надеждой
На встречу скорую с тобою...
Скучаю и живу мечтою...

* * *

Я уйду уже сегодня
От разных подвигов твоих,
От угрызений, оправданий —
Таков любви последний штрих...

И говорю об этом прямо,
Без жесткой тени сожаленья,
Что можно было верить странно
В такое чудное мгновенье...

* * *

Твое молчанье — непонятно...
Оно обманчиво занятно...
Оно жестоко многократно
И возвращается обратно...

* * *

Нам лето сказку подарило...
Мерцал в ночи морской прибой...
А утро свежее открыло
Счастливым месяц молодой...

* * *

А виноваты вновь
мечты и время,
И опоздавший поезд
в полусне...
Вдруг защемило сердце
откровеньем
В негаданно умчавшейся
весне...
Казалось все...
Остановилась вечность,
Упрек судьбы наваял
грустный шаг.
Обида не бывает
бесконечной.
Тебе я друг.
Ты тоже мне не враг..

* * *

А, может, утону я в звездном море
И попаду навечно прямо в рай,
Но не спешу туда так скоро...
Судьба, еще раз подыграй!

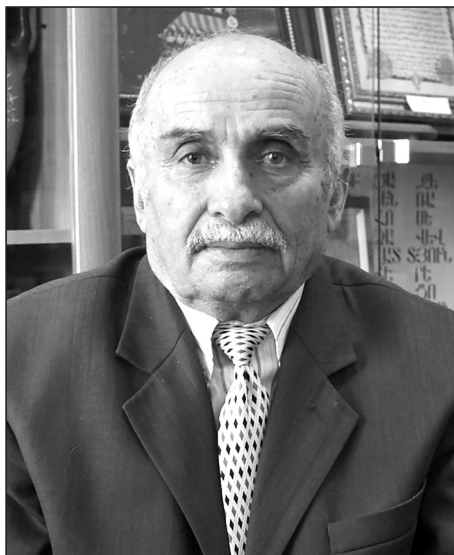
В БЕСКОНЕЧНОМ КРУГЕ

Мы с тобой зависим друг от друга,
Оказавшись в бесконечном круге
Поворотов и противоречий
Судьбоносной нашей первой встречи...

Мы с тобой зависим друг от друга,
Тянемся доверчиво, упруго.
И скучаем после каждой встречи...
Хочется, чтоб это было вечно!

Со мной всегда воспоминанья,
Янтарный медальон судьбы...
Я слышу вновь твои признанья
И шепот ласковой мольбы...

МИХАИЛ ПЕТРОСЯН

Михаил Арамович Петросян родился в 1942 году в селе Мохратах Мардакертского района Нагорного Карабаха.

Закончив среднюю школу, он в 1964 году поступил в Ереванский электромеханический техникум, после окончания которого, с 1967 года работал на Степанакертском «Каршёлккомбинате» начальником цеха. Заочно окончил Минский институт лёгкой промышленности.

Михаил Петросян начал писать стихи в четырнадцать лет. Публиковался в газетах «Советакан Карабах», «Коммунист», «Авангард», «Метаксагорц».

С 1992 года живет в Симферополе и активно участвует в культурной жизни крымских армян. Изданы сборники стихов Михаила Петросяна «Зов Арцаха», «Легенда о любви», «Тоска рождается в дали» и сборник рассказов «Родники рождаются в горах». Он участник шести выпусков альманаха «Родина в сердце».

Михаил Петросян — член Союза крымских армянских писателей — коллективного члена Национального союза писателей Украины, награждён памятной медалью им И. К. Айвазовского.

ԾՈՎԱՓԻՆ

Նորից կանգնած եմ ես ծովի ափին.
– Քո չքնաղ տեսքի գերին եմ, Մն ծով,
Մեմիզում եմ այս անգամ արդեն,
Աչքերս ծովին՝ հեռու եմ մտքով:

Պոետ չլինես՝ պոետ կդառնաս,
Այս չքնաղ տեսքը ինչպե՞ս մոռանաս:
Ալիքն է զարկվում ժայռոտ ափերին,
Մտքերս շեղում, անում է մաս-մաս:

Ծովը սխալներ չի ներում երբեք.
– Անփորձ լողորդնե՛ր, դուք զգույշ եղեք,
Այն, ինչ ցամաքում կարող է ներվել,
Այստեղ կարող էք կյանքով հատուցել:

Ծովը քամուց է հրաման առնում,
Գժված, փրփրած քարերն է լիզում,
Նա գեղեցիկ է իր խենթության մեջ,
Եթե ափին ես ոչ նրա գրկում:

Հիշեցի նորից այն Մեծ հայորդուն,
Որ ծովի մեջ էր գտել բնորդին,
Նրա «Բններորդ ալքը» ցասման
Հայի բողոքն է ընդդեմ աշխարհի:

Ծովափնյա ժայռին ճայերը նստած՝
Ասես թե ինձ են նայում զարմացած.
– Որտեղի՞ց եկավ անձանոթը այս,
Որ խզմզում է՝ թուղթ, գրիչ առած:

Եվ ալիքները՝ իրար փեշ բռնած,
Զարկվում են ժայռին կաթիլներ դարձած,
Քամուց խելագար թռչում են վերև,
Ինչպես պատանի՝ մեծ սիրուց արբած:

ԻՆՉՈ՞Ւ

Ինչո՞ւ եմ սիրում ես այդ երկիրը,
Ուր դառն է եղել իմ մանկությունը,
Ուր լավ օրերը այնքա՛ն քիչ էին,
Որ մեկ-մեկ գիտեմ նրանց հաշիվը:

Ուր հայրս ծանր բեռով տուն չեկավ,
Դեմքս չտեսավ, չառավ գիրկը իր,
Նրանից մնաց մի լուսանկար,
Մնաց մի նամակ՝ ռազմաճակատից:

Հավատում էի սուտ երագներին,
Մովորում էի գրքերին տրված,
Սինձ ու մրգերով փորս կշտացրած՝
Զիլ երգում էի՝ փառք հայրենիքին:

Բայց ինչ էլ լինի, սիրում եմ անչափ
Այդ հողն ու ջուրը կյանքից առավել,
Ես աքսորված եմ զգում ինձ հիմա,
Քանզի հեռու եմ՝ իմ կամքից անկախ:

Պատճառը, գուցե, այն խենթ օրերն են,
Երբ սերը բացեց սրտիս դռները,
Կամ էլ աղբյուրի սառնորակ ջուրն է,
Հրաշք լեռները, մեր անտառները:

Իմ մանուկ հոգում դեռ օրորոցից
Մաղձ էր կուտակվում ծով դառնությունից,
Բայց իմ մեջ երբեք այն թույն չդարձավ,
Քամվեց օրերիս սիրո մեծ ուժից:

Ինչո՞ւ եմ սիրում ես այդ երկիրը,
Ուր արյունոտ են անգամ քարերը,
Գուցե նրանի՞ց, որ իմ ուղեղում
Կարոտն է խրել անգութ ճանկերը:

Դեռ անհիշելի ժամանակներում
Մեր ոտքի տակի հողը քանդեցին
Սոլուցքով բռնված քոչվոր ցեղերը,
Ջնջել ուզեցին հետքը հայերի:

Շատ կրակ մարվեց հայի օջախում,
Բայց անթեղնված էր կրակը մնում,
Նորից ու նորից դարերի խորքից
Ժայթքում էր լավան ու հրդեհ դառնում:

Բայց վրա հասավ հատուցման ժամը,
Ու ժամանակը թամբեց նժույզն իր,
Ոտքի տակ տվեց կեղծիքն ու սուտը
Եվ համբերության լցված բաժակը:

Ինչո՞ւ եմ սիրում ես այդ երկիրը,
Երբ այդ հեղեղում քանդվեց իմ տունը,
Երբ դարձա ես էլ մի նոր գաղթական,
Ու փլվեց, ցրվեց իմ խաղաղ հույսը:

Սատանան հառնեց երկրի ընդերքից
Ու հազարավոր կյանք խլեց մեզնից,
Բայց կամքը հայի՝ համառ ու անհաշտ,
Դիմացավ նաև այդ նոր հարվածին:

Հիմա երբ հեռվից անցյալն եմ հիշում,
Ինձ հայրենիքից զրկված եմ զգում,
Նոր սերունդներ են այնտեղ մեծանում,
Երևի ինձ էլ քչերն են հիշում:

Ինչո՞ւ եմ սիրում ես այդ երկիրը,
Ուր չեն ընթերցում իմ գրվածքները,
Որոնք բոլորը նրանց մասին են՝
Մեր ապ ու պապից մինչև նորերը:

Բայց ես խենթորեն՝ սիրահարի պես,
Նրան եմ ձգտում կարոտով անտես,
Աշխարհից թանկ է այդ մի բուռ հողը,
Թեև չար բախտը ինձ հեռու նետեց:

ՄԻ ԱՂՔՅՈՒՐ ԿԱՐ

Երագունս մեր աղբյուրը
Տխուր, մենակ լաց էր լինում,
Ինչպես եղնիկ ձագակորույս
Աչքից արցունք էր կաթկթում:

Քչքչում էր, ծորում բարակ,
Կորչում մամռոտ քարերի տակ,
Անտակ սափորս կարոտի,
Ա՛խ, չի լցվում գոնե մի կաթ:

Կանաչ մամուռ՝ գուռի շուրթին,
Վայրի դաղձեր՝ առվի ափին,
Իսկ թևազարդ թիթեռները
Խենթ շուրջպար են բռնել վերջին:

Ինձ թվաց, թե նրա ափին
Ծարավ չոքել եմ ես կրկին,
Սակայն քնից երբ արթնացա,
Ադի կաթիլ տեսա բարձիս:

ԳԱՐՆԱՆ ԶԵՓՅՈՒՌ

Ահա զեփյուռ փչեց սարից,
Մեղուն թռավ ծաղկի գրկից,
Խուտուտ տվեց գառան դունչը,
Նրան կտրեց իր մոր կաթից:

Որքան գարնան պարտեզներ կան՝
Ծաղկափոռին խառնեց իրար,

Նշանվեցին ծառ ու ծաղիկ
Աշնան առատ բերքի համար:

Մառախուղը ցրվեց դաշտում,
Ծիլը ժպտաց մոր բարուրում,
Երբ ջերմացավ լեռան թուշը,
Ձույնը հալվեց հողի ծոցում:

Մի խենթ ջահել՝ սիրուց վառված,
Ձնծաղիկի փունջը գրկած
Սպասում է իր սիրածին՝
Երազների իր ձին հեծած:

ՆՈՐ ՏԱՐԻ

Ահա ես մի էջ շրջվեց,
Երեկվա օրն անցյալ դարձավ,
Ես մեկ տարով էլ ծերացա,
Ահա մի նոր ցերեկ բացվեց:

Անցած տարին ցավոտ էր շատ,
Կորցրի մարդկանց իմ հարազատ,
Վերջին ժամին ես չհասա,
Ի՞նչ անեի՝ հեռու էր շատ:

Լացե՛մ, թե՛ ոչ՝ օգուտ չկա,
Չորացել է արտասուքը,
Սև էր էջը իմ այդ տարվա.
Նրանք արդեն մասունք դարձան:

Բայց բացեցի ես մի նոր էջ,
Ուր անհայտն է լուռ ծվարել,
Թող այդ էջում միշտ լույս լինի,
Պետք է միայն լավին սպասել:

Բարո՛վ դու գաս, ա՛յ Նոր տարի,
Թող որ կորուստ էլ չլինի,
Խաղաղ լինի մեր երկիրը,
Եվ ոչ մեկը «վա յ» չկանչի:

Դալար մնա ծառիս բունը,
Կողքիս լինի սիրած կինը,
Թող որ աճեն մեր ճյուղերը,
Տերև չընկնի մեր դռանը:

Ինչ վերքեր կան՝ թող որ փակվեն,
Աստված թոռներիս պահպանի,
Թող լույս բացվի մթության մեջ,
Կյանքը վայելք մեզ պարգևի:

Խաղաղություն իմ հին ազգին,
Որտեղ հայ կա՝ թող ողջ լինի,
Մի օր ձեր տանը հավաքվեք,
Էլ թշնամի թող չունենաք:

ՁՄԵՌ

Դրսում բուքն է մոլեգնում՝
Վրեժ լուծում ամռանից,
Ճերմակ վերմակ է փռում՝
Հանկարծ սերմը չսատչի:

Չյունով պատված դաշտերում
Ծիկրակում է, ծիծաղում,
Լույսի շողեր գողացած՝
Թակարդներ է նա լարում:

Նստում է նա ճյուղերին,
Քշում՝ սոված ագռավին,
Ու չորացած պտուղ է
Փնտրում դատարկ ճյուղերին:

Ջերմությունից կաթկթում,
Մառչում, սրինգ է դառնում,
Կախվում քթից տանիքի,
Ու մեծ վտանգ է դառնում:

Ձույնն ու քամին միասին
Ինչեր ասես չեն անի,
Վայը եկավ ճամփորդի,
Եթե նրանց պատահի:

Բայց առանց ձույն ի՞նչ ձմեռ,
Ա՛խր տխուր կլիներ,
Եթե ձմեռ չլինի,
Նորից ամառ չի լինի:

ՀԵՐՈՍ ՏՂԱՆԵՐ

*Հորս՝ Արամ Պետրոսյանի
հիշատակին*

Ծերացել եք դուք, մեր հերոս տղերք,
Ու տարիները՝ ալիք առ ալիք
Ձեր դեմքի վրա ակոս են բացել,
Ա՛խ, նոսրացել են շարքերը ձեր ձիգ:

Դո՛ւք, ջահել լ տղերք՝ բեղը նոր ծլած,
Ձեզնից շատերը դեռ համբույր չառած՝
Մայրեր թողեցիք՝ աչքը ձեր ճամփին,
Ու որբե՛ր, որբե՛ր՝ դեռ հայրիկ չասած:

Դաժան թշնամին երկիր էր մտել,
Մատանան էր ժանտ հոգում բույն դրել,
Իսկ հին թշնամին՝ սահմանին հայոց,
Հերթին սպասող ժանիքն էր սրել:

Ելաք դուք՝ ինչպես պատնեշ հողմերին,
Ու հերոսացաք օտար հողերում,

Բազմազվխանի հրեշին դարի
Ծնկի բերեցիք իր նսեմ որջում:

Բայց ինձ պես քանի՛ որբեր մնացին,
Քանի՛ խեղճ մայրեր լացից կուրացան,
Ձեզնից շատերը հայտնի, թե անհայտ,
Գյուղ ու քաղաքում լուռ արձան դարձան:

Սրտիս մեջ ցավն է գոռում գայրագին,
Երբ խիղճը կորցրած ինչ-որ խառնածին
Չնչին գներով ձեր պարզկներն է
Առնում, վաճառում՝ փռած մայթերին:

Այսօր մեծ տոնն է՝ Ինը մայիսի,
Ով որ խիղճ ունի՝ դա պետք է հիշի,
Աշխարհի համար՝ Մեծ Հայրենական,
Իսկ հայի համար՝ Բեռլին ու Շուշի:

Ծերացել եք դուք, մեր հերոս տղերք,
Ձեր խրոխտ քայլքը այլևս չունեք,
Փույթ չէ, թե կգա անխուսափելին,
Բայց հավատացեք՝ դուք էլ մահ չունեք:

Հա՛յր իմ, դու օտար հողում մնացիր,
«Հայրիկ» բառն ինձնից դու չլսեցիր.
Մենք՝ երեք որբեր, մեծացանք մի կերպ,
Մեր անձնագրում, սրտում մնացիր:

Քչերն են մնացել քո ընկերներից,
Որոք փրկվեցին մահվան ճանկերից,
Ու ամեն անգամ նրանց տեսնելիս
Ասես վերջապես ինձ մոտ ես գալիս:

Ա՛Ն, ԱՅՂ ՄԵՌԸ

Ա՛խ, այդ սեռը՝ կանաց սեռը,
Տղամարդկանց սրտի եռը,
Թույլ ուսերին՝ ողջ տան բեռը,
Մեր տան հացի սուրբ մերանը:

Ա՛խ, այդ սեռը, այդ թույլ սեռը,
Տղամարդկանց սրտի սերը,
Որ լավ գիտի մեր թույլ տեղը,
Միրտն է զգում չար վտանգը:

Ա՛խ, այդ սեռը, այդ թույլ սեռը.
Կյանք արարող, օրհնող ձեռքը,
Անկեղծ ներող՝ որդու մեղքը,
Հոգում պահած իր ծուռ բախտը:

Ա՛խ, այդ սեռը, այդ թույլ սեռը,
Տղամարդու սերն ու ցավը,
Հսկաներին ծալող ուժը,
Մեր օջախի անմար ծովսը:

Ա՛խ, այդ սեռը, այդ թույլ սեռը,
Որից թույլ են գազանները,
Թե վտանգվեն զավակները,
Նա կփշրի կապանքները:

Ա՛խ, այդ սեռը, այդ թույլ սեռը.
Նրա կողքին ի նչ է լեռը,
Բայց քնքուշ է նրա սերը,
Ինչպես վարդի նուրբ թերթերը:

Ա՛խ, այդ սեռը՝ մայրիկ կոչվող,
Աստված ծնող, կյանք արարող,
Մեզ այնպիսի պարտք է տվել,
Որ այն մարել չենք էլ կարող:

ԱՔՍԵՆՅԱՅԻՆ

Ծննդյան օրվա առթիվ

Երեկ՝ թովոուն, սիրուն մի աղջիկ,
Մանուշակների բույրերի փնջիկ,
Իսկ այժմ՝ գրկին հրաշք մի թոռնիկ,
Աքսենյան նորից դարձել է փոքրիկ:

Էլ ի՞նչ ծերություն՝ տասը թոռ ունես,
Մարի պես թիկունք որդիներ ունես,
Մոռացիր մի պահ ինչ ցավեր ունես,
Ուժեր հավաքիր, որ ծոռներ գրկես:

Մենք շտապելու ոչ մի տեղ չունենք,
Միայն տա Աստված լավին սպասենք,
Ծննդյան օրը միասին նշենք,
Մենք իրար միայն երկար կյանք մաղթենք:

ԱՇՈՒՆ

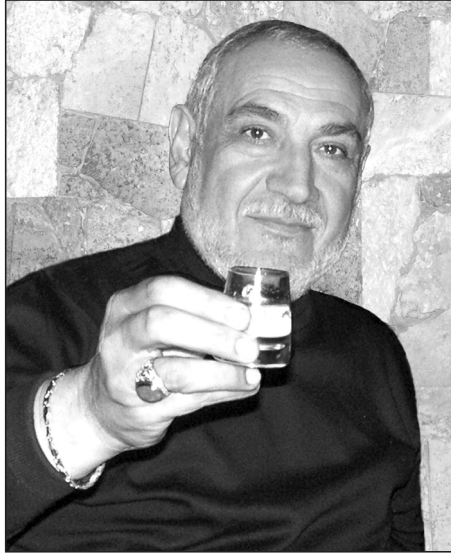
Ամպերը մաս-մաս արեցին լուսնին,
Տերևը դողաց ծառի մերկ ճյուղին,
Ամռան արևը թուլացած ուժով,
Իր մոտ է կանչում չվող թռչունին:

Աշունն է փռում նախշուն գորգերը,
Իր դեղին ձին է թամբել իգիթը,
Հանց կմերկանար ամոթխած հարսը,
Անտառն իր վերջին շորերն է հանում:

Ցրտից ցերեկը կուչ եկավ մթնում,
Ով որ սողում էր ամենուր դրսում
Մտավ գետնի տակ, ասես էլ չկար,
Իսկ ուշացողին ագռավն էր փնտրում:

Առուն բարակեց՝ ափերից հեռու,
Նա էլ չէր շոյում ճյուղերն ուռենու,
Գորտը իր բույնն է փորում քարի տակ
Ու վերջին անգամ տխուր կոկոռում:

Աշունն է գալիս՝ գեղեցիկ, տրտում,
Ու տխրությունն է տիրում ամենուր,
Պետք է հավաքել բերքը լիովին,
Որ տարին չանցնի դատարկ ու իզուր:

СТАНИСЛАВ ЯН

Станислав Захарович Ян родился в 1944 году в городе Арташат (Армения). В 1971 году окончил Ереванский государственный университет, факультет филологии. С 1973 года проживает в Крыму.

Станислав Ян стоял у истоков образования КАО (Крымское армянское общество), является членом национального совета КАО, Союза этнических журналистов Крыма.

С 1996 по 2003 год был соучредителем газеты «Республика Крым». Постоянно публиковался в крымской прессе, журнале «Голубь Масиса», ежегодном альманахе «Родина в сердце», автор телепроекта «Молодые художники Крыма», получил авторское право на телепроект «Взятка». Автор и меценат проекта выставки «Художники Крыма» в 1993 году с участием самых известных художников. Постоянно курирует телепрограмму «Барев».

Член международного благотворительного клуба «Ротари».

В 1990 году возглавил первую армянскую воскресную школу и преподавал в ней.

С. Ян награжден почетной грамотой Союза армян Украины, Золотым знаком, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, памятной медалью «650 лет Сурб Хачу», орденами Архангела Михаила V, IV, III, I степеней от Украинского Патриархата за вклад в экономику и поддержку патриотизма и христианской веры в Украине, почетной грамотой Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви.

Заслуженный журналист АРК, член Союза крымских армянских писателей –коллективного члена Национального союза писателей Украины.

С. Ян пишет афоризмы, юмористические миниатюры.

АФОРИЗМЫ

Если решил ускорить шаг, будь осторожнее — можешь и покатиться.

* * *

Перед тем, как захотеть быть интересным для окружающих, ты подумай — интересен ли ты самому себе?

* * *

Устав от вечно просящих денег, он громко крикнул: «Бог, услышь меня, сделай так, чтобы больше не просили у меня денег». И Бог услышал. Больше никто не просил у него денег. Он был самым бедным среди всех.

* * *

Чувство самоутверждения и востребованности возникает не тогда, когда тебя любят, а когда ты любишь.

* * *

От любви до ненависти всего один шаг. А до желания мстить — всего полшага. А пока не отомстил, чувство неудовлетворенности делает жизнь неполноценной. И все это из-за полшага.

* * *

Даже в умной голове иногда появляются дурные мысли. В дурной голове умные мысли — никогда.

* * *

Не всегда свет в конце туннеля может стать вашим спасением. Там может оказаться выгребная яма или обрыв.

* * *

— Что же ты не печалишься, глупец? Твои должники умирают, не рассчитавшись с тобой.

— За что мне печалиться, слепец? Скоро у меня должников не будет.

* * *

Иногда громкое молчание страшнее, чем громкое мычание.

* * *

Если у слепого совесть зрячего, значит и он зрячий. Если у зрячего совесть слепа, значит он тоже слепой.

* * *

Старая английская обувь надежнее двух новых друзей, а старый друг надежнее двух пар новой английской обуви.

* * *

Даже если ты хромаешь, хромай так, чтобы ходячие завидовали тебе.

* * *

Если поймал жар-птицу за хвост, не торопись менять планы. Может только хвост и остаться в руках.

* * *

О, если бы чужую совесть можно было пощупать руками! Сколько денег можно было бы сохранить... А сколько друзей можно было не потерять...

* * *

Не стесняйтесь слез своих, а стесняйтесь, когда их нет у вас.

* * *

Мужские слезы отражены в шрамах на сердце.

* * *

Конечно, можно беречь зрение, если жить с закрытыми глазами. Но к чему тогда жить?

* * *

У некурящего подхалима всегда зажигалка в кармане.

* * *

Уважать себя начинай с других.

* * *

Оценишь чужое время – сэкономишь свое.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Отучу от иностранных языков.

* * *

Хороший могильщик возьмет работу на дом.

* * *

Наймусь воспитателем в школу для трудно воспитуемых детей через два года. Обратный адрес: Колония №5.

* * *

Выучил английский язык, а визу не открыли. Теперь он мне не нужен. Требуется специалист по отучиванию.

* * *

Учитель английского языка отучит от желания выучить иностранные языки.

* * *

В праздничные дни! При покупке нечетного количества цветов один цветок дополнительно бесплатный.

* * *

Белая пушистая кошечка белобрысой привлекательной хозяйки скучает по нежным мужским ласкам. Звонить по телефону..

* * *

Куплю хребет динозавров в неограниченном количестве. Хребет охтиозавров не предлагать.

* * *

Внимание! Магазин ритуальных услуг с 25 по 31 декабря делает новогодние скидки. Спешите!

ЮМОР

- Доктор, мои анализы готовы?
- Да, голубчик, к сожалению, там есть сахар.
- Много?
- Много.
- А вы заплатите за него?
- Вы что — сумасшедший?
- Извините, доктор, все так дорого. А вы банку вернете или заплатите за него?

* * *

После того, как он купил внедорожник, теперь ездит только по подорожникам.

* * *

«Уважаемые пассажиры, не волнуйтесь, я должна сделать важное сообщение — у нас не открывается шасси. Экипаж делает всё, чтобы открыть шасси. Сохраняйте спокойствие». Через некоторое время: «Уважаемые пассажиры, я должна сделать важное сообщение — у нас отказали двигатели, и мы падаем в море. Прошу сохранять спокойствие. У нас есть и хорошая новость — наконец открылись шасси».

* * *

- Я очень люблю тебя, дорогой.
- Я понимаю тебя, дорогая. Я тоже очень люблю тебя.

* * *

Старшина обращается к летящим в самолете парашютистам-новобранцам.

- Значит так, хлопцы, есть две новости: одна – плохая, другая – хорошая. С какой начать?
- С плохой.
- Мы забыли взять вам парашюты, так что первый раз вам придется прыгать без парашюта.
- А какая хорошая новость?
- А хорошая, что я не забыл взять свой парашют.

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ ИЛИ ЕЩЕ РАЗ ПРО ВОДКУ

Абсолютное безденежье и абсолютное желание хорошо выпить и хорошо закусить.

* * *

Абсолютная блондинка с абсолютными длинными ногами с абсолютной мыслью выпить с ней шампанское на брудершафт при абсолютно пустом кошельке.

* * *

Разногласия из-за коллективного безденежья неизбежны так же, как и солидарность в желании выпить.

* * *

Парадокс, но факт: больные нужны врачам больше, чем наборот. Иначе кем бы была огромная армия врачей, их преподаватели...

Так что, дорогие врачи! Цените нас больных, чем больше нас, тем лучше для вас. Не относитесь к нам, больным, свысока – мы ваше благополучие, ваше учение, ваша публичность и амбиция. Стоп! Кажется, я начинаю понимать, почему они нас не лечат. То, что я понял сейчас, они знали давно. Мы им нужны больше.

* * *

И где же справедливость? Человеческое отношение к человеку хорошо, а животное отношение к животному — плохо.

ВАРТАН ГРИГОРЯН

Вартан Валериевич Григорян родился 7 июня 1970 года в пгт Гадрут Нагорно-Карабахской автономной области в семье служащих. В 1987 году окончил СШ № 3 им. А. Грибоедова в г. Степанакерте. В 1988 г. был призван на службу в Советскую армию (служил в г. Мурманске). Как отличник боевой и политической подготовки, был направлен политотделом КСФ в 1989 году на учебу в Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище, в которое поступил, успешно сдав экзамены. Окончив его в 1993 году по специальности «военный инженер-строитель» и «социальный педагог-психолог», он по собственному желанию увольняется из армии в звании лейтенанта запаса ВС Украины и поступает на службу в органы МВД Украины.

Семь лет В. Григорян был старшим оперуполномоченным уголовного розыска Центрального РО СГУ, а с 2001 по 2006 год – начальником криминальной милиции по делам несовершеннолетних Центрального РО Симферополя. За время службы награждался нагрудными знаками «За отличие в службе» 1-й и

2-й степени, «За безупречную службу» 2-й и 3-й степени, а также грамотами Центрального районного и Симферопольского городского советов. С мая 2006 года – пенсионер МВД в звании майора запаса.

С 1990 года активно участвует в культурной и общественной жизни Крымского армянского общества (КАО), являлся членом национального совета и исполкома КАО, входит в редакционный совет журнала «Голубь Масиса». В 2006–2007 гг. работал заместителем, помощником председателя КАО. В 2009–2010 гг. – директор Симферопольского староармянского мемориального кладбища.

Вартан Григорян – автор многих статей, периодически печатается в СМИ, в том числе в журнале «Голубь Масиса».

За активное участие в культурной и общественной жизни армянской общины, награжден грамотой и памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

Член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

В 2009 году вышла его книга «Великая Отечественная война. Армяне в боях за Крым».

Жизненное кредо: сохранение армянских традиций и культуры, их популяризация, военно-патриотическое воспитание молодёжи. Хобби: история, краеведение.

СПУСТЯ 70 ЛЕТ...

70 лет считался без вести пропавшим
дважды раненый и четыре раза награжденный
в боях за Крым солдат, лично уничтоживший
на полуострове более 40 фашистов...

Историки пишут, что в годы Великой Отечественной войны на фронтах погибло около 100 тысяч армян из числа призванных военкоматами Армении. Документы той поры уточняют, что из числа призванных в армию в 1941–1945 гг. погибло более 86 тысяч армян (статистика по призванным до 1941 года отсутствует). Отмечают также, что в боях за Крым погиб каждый пятый из них. А это — около 20 тысяч человек! Но эта цифра не полностью отражает действительные людские потери армян в годы Великой Отечественной войны в Крыму. Ведь более 150 тысяч армян погибли из числа призванных военкоматами Грузии и Азербайджана, в том числе более 43 тысяч призванных военкоматами Нагорного Карабаха (более 21 тысячи из НКАО). Сколько из них погибли в Крыму? Такой статистики, к сожалению, нет.

Но и эти цифры не полностью отражают эту скорбную статистику. Как известно, десятки тысяч армян призывались и из других республик бывшего СССР. По разным оценкам, с фашистами сражались от 500 до 600 тысяч армян, более 200 тысяч из которых погибли. Некоторые историки число погибших в годы ВОВ армян указывают около 300 тысяч. Для нашего маленького народа, пережившего ужасы Геноцида армян 1915–1923 годов в Османской империи, цифры, около 300 тысяч, или более 200 тысяч погибших — это огромные и невозполнимые потери. Чудом спасшись от турецкого ятагана на территории России, тысячи армян сложили свои головы в борьбе с фашизмом. Сражаясь с фашистами, они мстили и за свой народ. Ведь, как известно, в годы Первой мировой войны, когда Турцией был организован и осуществлен Геноцид армян, военными советниками во всех турецких частях были именно немецкие офицеры. Злодеяния турок своевременно не получили должной оценки и осуждения со

стороны европейских стран. И неудивительно, что через 10-15 лет уже в самой Европе поднял голову фашизм, уничтоживший десятки миллионов людей. История сохранила слова Гитлера, сказанные им в 1939 году перед нападением на Польшу. Он требовал, чтобы войска не щадили и уничтожали славян, цинично наставлял свои войска на зверства, словами: «Кто сейчас помнит о резне армян?»

На Керченском полуострове в первой половине 1942 года героически сражалась и почти целиком погибла 390-я армянская стрелковая дивизия под командованием полковника Симона Закияна (посмертно был награжден орденом Ленина). Тысячи могил бойцов этой дивизии, геройски погибших в Крыму в 1942 году, остались безымянными. В боях за Керчь и Севастополь отличилась также 89-я Таманская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Нвера Сафаряна, заслужившая за освобождение этих городов орденов Красного Знамени и Красной Звезды, а два её полка получили почетные наименования «Севастопольский». Сотни бойцов этой армянской дивизии были похоронены на дивизионном кладбище, которая располагалась тогда в посёлке Колонка у Керчи. Более полутора тысячи бойцов этих дивизий покоятся на мемориальном кладбище в селе Глазовка на Керченском полуострове. На этом месте в 2005 году Крымским армянским обществом был установлен памятник. Около пятисот бойцов 89-й Таманской стрелковой дивизии погибли, сражаясь за Севастополь. Могилы многих тысяч соотечественников, которые погибли, сражаясь за Крым, остались безымянными. Крымская земля обильно пролита и армянской кровью. И по этой причине в том числе нам дорога память о каждом солдате, воевавшем за Крым...

У заслуженного деятеля культуры Украины и Крыма, симферопольца, доктора философских наук, профессора О.А. Габриеляна были также личные причины, ратовать за то, чтобы в Крыму был воздвигнут памятник павшим в 1941–1944 годах на Керченском полуострове и за город Керчь десяткам тысяч воинов-армян. Ведь в Крыму сражались его родной дедушка и оба дяди. Они не вернулись с войны. Причем долгие годы считалось, что

все они погибли в боях за Крымский полуостров, в Керчи. Так думали не только его родные, но и работники военкомата. Долгие десятилетия дедушка и дяди числились без вести пропавшими в годы войны. Вот данные на братьев его матери: Мусаелян Бугдан Бахшиевич, 1904 г. р. и Мусаелян Барсег Бахшиевич, 1920 г. р., оба – уроженцы Гадрутского района Нагорного Карабаха. Сведения о них родным перестали поступать с фронта, когда они оба воевали в Крыму. В Крыму затерялись следы и его деда, минометчика Азарянца Авага Мангасаровича, 1898 г. р., уроженца с. Аладарсин Нагорного Карабаха (пропал без вести в Крыму).

Каково же было удивление О. А. Габриеляна, когда через сайт ОБД Мемориал удалось установить судьбу одного из них. Была установлена судьба солдата, который сражался в знаменитой 89-й Таманской, трижды орденоносной стрелковой дивизии и участвовал в освобождении городов-героев Керчь и Севастополь.

Первоначальные поиски были трудными и безрезультатными, пролистал все крымские тома Книги памяти (Крыма – в 8 томах, Севастополя – в 6 томах, Керчи – только первый том, остальные не изданы), но никаких сведений не нашёл. Даже мои записи, выписанные с надгробий и стел, ничего не дали. Отмечу, что первоначально поиск проводился на фамилию Мусаелов (Мусаэлов). Это потом уже удалось выяснить правильную фамилию и несколько вариантов имени одного из разыскиваемых бойцов...

Оказалось, что считавшийся 70 лет без вести пропавшим красноармеец Бугдан (Богдан) Бахшиевич (Бакшиевич) Мусаелян (Мусаилов), 1904 г. р., призванный в июне 1941 года Гадрутским РВК Нагорно-Карабахской АО, не погиб в Крыму. Он после Керченско-Эльтигенской десантной операции и участия в освобождении городов-героев Керчь и Севастополь, с боями дошёл до Германии, где и погиб, почти в самом конце войны (5 февраля 1945 года). Благодаря указанному электронному сайту, где размещены рассекреченные документы из ЦАМО РФ, удалось установить и место его захоронения в Германии (село Рампиц, г. Фюрстенберг).

Помимо вышеуказанной информации через другой сайт – ОБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–

1945 гг.» было выяснено, что, отличившись в боях за Крым и дважды будучи раненым, Б. Мусаелян был награжден четырьмя боевыми наградами. Дважды он был награжден за Керчь, дважды – за Севастополь! Удалось раздобыть тексты только трех боевых наград за Крым. Ещё одну награду, а точнее – самую первую он, возможно, получил за участие в Керченско-Эльтигенской десантной операции, или за последующие бои за г. Керчь.

На указанном сайте выложены документы, подтверждающие то, что в боях за Крым он был представлен к трём правительственным наградам: медали «За отвагу», а также к орденам Славы 3-й степени и Красного Знамени. Приказами вышестоящего командования он был награжден двумя медалями «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени. Также в одном из наградных листов сообщается, что Б. Мусаелян был ранен в боях за Керчь в декабре 1943 года. Возможно, что именно за эти бои, где он был ранен, им и была получена первая боевая награда. В другом наградном листе сообщается, что он был ранен в боях за Севастополь.

Боевые заслуги Б. Мусаеляна (за Керчь и Севастополь) впечатляют. Только в боях за Крым им были уничтожены около 40 фашистов, в том числе один офицер и расчёт крупнокалиберного пулемета. Чем он был награжден после боев за Крым и какие ещё подвиги совершил, пока выяснить не удалось. Приведу сведения из трех выявленных документов.

Выписка из Наградного листа на стрелка 6-й стрелковой роты 390-го стрелкового полка красноармейца Б. Б. Мусаеляна:

«За период с 23 по 30 января 1944 года в боях за город Керчь красноармеец Мусаелян проявил мужество и стойкость. В районе хлебзавода и реки Катерлез он огнём своей винтовки уничтожил двух наблюдателей, одного офицера и расчёт крупнокалиберного пулемета противника.

Красноармеец Мусаелян достоин правительственной награды – ордена Славы 3-й степени.

Командир 390-го стрелкового полка
подполковник Карапетян,
9 марта 1944 года».

Приказом командира 89-й Таманской стрелковой дивизии № 011/н от 3 марта 1944 года он был награжден медалью «За отвагу».

Следующие две награды Бугдан Мусаелян получает в боях за Севастополь.

Выписка из Наградного листа:

«... При штурме горы Горная на севастопольском направлении, невзирая на опасность, под огнём противника бесперебойно доставлял на передовую боеприпасы и был ранен...».

Приказом командира 390-го СП № 021/н от 21 июля 1944 года он был награжден медалью «За отвагу».

Выписка из Наградного листа:

«09.05.1944 г. во время штурма высоты Горная, во время арт-подготовки товарищ Мусаелян, рискуя жизнью, с ручным пулеметом подполз через боевые порядки противника. Поставив пулемёт за боевые порядки противника, огнём своего пулемета поддержал атаку нашей пехоты и при отходе противника товарищ Мусаелян уничтожил лично более 25 фашистов, захватил в плен 5 фашистов.

12.05.1944 г. во время наступления на высоту 80,0 товарищ Мусаелян ураганным огнем по вражеским траншеям обеспечил продвижение нашей пехоты вперед. В этом бою товарищ Мусаелян подавил одну огневую точку противника и истребил 8 немецких солдат. Достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командир 390-го стрелкового полка
полковник Карапетян,
19 мая 1944 года».

Приказом ОПА № 0349/н от 5 июня 1944 года он был награжден орденом Славы 3-й степени.

Как известно, 390-й стрелковый полк за особое отличие, проявленное в боях за Севастополь, был удостоен почётного наименования «Севастопольский». Это заслуга таких бойцов, как Бугдан Мусаелян. Память о нём, как и многих других, бережно хранят документы военной поры и человеческая память.

ЛЁТЧИК ИВАН КАЗАРОВ

В книге М. Морозова «Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942» приводятся сведения о десятках советских летчиках, которые сражались за Севастополь в 1941–1942 годах, в том числе дважды упоминается младший лейтенант Казаров. В первый раз он упоминается в связи с тем, что 21 мая 1942 года с лейтенантом Григорьевым докладывали о победе над Ju-88 и Вf-109. Но в связи с тем, что эта информация не подтвердилась постами наземного наблюдения, их результаты были исключены из ежедневной оперативной сводки. Во второй раз упоминается, когда 4 июня 1942 года, действуя в составе 247-го истребительного авиаполка, он сбивает «юнкерс».

К сожалению, кроме фамилии, воинского звания и указанных выше фактов, про лётчика Казарова другой информации в этой книге не сообщается. В ходе кропотливых поисков, удалось установить личность этого смелого летчика, награжденного в боях за Севастополь орденом Красного Знамени.

Пилот 2-й авиационной эскадрильи 9-го авиаполка 62-й авиационной базы ВВС Черноморского флота лейтенант Иван Саркисович Казаров, 1916 г. р. На момент награждения он имел ранение, полученное им 6 июня 1942 года в ходе воздушного боя за Севастополь.

Выписка из Наградного листа:

«При прилёте в Севастополь 8 мая с. г. в числе молодых летчиков тов. Казаров показал себя отважным и мужественным истребителем. За период третьего наступления на Севастополь произвел 45 боевых вылетов и сбил 2 самолетов противника. В одном из воздушных боев 03.06.1942 года его самолет был сильно поврежден, все баки были пробиты. Не теряя мужества, умело вышел из боя и произвел посадку на свой аэродром, чем спас самолет.

В другом воздушном бою 6 июня 1942 года самолет сильно был побит и сам лётчик ранен, умело выйдя из боя, спасая самолет, произвёл посадку на своем аэродроме. В одном из воздушных боев самолет лейтенанта Елохина был сильно побит и не мог маневрировать. Это летчик Казаров заметил, не бросив

своего товарища, вступил в неравный бой, прикрыв посадку лейтенанта Елохина.

За мужество и отвагу, проявленную при защите Севастополя, достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командир 9-го авиаполка майор Яковлев,
Военком 9-го авиаполка,
батальонный комиссар Жарков,
12 июля 1942 года».

Приказом командующего Черноморского флота № 77 от 3 декабря 1942 года лейтенант И. С. Казаров награждён орденом Красного Знамени.

Тем же приказом награжден орденом Красной Звезды механик авиационного звена 18 АЭ 119 АП ВВС ЧФ, старший техник Ефрем Саркисович Мардьян, 1913 г. р. В его Наградном листе сообщается, что ранее, в 1941 году, он за образцовое выполнение заданий командования был представлен к правительственной награде. Это ещё одна фамилия бойца, который защищал Севастополь.

Очевидно, что награжденных орденами в боях за Крым воинов многонациональной Красной армии — десятки тысяч, а орденом Красного Знамени — несколько тысяч. Сколько из них участвовали в обороне Севастополя, предстоит выяснить. Летчик Иван Саркисович Казаров — один из них.

ШТУРМАН ЭСКАДРИЛЬИ ГРИГОРИЙ ДЖУЛАКЯН

В одном из томов «Книги памяти», изданных в Крыму, сообщается:

– Джулакян Григорий Арзуманович, 1918 г. р., уроженец села Барсум Шамхорского района Азербайджанской ССР, кадровый старший лейтенант, штурман АЭ 454-го Дальнебомбардировочного АП 113 АДДД. Погиб в воздушном бою 26 марта 1942 года, сгорел в районе ст. Семь Колодезей Ленинского р-на Крымской АССР.

Благодаря сайту «Подвиг народа» можно воскресить имя и ратные подвиги этого отважного летчика, погибшего в боях за Крым.

Выписка из Наградного листа:

«На протяжении всей службы в армии на деле показал преданность делу партии Ленина и Сталина и Социалистической Родине. Принимая участие в Отечественной войне против фашизма, совершил 10 боевых вылетов.

Мужественно и храбро идёт в бой. Все задания выполнены на хорошо и отлично. 31.12.1941 года, выполняя задание в районе Марфовка, цель – по дороге, идущей от

Марфовка на Кощай, уничтожено: артбатарея, до 5 автомашин и до 30 солдат.

16.01.42 выполнял задание – бомбометание по скоплению войск противника в районе Сиат-Асан, уничтожил до 5 автомашин и до роты пехоты.

17.01.1942 года при выполнении задания – бомбометание по скоплению войск противника в районе Кулеча-Мечеть уничтожил до 8 танков и 20-и солдат.

19.01.1942 года выполнял боевое задание – бомбометание по скоплению войск в районе Владиславовка, где уничтожено и рассеяно до роты пехоты и зенитное оружие.

20.01.1942 года выполнял боевое задание в районе по дороге Дальние Камыши – Феодосия, где уничтожил до 7 танков, до 5 автомашин, до 30 солдат. При обстреле зенитной артиллерии самолет был поврежден, тов. Джулакян легко ранен, несмотря на это, он привёл самолет на свой аэродром.

25.01.1942 года выполнял задание — бомбометание по скоплению войск противника в районе Дальние Камыши. Цель перекрыта, отмечены взрывы и пожары, уничтожено до 10 автомашин.

27.01.1942 года задание: бомбометание по скоплению войск в районе Дальние Камыши, где уничтожено 2 батареи, 2 автомашины и до 20 солдат.

30.01.1942 года выполнял задание — бомбометание по скоплению войск противника в районе Акмонай, где уничтожено 12 автомашин, рассеяно до 1 роты пехоты и прямое попадание в артпозицию.

23.02.1942 года задание — бомбометание по мотомехчастям противника в районе Дальние Камыши, уничтожено 14 автомашин, до 4-х танков, рассеяно до 1 взвода пехоты.

25.02.1942 года цель — бомбометание железнодорожного эшелона противника на станции Ичкин-Ситлер, уничтожено до 30 вагонов и до 10 цистерн, зарегистрированы большие взрывы и пожар.

Все вышеуказанные задания по показанию экипажей выполнены на хорошо и отлично.

Вывод: За отличную боевую работу, мужество и отвагу, проявленную в боях против немецких фашистов, достоин правительственной награды — ордена «Красное Знамя».

Командир 454 ДБАП капитан Латышев,

Военный комиссар 454 ДБАП старший батальонный комиссар В...*(подпись неразборчива)*,
4 марта 1942 года.

С выводами командира и военкома 454 ДБ авиаполка.

Достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командир 113 АД ДД полковник Очеретный

Военный комиссар 113 АД ДД ст. баткомиссар Боярский
5 марта 1942 года.

Достоин награждения орденом Красного Знамени

Командующий ВВС Крымфронта генерал-майор авиации
Николаенко

Военком ВВС Крымфронта дивизионный комиссар Иванов
16 апреля 1942 года.

Достоин награждения орденом Красного Знамени
Командующий войсками Крымского фронта генерал-лейте-
нант Д. Львов,

Член Военного совета, дивизионный комиссар Шаманин,
18 апреля 1942 года».

Приказом по войскам Крымского фронта № 0524 от 19 апреля 1942 года старший лейтенант Г.А. Джулакян награжден орденом Красного Знамени. Изучая этот приказ, нашёл сведения о награждении других соотечественников. Так, орденом Красного Знамени награжден начальник ПАРМ-1 269-го истребительного авиаполка старшина Левон Айрапетович Багиров.

Используя сведения, полученные из «Книги памяти», а также из всевозможных документальных и мемуарных книг о той поре, можно выяснить дополнительные, новые сведения об участниках Великой Отечественной войны.

РУШАН ПИЛОСЯН

Рушан Койрунович Пилосян родился в 1953 году в Эчмиадзине (Армения).

В 1976 году окончил филологический факультет Ереванского государственного университета.

В 1976–1979 годах работал учителем армянского языка и литературы в селе Личк Мартуниского района Армении, а 1979–1981 годах – методистом и экскурсоводом Джермукского бюро путешествий и экскурсии.

В 1986–1991 годах работал преподавателем факультета интенсивных методов обучения языкам Ереванского государственного педагогического института им. Абовяна, соавтор интенсивного курса армянского языка.

В 1994 году был приглашён Крымским армянским обществом (КАО) в Крым для работы по программе возвращения и обустройства депортированных граждан Республиканского комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан АРК.

С 1994 года по сей день – ответственный секретарь газеты (ныне – журнала) Региональной армянской национально-культурной автономии РК (РАНКАРК) «Голубь Масиса», а с 2016 года – ответственный секретарь нового всекрымского журнала «Наш Крым».

В 1994–2014 годах работал редактором в редакции национальных программ ТО «Радио «Крым» Гостелерадиокомпании «Крым». Является одним из основателей, автором и ведущим двуязычных историко-культурологических («Аракял луйси»), музыкально-литературных («Сердце моё в горах») и музыкальных («Гандзер») программ. Особенно популярны были музыкально-литературные передачи «Сердце моё в горах», две из которых – «Дудук» и «Скрипач Карапет Айрапетян» были отмечены премиями и дипломами.

В 1996–2001 годах работал актёром в Симферопольском театре-студии «На Москольце».

Рушан Пилосян является автором, соавтором, редактором и переводчиком многих изданий, среди которых – «Программа по армянскому языку 1–4 классы», детские книги «Крымская колыбель» и «Сказочное эхо», «Крым. Армяне. Десять веков созидания», «Народы и времена. Армяне», «В крымском доме. Армяне», детский песенник «Зангак», сборники стихов крымских армянских поэтов. Он также редактор и составитель альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце».

Преподаватель и методист Нетрадиционной армянской школы имени Габриела Айвазовского.

Председатель Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины с 2010 года.

Пишет стихи и рассказы на армянском языке, которые были опубликованы в газете «Голубь Масиса», альманахе «Родина в сердце» Союза крымских армянских писателей, занимается переводами на армянский язык стихов русских поэтов.

В 2010 году вышла в свет первая книга Р. Пилосяна «И моё сердце в горах». Это сборник его стихов и переводы стихов русских поэтов. В 2014 году Р. Пилосян выпустил первую книгу

анекдотов «Мой совет, или 100+1 анекдот армянского радио с хвостом», а в 2016 году – «Мой совет, или 300+3 анекдота армянского радио с хвостом». Годом раньше в США увидела свет первая часть сборника рассказов «Клочки памяти».

Рушан Пилюсян – заслуженный журналист РК, член Союза журналистов России и Украины, награждён грамотой КАО, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, высшей наградой КАО «Золотой знак», памятной медалью «Сурб Хач-650», почётными грамотами Гостелерадиокомпания «Крым», благодарностями Министерства образования и науки АРК, грамотами Министерства диаспоры Республики Армения.

ԷՔՍՊՐՈՍՏ ՁՄՌԱՆԸ

Ոսկե աշուն է՝ արևոտ ու տաք,
Այնպես կապույտ են լեռները հեռվում,
Նրանց փեշերին՝ խաղաղ մի անտառ,
Գորգը բազմերանգ գերո ւմ է, գերո ւմ:

Զնգում է օդը՝ գուլալ, թափանցիկ,
Հովը բերում է բուրմունքը աշնան,
Երկնքում՝ շողիկ, խոտերին՝ ցողիկ,
Դեղնած դաշտերը ոսկեգործ սավան:

* * *

Այս գորշ ձմռանը,
Երբ արևն անգամ
Ծուլանում է իր աչքերը բացել,
Իմ գունատ կյանքը
Գույն է ստացել,
Նա... գորշ է դարձել:

* * *

Մի միջոց լիներ
Կամ՝ նորագույն սարք.
Մարդ կարողանար քնելուց առաջ
Մտքերը հանել և հագուստի հետ
Ծալել ու դնել կողքի աթոռին,
Որ հանգիստ քներ...
Ի նշ լավ կլիներ...

* * *

Այս անձրևը գարնանային
Աշնան դալուկ երգն է երգում,
Ամեն կաթիլ իմ հուշերին
Նոր թախիծ է ավելացնում:

* * *

Ծաղիկներ՝ ը, ծաղիկներ՝ ը, գույնզգո՛ւյն ծաղիկներ,
Հեքիաթներ ը անցյալի, հեքիաթներ ը ներկայի,
Թերթիկներ ը, թերթիկներ ը, ցած թափվող թերթիկներ,
Ձեզ պոկեց, հեռացրեց մայր ծաղկից ո ը քամին:

Ծաղիկներ՝ ը, ծաղիկներ՝ ը, ամենո՛ւյր ծաղիկներ,
Նոր բացվող կամ թռչնող էակներ ը հոգեթով,
Ձեր քնքուշ թերթերին մերկացնող ձյուն նստեց.
Մնացիք միայնակ ձեր ճերմակ հանդերձով:

Ծաղիկներ՝ ը, ծաղիկներ՝ ը, ծաղիկներ լռակյաց,
Բացվել եք իմ սրտում, հանգչում եք իմ սրտում,
Գույնզգույն թերթերին լոկ երկու գույն մնաց –
Ճերմակած հանդերձին ժապավեն սևաթույր...

* * *

Աշխարհին՝ աշխարհով,
Իսկ ես քեզանով...
Դու էլ, ինչպես միշտ՝
Քո ծաղիկներով...
Ապրում ենք այսպես,
Կարծես՝ անխռով,
Յուրաքանչյուրս
Լոկ իրեն հայտնի
Մին անուրջներով...
Աշխարհին աշխարհով
Դեռ չի հագեցել –
Չի էլ հագենա,
Քանզի շատ մեծ է
Կարոտը նրա...
Իսկ իմ կարոտը՝
Մի բուռ արտասուք...
Եվ իմ կարոտը
Չի մարվում անսուգ...
Քո ծաղիկները

Փթթո՛ւմ են, փթթո՛ւմ,
Իմ կարոտ սրտում
Մեր են նորոգում...
Աշխարհն՝ աշխարհով,
Իսկ ես՝ քեզանով...
Դու էլ, ինչպես միշտ՝
Քո ծաղիկներով...

ԱՐԵՎՈՏ...

Ամռան արևոտ ծաղիկը նարինջ
Ուրախ ժպտում է՝ շողերը գրկած,
Նրան չի հուզում այս կյանքում ոչինչ,
Նույնիսկ՝ մոտավուտ աշունն ամպամած:

* * *

Շրշում է բարդին հեռու հարավում,
Ողջույնը նրա չի հասնում ունկիս,
Ղողանջն է հնչում հին եկեղեցու –
Այդ կարտուն է իմ՝ հևքը երազիս,
Կանաչ արտերը դարձել են ոսկի,
Ամպերը նրանց շոյում են մեղմիկ,
Թռչել են ուզում ես նրանց թևին,
Շրջել են ուզում սարերում բարձրիկ:
Ոտքերս հպեմ հնօրյա հողին,
Ղումաշ ջրերը ըմպեմ՝ գովանամ,
Երգերը լսեմ արագիլների.
Բույեն սրընթաց թող հավերժանա...

* * *

Քո համբույրը՝
Համն ու բույրը
Իմ շուրթերին,
Իմ շուրթերին:

Քո նազանքը,
Քո թովչանքը
Իմ հայացքում,
Իմ հայացքում:

Քո բառերը,
Քո երգերը
Էլ չեն հնչում
Իմ ականջում:

Քո հրաժեշտը,
Դրված շեշտը
Անտեղին է՝
Անմեղին է:

Քո ասածը
Կամ չասածը...
Զուր եմ փորձում՝
Մեկնաբանում:

Քո կերպարը,
Քո կերպարը...
Դար է փոխվում,
Բայց չի մաշվում:

Օրն է անցնում,
Մութն է իջնում.
Ես տխրում եմ
Եվ ափսոսում:

Դու կմնաս,
Որ հուրհրաս
Իմ հուշերում,
Իմ հուշերում:

МАТ* ЛЕГАЛЯ

Мат Легалья — красивая и быстротечная шахматная партия, которой до сих пор восхищаются любители шахмат. Впервые он встретился в партии Легаль—Сен Бри (Париж 1750), откуда и получил своё название. Всего семь ходов, и Легаль, который играл белыми, объявляет мат чёрному королю, до этого пожертвовав свой ферзь.

Но эта история, дорогой читатель, не о деталях этой партии и о его участниках. Цитата из Википедии преследует определенную цель — не позволить, чтобы вы впали в глубокие размышления, боле того, гадали на кофеной гуще о том, речь идёт о каком пальце шахматиста Легалья — указательном или о мизинце? Речь о шахматном мате, а не пальце кого-то.

Теперь, когда все ясно и понятно (вроде бы), позвольте перейти к преамбуле рассказа....

В средней школе Личка все мужчины, без исключения, играли в шахматы, независимо от того, сильно или слабо они играют, вообще умеют играть или просто выучили шахматные ходы и считали себя шахматистами.

В учительской было две шахматные доски, которые почти всегда были «в игре». Те учителя, которые имели свободные часы или уже закончили свои уроки, не спешили домой, пока не сыграют пару партий. Это называлось «расслабиться после тяжелого рабочего дня». Особенно интересно было наблюдать за такой разрядкой во время перемен, когда за пять минут участники успевали сыграть две партии. Такие блиц партии ещё не играл ни один гроссмейстер.

Некоторые учителя, имеющие врожденный талант к шахматам, играли очень хорошо и смогли бы выполнить норму кандидата в мастера или даже мастера спорта по шахматам. Среди них особенно отличался завуч школы Санасар Петросян, которого практически невозможно было победить. Он думал очень быстро и порой играл просто блестяще. Иногда, сражаясь со слабым игроком, позволял себе убрать какую-то фигуру, скажем,

* Игра слов: «Мат» в переводе с армянского означает палец.

ладью или слона, и, всё равно, побеждал его. Другими словами, он был «на голову выше всех остальных».

Я тоже поддался этой «шахматной эпидемии», но в отличие от других слабых игроков, никогда не «скрещивал свой меч» с сильными, заранее зная, что потерплю сокрушительное поражение. В то же время, с удовольствием следил за игрой сильных и сражался с теми, кто играл, как я.

Чуть отходя от главной темы, скажу, что я ещё с детства любил эту мудрую игру, всегда следил за международными турнирами и, особенно, за поединками за мировую корону. В какое-то время я был настолько поглощен шахматами, что купил книгу «Шахматные миниатюры» и решил серьезно заняться шахматами. Я изучал различные дебюты и партии известных шахматистов. Именно в этой книге я прочитал о мате Легалья. Мне этот мат так понравился, что я запомнил наизусть все ходы этой партии и ждал удобного случая, чтобы применить его. Но здесь был один нюанс, условие, без которого невозможно сыграть эту партию: я должен был строго следовать ходам Легалья, а мой соперник — ходам Сен-Бри.

И вот однажды такая возможность мне представилась.

Была суббота, уроки уже закончились, но группа учителей, в основном сильные игроки, в том числе, Санасар Петросян, «проводили очередной шахматный турнир». Точнее, Санасар по очереди играл со всеми и выигрывал одного за другим. В этот день свои партии с Санасаром не могли свести вничью даже сильные игроки.

Я, как всегда, когда играли сильные, был в роли зрителя. Как я уже говорил выше, мне интересно было следить за игрой. Не был исключением и этот день, и я не менее Санасара получал огромное удовольствие.

Наконец все повержены. Санасар на седьмом небе и в ближайшее время не собирается спускаться оттуда. Шутка ли, за один час выиграть у шестерых?

— Кто остался? — после шестой победы спросил Санасар и огляделся вокруг.

Остался я, но я «свой ум не ел с хлебом», чтобы сразиться с чемпионом школы. Где я, где он! Я был убежден, что такая встреча не возможна во всех случаях. Но провидение приготовило мне другую судьбу.

— Не хочешь попробовать свои силы? Не бойся, давай сразимся! Хочешь, я буду играть черными фигурами, без ферзя или без двух ладьей? — дерзким и ироническим тоном сказал мне Санасар.

Это уже слишком. Такой наглый вызов для меня был оскорбительным, и как бы не закончилась партия с Санасаром, я должен был принять вызов, чтобы сохранить уважение к себе. Но как это делать — победить чемпиона? И в этот момент я вспомнил о мате Легалья. Подумав несколько секунд, я решил, что делать и, скрывая недовольствие, спокойно сказал, но придавая голосу презрительный тон:

Я буду играть с тобой, господин гроссмейстер, но только если ты выполнишь все мои условия.

— Интересно, слушаю тебя! — сказал Санасар, пораженный моей смелостью.

— Во-первых, не надо давать мне фору! Во-вторых, нельзя отдавать ход назад, мы должны играть, соблюдая все правила шахмат. Далее, я буду играть белыми фигурами и, наконец, играем только одну партию.

— Принимаю все условия, — сказал Санасар, очень довольный моим неожиданным согласием. — Ну что, расставим фигуры?

Он уже праздновал предполагаемую победу и наслаждался этим счастьем.

— Расставим! — ответил я.

Я расставлял фигуры и думал: «Нужно наказать чемпиона. Пришло время мата Легалья, надо разыграть эту партию, и первой жертвой станет Санасар. У меня нет другого способа, чтобы добиться победы. Если мне повезет, и повторятся все семь ходов партии Легаль — Сен-Бри, то победа будет моей, и это будет сокрушительным ударом по его обидному высокомерию. Надеюсь, что наш чемпион не читал шахматную литературу и не имел ни малейшего представления о мате Легалья. Что ж, Боже, помоги, пусть случится чудо».

С такими размышлениями я начал «Матч века». Все присутствующие с особым интересом следили за нашей игрой. Я был более чем уверен, что все они не имеют ни малейшего сомнения в том, кто будет победителем...

Я делаю первый ход Легалья. Санасар отвечает ходом Сен-Бри. «Хорошо, — молча подбодриваю я Санасара, — так держать и далее». Второй, третий и четвертый ходы повторяются одинаково, как было сыграно в знаменитой партии. Из семи ходов четыре Санасар «правильно» сделал. Ловушка уже готова, но мой противник не замечает её, продолжает играть спокойно и уверено. Как будто какая-то невидимая сила ведёт его по той дороге, которая нужна мне для победы. Я тоже внешне спокойный, но внутри очень взволнован и чувствую, как мое сердце начинает биться быстрее. Я делаю пятый, роковой ход, сознательно поставив моего ферзя под удар слона противника, и только в этот момент якобы «замечаю», что совершил «ужасную ошибку».

— Ой, что я наделал, как не заметил, что я ставлю под удар моего ферзя! — воскликнул я и посмотрел в глаза Санасара: проглотит ли наживку?

— Хотя мы договорились, что ходы не будем возвращать, но я позволю тебе сделать ход назад. Давай, исправь ошибку, — великодушно сказал Санасар. — В противном случае без ферзя проиграешь. Я прощаю один раз и повторяю, верни ход назад.

Стало ясно, что чемпион проглотил наживку, и мне остаётся довести к логическому завершению мой замысел.

— Нет, ни в коем случае, — грустным, но голосом, не принимающим возражений, сказал я. — Сам ставил условия, надо держать свое слово.

— Как хочешь, воля твоя, — невозмутимым голосом произнёс Санасар.

Он слоном взял моего ферзя и с улыбкой сказал:

— Пора сдаваться, сложи оружия, не трать зря время.

— Я не собираюсь сдаваться, буду бороться до конца, — спокойно сказал я и объявил шах королю противника.

И только после этого наш чемпион осознал всю трагичность ситуации, увидел следующий ход — мат. Его лицо, которое ещё

несколько секунд назад сияло от радости, моментально погрузило, челюсть отвисла от изумления. Какое-то время он не поднимал свой взгляд от игровой доски, тупо смотрел на фигуры, не веря собственным глазам. Затем медленно поднял голову, посмотрел на меня чуть не плача, не проронив ни одного слова.

Зрители тоже потеряли дар речи, моя победа была чем-то невероятным и лишена для них всякой логики.

— Это сон, или я пьян, что происходит, как это случилось?.. — воскликнул Санасар. Он, наконец, пришел в себя, к нему вернулся дар речи.

— Как это случилось? — повторил свой вопрос чемпион. — Объясни, я не понимаю, как ты победил? Десять таких игроков, как ты, не смогут победить меня, как тебе это удалось? Что ты сделал со мной? Было бы лучше, если бы убил.

В голосе и взгляде Санасара было бесконечное страдание. Меня совесть замучила. Подумал, что очень жестоко поступил с ним, это был такой сокрушительный удар по его репутации, что он ещё долго не опомнится. Это поражение стало горьким уроком для него.

— Я помню, что мы договорились, играть только одну партию, но, может быть, сделаем исключение, сыграем ещё одну? — обратился ко мне Санасар, направив на меня полные мольбой глаза.

Ясно было, что чемпион стремится к реваншу, будучи уверенным, что моя победа абсолютная случайность. Только победой надо мной он может восстановить репутацию, утраченную всего несколько минут назад. Но я не намерен был играть. В то же время меня действительно мучила совесть. Нужно было прояснить ситуацию, надо было сказать правду. Этого достаточно, чемпион наказан за моё оскорбление, и я был полностью удовлетворен. Настал момент моей «исповеди»:

— Ты замечательно играешь в шахматы, пусть простят меня ребята, но в нашей школе лучше тебя нет шахматиста. Если бы ты серьёзно занимался шахматами, то мог бы легко выполнить норму мастера спотра, как минимум. Скажу больше: если мы с тобой сыграем сотни партий, то я не сомневаюсь, что все они закончатся твоей победой. Какой я тебе соперник! Говорю искрен-

но. А что касается ещё одной партии, скажу следующее: я с тобой больше никогда не буду играть, ни сегодня, ни завтра, ни после, никогда! Я уже сказал, что проиграю все партии. Тем не менее, хочу дать пару советов, которые, надеюсь, тебе ещё пригодятся в жизни. Во-первых, быть уверенным в своих силах, это хорошо, но запомни, что непобедимых людей практически не бывает, каждый может проиграть хотя бы один раз в жизни. Во-вторых, никогда не считай других глупее себя, они могут оказаться умнее. Сегодня моя победа – тебе пример. Но это еще не всё. Я хочу открыть секрет моей победы...

И рассказал о мате Легалья...

НОЧНАЯ СЕРЕНАДА

Сирун* Вардикян**, учительница немецкого языка средней школы села Личк была очень некрасивой женщиной. Широкий рот с торчащими зубами, плоский нос, выпученные «лягушачьи» глаза, мягко говоря, оставляли на людей удручающее впечатление. Если к этому добавить смуглую кожу, возникавшую у людей подозрение о её африканском происхождении, нескладную фигуру и маленький рост, то картина будет завершена. Пусть простят меня все женщины мира и, особенно, Сирун Вардикян, но я должен сказать, что всегда был против такого, на мой взгляд, ошибочного мнения, что все женщины красивы. Нет, трижды нет! Есть и такие, на которых какими бы глазами не смотри – трезвыми или пьяными, не найдёшь даже следа красоты. Такой была и Сирун, чьё имя и фамилия были просто иронией судьбы. Какая была связь между красотой и царицей цветов – розой и этой женщиной, трудно сказать. Я принимаю, что для любого родителя собственный ребёнок самый красивый и умный, но всему есть предел, что, увы, было нарушено в случае с нашей героиней. Но некрасивый внешний вид Сирун была одна сторона медали. Другая сторона медали была уродливая натура, что, окончательно, отталкивала от неё людей. О таких людях говорят,

* «Сирун» в переводе с армянского означает красивый.

** «Вардикян» от слова «вард» – роза.

что им вдвойне не повезло, что, во время раздачи судьбы Богом, этот человек отсутствовал. Сирун была не замужем и в одиночестве «носила» свою судьбу.

Сирун, я и другой учитель немецкого языка – Артак Гаспарян, жили в доме, построенном специально для приезжих учителей. Это было двухэтажное здание. Одно крыло первого этажа занимала Сирун Вардикян, а моя семья и семья Артака размещались в разных крыльях второго этажа.

У молодых учителей школы была одна, то ли хорошая, то ли плохая, привычка, которая уже стала традиционной. В конце каждого месяца, в день зарплаты, после уроков мы ходили в кафе, которое находилось не далеко от деревни – отмечать самый значительный день месяца и воздать славу советскому государству и его руководителям, которые дали нам столько счастья. И вот в один из таких дней, поздно вечером, я и Артак, довольно таки «весёленькие», возвращались из очередного пиршества. В окнах дома учителя не было света, видимо, все уже спали. Когда мы подошли, Артак сделал очень заманчивое предложение:

– Давай споём ночную серенаду в честь Сирун, что скажешь?

Мне очень понравилось это предложение, и я, без долгих колебаний, согласился.

– А что мы споём?

– «Лунную ночь», сказал Артак. В его голосе почувствовалась не скрытая ирония.

Мы подошли к окну Сирун, и на счёт «три-четыре», начали очень громко петь:

Лунная ночь, прохладная ночь,
Я прохожу мимо твоего дома,
И бессонными глазами
Я смотрю в твоё окно.

Открой окно своё,
Чтобы я увидел твоё мраморное тело,
Умру за твои чёрные глаза,
Наполненные слезами.

Мы пели так громко, точнее, пищали и раздирали глотки, что, наверное, нас слышали на другом конце села. Пели и ждали, что наш голос разбудит Сирун, которая выругает нас на чём свет стоит. Мы были готовы к этому и ждали с особым интересом. Все это было организовано именно для «выступления» Сирун Вардилян. Однако, к нашему удивлению, Сирун не проснулась и не выругала нас. Это обстоятельство, почему-то, воодушевило нас ещё больше, и мы повторили наше выступление, но опять тот же результат.

— Это, как минимум, наглость со стороны Сирун, — разозлился я. — Наверное, нарочно не встаёт и тайно смеётся над нами. Нужно третий раз повторить песнопение, может быть, на этот раз мы сможем «вытащить её из гнезда».

Песня прозвучала ещё раз, но и на этот раз окно Сирун осталось темным и тихим.

— Напрасны наши страдания, — отчаянно взмахнул рукой Артак, — лучше пойдём по домам, утром выясним причину неудачного выступления.

— Пойдем, пойдем, из нас соблазнительных певцов не выйдет, не будем зря мучить наши горла, — добавил я.

Когда я вернулся домой, ещё в вестибюле услышал женские голоса, раздающиеся из гостиной. Говорили моя жена и ещё какая-то женщина, голос которой мне показался знакомым. Тёмные подозрения возникли у меня, и я быстро пошёл в гостиную. От неожиданной сцены я чуть не упал... Единственным источником света была свеча на столе, в свете которой я заметил мою жену и... Сирун. Они пили кофе и разговаривали. Я был настолько смущен этой неожиданной встречей, что на какой-то момент потерял дар речи и забыл поздороваться. Затем быстро протрезвел. Хмель куда-то испарился, как будто его и не было, и только после этого поздоровавшись, я спросил, почему они пьют кофе при свечах, решили устроить романтический вечер?

— Какая тут ещё романтика, о чём ты! — раздосадовалась жена, — романтики не хватает нам! Во всём здании нет света, Сирун боялась сидеть одна в тёмной квартире, решила прийти к нам.

— Лусине правду говорит, — на сказанное женой «поставила печать» Сирун. — Я боюсь темноты. Кроме того, нечего было делать, а лечь спать ещё рано. Подумала, что для Лусине тоже будет хорошо, не останется в одиночестве в темной квартире.

Не сложно было догадаться, откуда Сирун узнала, что меня нет дома: все в школе знали о нашей традиции.

— Послушай, а кто только что пел на улице, кажется, возле нашего дома. Ты не видел никого? — вдруг спросила жена, хитро улыбаясь. — Если слух мне не изменяет, было два или три певца, — продолжила она, подчеркивая слово «певцы».

Сирун вся была внимание и слух. Она направила свой взгляд в мою сторону. На её лице застыл тот же вопрос.

Наступила тишина, потому что у меня не было ответа. Понял, что по нашим голосам жена и, вероятно, Сирун узнали «новоиспечённых» певцов. Я почувствовал, как краснеет моё лицо. Ещё хорошо, что в комнате было темно. «Мы опозорены, вот теперь ответь, — поругал себя я. — Что ответить?» Я думал несколько секунд и пытался сказать что-то разумное:

— Я никого не видел возле дома. Возможно, пели в одном из соседних домов: может быть день рождения празднуют или есть другой повод. Что тут необычного, что удивило вас?

Кажется, мое объяснение было неубедительным, мне не очень поверили. В любом случае, я не мог дать другого ответа, это был «самый правдивый» ответ, хотите верьте, хотите — нет.

Жена прекратила свой допрос, подумав, видимо, что не получит от меня другого ответа: зачем тратить время зря на тщетные поиски? Застывший вопрос на лице Сирун кажется пропал, оставляя небольшой след, мол, не так уж верю. Я также посчитал вопрос закрытым — для женщин, но сам долго не мог заснуть, переворачиваясь в постели и взвешивая все отрицательные последствия этой истории. Во-первых, я и Артак, два пьяных учителя дурачились (по другому не могу назвать наш поступок), более пятнадцати минут пели перед темным и пустым окном, которое никак не могло заменить Сирун и откликнуться на наш комичный и, в то же время, позорный поступок. Что подумают о нас ученики? Позор! Во вторых, не трудно было догадаться, что

ждёт нас, если эта история «выплывёт на поверхность», становясь собственностью села. Она превратится в анекдот, герои которого сильно напившиеся учителя, считавшиеся окружающими культурными и воспитанными людьми, чей ум заволокла одна из самых страшных бед человечества – водка. И последнее – самое главное: разве можно так поступить с женщиной, хоть и некрасивой? Ещё раз – позор нам! Не напрасно говорят: «Пьяному море по колено».

РЫБАЛКА

В озере Севан много рыбы (извините, хотел сказать, было много рыбы в те годы), но только профессиональные рыбаки прибрежных сёл знают, как и где ловить рыбу. Во-первых, у берега рыбаку делать нечего. Нужно на лодке отплыть хотя бы на две сотни метров и только там испытывать судьбу, вооружившись рыболовными снастями – удочками или сетью и такой приманкой, соответствующей предпочтениям и аппетиту рыбы. Во-вторых, необходимо учитывать время суток, погодные условия, температуру воды и т. д. и т. п. Обо всём этом у меня были некоторые начальные сведения. Я уже около года работал в Личковской средней школе и успел получить минимальную информацию о рыбалке на Севане от местных рыбаков.

Мой друг, Вазген Ваганян, время от времени гостил у нас, когда ехал в командировку в Камо* или Мартуни**. Он – заядлый охотник и рыбак, и никогда не упускал повода, чтобы заняться своими самыми любимыми занятиями.

Однажды, в тёплый майский день, он приехал к нам в гости после очередной командировки. Кроме небольшой дорожной сумки, он взял с собой удочку и все необходимые вещи для рыбалки. Было ясно, Вазген приехал к нам с целью – порыбачить.

– А где ты собираешься ловить рыбу? – спросил я его.

– Как это, где? – удивился он, – озеро рядом, лучшего места не найти.

* Камо – административный центр одноимённого района.

** Мартуни – административный центр одноимённого района.

— На Севане ты рыбу не поймаешь, у тебя не получится, — сказал я и коротко, но содержательно «прочитал ему лекцию» об основах рыбалки на Севане. Не убедил.

— Мы это ещё посмотрим, — непоколебим был мой друг, — я ловил рыбу в местах и посложнее, Севан для меня что?

Бесполезно было продолжать, я Вазгена знал, ему можно доказать только на практике. Мне оставалось только согласиться, тем более, что терять было нечего: погуляем на берегу озера, поболтаем, поедим на свежем воздухе, что еще нам нужно?

Мы втроём, вместе с моей женой, отправились к озеру. По прибытию, Вазген принялся за работу: быстро подготовил удочку и начал свою «сизифову» рыбалку. Я и жена с интересом следили за действиями Вазгена, которые длились около получаса и закончились, как и следовало ожидать, безрезультатно.

— Я же говорил, что ты не сможешь, брось это гиблое дело, а ты меня не послушал, — я не упустил повода доказать, что не зря год работал в Личке: не только учил, но и кое-чему сам научился.

Настроение Вазгена упало «ниже нуля».

— Хотя бы одну рыбу поймал, не было бы так досадно, — вздохнул он. — Первый раз в жизни возвращаюсь с рыбалки с пустыми руками.

Мы с женой попытались утешить его, но ничего не вышло. Даже пикник с друзьями на лоне природы не помог. Через некоторое время, после отдыха в тени деревьев, мы отправились домой. Тропинка проходила по берегу одной из небольших речушек, которая впадает в озеро. Пройдя около полкилометра, мы дошли до относительно широкой части речки. Наше внимание привлёк необычно темный цвет воды. Мы все трое посмотрели на воду и не поверили своим глазам... Эта часть реки почернела от сотни рыб, которые кишели в воде. «Рыбааа!» — закричал Вазген. Его глаза блестели от счастья, лицо зарумянилось от волнения, дыхание участилось. Шутка ли, после неудачной рыбалки увидеть столько рыбы? Он быстро подготовил удочку и бросил её в воду, одновременно обращаясь к нам:

— Ну вот, теперь вы увидите, что такое рыбалка.

Рыбы, однако, «плевать хотели» как на удочку, так и на наживку. Просто полное безразличие: они спокойно плавали в речке, доводя до бешенства своим презрительным

отношениями так возмущённого Вазгена. А он продолжал свою «экспериментальную» рыбалку, время от времени бормотав:

– Почему эти рыбы так упорствуют, что, очень сыты, или еда не та? Может быть, сегодня не мой день?

Терпение Вазгена наконец лопнуло. Он вытащил удочку из воды, собрал и положил на место. Потом некоторое время стоял молча, видимо, о чём-то думал.

– Нашёл! – закричал он, как-будто Америку открыл, – я этих «непослушных» рыб буду ловить майкой, – и стал быстро раздеваться.

Пока я думал, как предотвратить этот более чем странный способ рыбалки, Вазген, с майкой в руке, вошёл в воду, которая была чуть выше его колен. Нам с женой оставалось только молча и с удивлением следить за действиями друга. Увы, эта третья попытка тоже была неудачной. Как только Вазген вошел в воду, рыба всем косяком куда-то исчезла. Вазген в недоумении и расстроенный этим «неожиданным» побегом, ещё пару минут кидался то влево, то вправо, пытаясь определить координаты убежавших рыб, но так и не найдя ни одной рыбы, вышел из воды.

– Немного надо подождать, может снова выплывут из укрытия, – обнадеживал сам себя Вазген.

Действительно, не прошло и минуты, когда рыба опять появилась. Вазген повторил попытку так же удачно, хотел сказать, так же неудачно, как и в первый раз. Рыба опять исчезла, но на этот раз мне удалось увидеть, где она спряталась. На противоположном берегу реки, в воде была растянута железная сетка, наполненная большими камнями. Именно в щелях между камнями и скрылась рыба. Я понял, что рыба из озера поднялась вверх по течению реки на нерест. С этой целью и была натянута сетка.

О моём открытии я промолчал, и попросил Вазгена выйти из воды.

– Теперь я хочу попытаться счастья, но без удочки или майки.

Вазген вышел из воды и обратился ко мне:

– А как ты собираешься ловить рыбу, голыми руками, что-ли?

– Да, голыми руками, – ответил я спокойно.

Вазген приложил большой палец к виску и покрутил, мол, сумасшедший что-ли, кто видел такое?

— Ты можешь майкой рыбу ловить, а я не смогу руками, чем я хуже тебя? — с насмешкой сказал я и вошел в воду.

Теперь настала очередь Вазгена и моей жены молча следить уже за моей рыбалкой. При входе в реку я еще раз уточнил, что единственным укрытием для рыб являются щели между камнями. Я спокойно подошёл к сетке, просунул руку в одну из щелей под водой... и нащупал рыбу.

Приятный холодок пробежал по моему телу. Какой успех!.. Но это ещё не окончательная победа, нужно взять рыбу за голову, иначе ускользнет из рук, и всё. Несмотря на сопротивление рыбы, мне удалось осуществить свой план. Всё, рыба была в моих руках и лишена какой-либо возможности улизнуть. Остается только вытащить её из воды и выяснить, что это за рыба.

— Поймал, поймал, я поймал рыбу, — весело крикнул я, поворачиваясь к «зрителям», пока держа рыбу под водой. Мне, конечно, не поверили:

— Ладно, хватит выдумывать, на этого рыбака посмотрите!

Реакция Вазгена естественна, её и следовало ожидать, ведь весь день ему так и не улыбнулась удача.

— Я повторяю, рыба у меня в руках, в воде.

Они мне не верили.

— В самом деле, хватит, выходи из реки, а то заболеешь, вода холодная.

На этот раз была очередь жены, вправить мне мозги.

— Ну ладно, неверующие, ловите, — сказал я и выбросил рыбу на берег, при этом закричав что-то вроде боевого клича индейцев.

Боевой клич индейцев удвоился, а то и утроился, когда рыба очутилась на берегу.

— Это кохак, — моментально определил вид рыбы Вазген, и к боевому кличу прибавился боевой танец вокруг рыбы, который устроил мой друг. Я «разжигал огонь», бросив ещё одну рыбу на берег. Через несколько мгновений ко мне присоединился Вазген, и началась наша необычная рыбалка... Рыбы одна за другой

в воздухе совершали акробатические круги и приземлялись на берегу, где их ждала моя жена. Она собирала их и клала в ведро, а когда оно заполнилось – в небольшой мешок.

Лихорадочная рыбалка могла продолжаться до наступления темноты, если бы нас не отрезвила жена:

– Мальчики, хватит, уже нет места, потом, что мы будем делать с рыбой? Так вы уничтожите всю рыбу Севана.

Мы пришли в себя от этого правильного и вовремя сделанного замечания. В самом деле, только вредительством можно назвать наши действия: всего за полчаса мы поймали больше двадцати рыб, которые могли бы дать жизнь тысяче рыб...

Больше расстроенные, чем довольные нашей жадной рыбалкой, мы взяли рыбу и направились в село. По пути ещё раз горячо обсудили наш поступок, сами себя хаяли и бичевали, но, увы, уже ничего не сделаешь, назад дороги нет. Нам пришлось смириться с ситуацией и подумать, что делать с таким количеством рыбы. Кохак, очень вкусная, но очень костлявая рыба, и не каждый любит её есть. В любом случае, надо было их «реализовать». Мы пришли в село и стали оказывать «гуманитарную помощь» соседям. Большую часть рыбы мы отдали им, две штуки с трудом поели втроём, остальное Вазген забрал с собой.

Через некоторое время мы опять встретились, и Вазген рассказал, что три дня подряд всей семьей ели рыбу, и теперь смотреть на рыбу не могут.

– В жизни, наверное, не ел столько рыбы, притом – три дня подряд. Это и есть конец жадности, – завершил он рассказ о «рыбоедстве».

– Сам виноват, дорогой друг! – в шутку сказал я. – Это была твоя идея – ловить рыбу в озере Севан.

Вазген посмотрел на меня виноватым взглядом.

– Несмотря на то, что ты шутишь, но есть зерно истины в сказанном. Однако, если бы не моя любовь к рыбалке, то не было бы и этой истории, которую, я думаю, мы будем долго помнить, возможно, до конца наших дней. Кроме того, это событие также имеет для нас и воспитательное значение. Вряд ли мы такое ещё раз позволим себе в будущем.

Оказалось, что это были пророческие слова. Почти сорок лет прошло с тех пор. За эти годы мы не раз рыбачили вместе, но ничего подобного больше не повторялось, и я уверен, что не будет никогда. Хотя, постойте, я ошибаюсь: историческая рыбалка всё таки повторяется время от времени, но только... в наших воспоминаниях. Я или Вазген, по разным поводам, вспоминаем и рассказываем об этом, всегда «забывая» упомянуть количество рыбы (до сих пор нам стыдно за наш поступок). Но, записывая эту историю, я, исходя из воспитательных соображений, не забыл упомянуть, сколько рыбы было поймано. Пусть каждый читатель сделает свои собственные выводы и определит – что правильно, а что – нет. Иначе, зачем я изложил всё это на бумаге?..

ЧТО ТАКОЕ «ЕЩЁ»?

После окончания университета, я добровольно взял направление в одну из отдаленных деревень Армении – Личк, (в переводе – «озёра» – прим. автора). В средней школе Личка, где я преподавал армянский язык и литературу, работал один учитель по имени Зарзанд Мужикян. Когда при нашем знакомстве он назвал своё имя и фамилию, у меня сразу возникли два вопроса: «Почему, Зарзанд и почему, Мужикян»? (Зарзанд в переводе означает «ужас, страх» – прим. автора). Мой новый знакомый был щупленьким мужчиной, низкого роста, у него было доброе лицо, а голос был мягким и даже приятным. Ничего грозного или пугающего не было в его внешности. Однако, откуда могли знать его родители, каким станет Зарзанд, когда давали ему имя? А какова была связь между армянской семьёй и русским словом «мужик», для меня было совершенно необъяснимо.

Зарзанд Мужикян был учителем начальных классов, хотя сам окончил только семь классов. Это еще можно объяснить. Наш герой был участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды, был дважды ранен, с фронта вернулся домой в целостности и сохранности. После войны была острая потребность специалистов, в том числе – учителей, именно поэтому часто брали людей с неполным средним или с неполным высшим об-

разованием. Было ещё одно более важное обстоятельство. В течение четырех лет войны Мужикян в какой-то степени выучил русский язык, кое-как, «отличал мокрое от сухого», как говорил директор нашей школы. Кто ещё должен был преподавать в начальных классах русский язык, если не Зарзанд Мужикян? Но горе тому русскому языку, которому он учил, было бы лучше, если бы он вообще не знал его. Судите сами: товарищ Мужикян был полностью уверен в том, что мальчики должны говорить «он», а девочки – «она». Или, он показывал свою руку до локтя и говорил: «Это рука». Потом показывал ту же руку до плеча и объяснял: «А это – руки». Такие «фундаментальные» знания Зарзанд Мужикян имел не только по русскому языку, но и во всех других дисциплинах, которые он «с любовью» передавал своим ученикам.

Много комических историй были связаны с персоной Зарзанда Мужикяна, одну из которых я и хочу рассказать.

Эта история произошла в конце пятидесятых годов, зимой.

В первом классе был урок арифметики. В конце урока Зарзанд Мужикян пытался решить одну простую задачу и на её примере объяснить принцип решения таких задач. Задача следующего содержания: «У Арама было два яблока, мама дала ему еще одно яблоко. Сколько яблок у Арама?»

Решение задачи было столь же просто, как и её ответ: нужно к двум прибавить один, ответ будет три. Так и объяснял своим ученикам Мужикян и, довольный собой и проведенным уроком, по привычке спросил – какие вопросы есть у учеников. Один ученик поднял руку:

– Товарищ Мужикян, а что означает слово «ещё»?

Коварный вопрос, ответа которого, к сожалению, не было у Мужикяна. Он просто не знал значения слова «ещё». В то время, как смущенный учитель в течение нескольких секунд думал о том, как выйти из этой неловкой ситуации, в уме ругая и себя, и любознательного ученика, прозвучал звонок.

– На этот вопрос я отвечу завтра, сейчас идите домой, урок окончен, – сказал Зарзанд Мужикян, вздохнул с облегчением, вышел из школы и направился домой.

Дома бедный учитель сильно напрягал свой мозг, пытаясь «логически» объяснить смысл злополучного «ещё» и его роль в задаче, но так и не смог найти разумного ответа. Тогда Мужикян решил пойти в соседнюю деревню, к учителю армянского языка и литературы, чтобы спросить значение слова «ещё», так как в Личке никто не мог ему помочь. Закончив обед, он быстро оделся и вышел из дома, бросив жене:

— Я вернусь через пару часов!

Как уже было сказано, эта история произошла зимой. Снега было выше колен, трещал мороз и, как говорят, хороший хозяин даже собаку не выпустил бы на улицу. Но для Мужикяна толкование слово «ещё» было вопросом чести и престижа. Что за учитель, который не может ответить на вопросы учеников? Стыд и позор! Не говоря уже об односельчанах, которым нужен лишь маленький повод, чтобы сделать из этой истории анекдот и распространять его по всей деревне.

В те годы только можно было мечтать об автобусе или о другом способе передвижения. Самым доступным транспортом были осёл или лошадь, но у Зарзанда не было ни того, ни другого. Пришлось идти пешком. По дороге Мужикян подбадривал себя следующими мыслями: «В годы войны пешком ходил тысячи километров, видел морозы по хлеще и не заболел ни разу, для меня пять километров и «родная» зима ерунда»...

Ни на следующий день, ни в течение месяца Зарзанд Мужикян не пришёл в школу. Да, был он закалённым малым, ходил много пешком, морозов видел на своём веку не мало, и местная зима может и была родной, но, всё равно, эти «весомые аргументы» не спасли его от пневмонии. Более того, он чудом избежал смерти. А «героические» усилия, чтобы не потерять репутацию, были тщетны. Трудно сказать, каким образом эта история, пару дней спустя, стала «жвачкой» во ртах односельчан, а через неделю чуть ли не весь район знал об этой трагикомедии. Как не пытался Мужикян убедить людей в том, что всю эту историю придумали злые языки, не помогало. История о «ещё» передавалась из уст в уста в различных вариантах и стала достоянием общественности.

Уже давно нет в живых Зарзанда Мужикяна, но об «ещё» односельчане помнят и рассказывают по сей день. Наш герой, волей-неволей, оставил комический и уникальный след в истории Личка, можно сказать, увековечил своё имя из-за злополучного «ещё». Но если бы не было этого слова, то кто вспомнил бы сегодня Зарзанда Мужикяна. Не зря говорят: «Нет худа без добра».

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМИК

Как и в большинстве сёл, в Личке была одна центральная улица, которую можно было и проспектом назвать, если сравнивать её размеры с другими улицами этого села. Там находился единственный продуктовый магазин, куда я часто ходил за покупками. Прямо напротив магазина, стоял небольшой деревянный домик зеленого цвета. Он в первый же день привлёк мое внимание. Я его назвал Зелёным домиком, при этом не знал, с какой целью он был построен, какое его «прикладное» значение. Этот домик не был похож ни на жилой дом, ни на торговый или культурный объект, ни на какое-то образовательное или административное учреждение. На мой вопрос, что же это, один из местных жителей сказал, что иногда здесь собираются мужчины села, чтобы проводить время. И, наконец, в один прекрасный день мне довелось узнать, как проводят время мужчины в этом домике.

Я пошел в магазин за хлебом. Только подошёл к Зелёному домику и хотел повернуть к магазину, как меня окликнул молодой человек, стоящий на пороге:

— Здравствуйте, товарищ Гамбарян.

Я повернулся к незнакомому мужчине, подумав о том, откуда он знает мою фамилию.

— Здравствуйте, — ответил я, не останавливаясь, соблюдая правила этикета: тебе желают здоровья, и ты должен ответить тем же.

— Куда Вы направляетесь, товарищ Гамбарян, — снова спросил тот же голос. — Пожалуйста, заходите к нам, не стесняйтесь, — руками приглашая меня в Зелёный домик, откуда были слышны какие-то громкие, но не совсем разборчивые мужские голоса.

Хотя мне было интересно узнать, что там внутри, но почувствовав что-то не ладное, я попытался уклониться от приглашения:

– Спасибо, я спешу.

– На пару минут, – настаивал молодой человек, дружески улыбаясь.

Приглашение было совершенно искренним и бескорыстным, я это почувствовал «спинным мозгом», которому я доверял всегда, но мой внутренний голос, которому я тоже доверял всегда, предупреждал, что не следует принимать его. Я сделал ещё одну попытку отказаться, но приглашающий мужчина проявил завидную волю – проводить меня в домик. Я вынужден был пойти на уступку и согласиться войти в домик «на несколько минут», как говорил мой новый знакомый. Вошел и убедился, что мой внутренний голос был прав: надо было отказаться от этого странного приглашения...

Несмотря на густые клубы сигаретного дыма, я смог разглядеть четырёх мужчин, которые стояли вокруг одноногого стола. На нём стояли четыре бутылки водки: две пустые, одна полупустая, а четвертая, ещё не откупоренная, «нетерпеливо» ждала своей очереди. На столе были также конфеты – карамель, предназначение которых я узнал чуть позже.

Я поздоровался. Все четверо дружно и любезно ответили на моё приветствие. Тот, кто привёл меня в Зелёный домик, представил меня:

– Это товарищ Гамбарян, наш новый учитель армянского языка и литературы, преподаёт в классе моего сына Гарика.

Я внимательнее посмотрел на молодого человека и вспомнил, что я его видел на одном из родительских собраний шестого класса. «Вот откуда он знает мою фамилию», – молча «зарегистрировал» я своё открытие.

– Пожалуйста, проходите к столу, товарищ Гамбарян, – обратился ко мне один из мужчин. – Давайте познакомимся, меня зовут Джаник, – и протянул мне руку.

Пока я пожимал руку Джаника, на столе, не известно откуда, появилась чистая рюмка, которая сразу наполнилась водкой. «Началось», – грустно подумал я, понимая, что ждёт меня.

— Выпьем за наше знакомство, — сказал и протянул мне рюмку отец Гарика.

Все дружно подняли рюмки и повторили провозглашённый тост. Я хорошо знал, что если откажусь от водки, то мои «собутельники» не только не поймут меня, но и оценят мой поступок как смертельное оскорбление. Так что, мне оставалось повторить «лозунг» данного момента, чокнуться и выпить водку.

Водка была паршивая. Я с трудом её проглотил. Моё лицо скорчилось, что не ускользнуло от внимания мужчины лет пятидесяти по имени Хачатур.

— Закусывайте конфетой, товарищ Гамбарян, смените вкус во рту, — сказал Хачатур, протянув мне карамель.

«Мало мне плохой водки, теперь мои нелюбимые конфеты. Они что, хотят, довести меня до тошноты?» — подумал я с отращением.

Вслух об этом, конечно, нельзя было сказать, мои новые знакомые обиделись бы, поэтому я разгладил лицо, изобразил на нём что-то похожее на улыбку и, став жертвой вежливости, в полшутку, в полусерьез сказал:

— Спасибо, я после первой рюмки конфетами не закусываю.

«Публика» с удовлетворением приняла мой ответ, покачивая головой, мол, шутку поняли и оценили. Отец Гарика опять налил мне рюмку, не потрудившись спросить, хочу ли я выпить?

— А сейчас мы выпьем за наших детей, — сказал он и поднял рюмку.

— Святой тост, надо обязательно выпить.

Говорил Вагаршак, самый старший из этой «пятерки».

— Правильно говорит Вагаршак, святой тост, надо выпить, — одобрили своего старшего товарища другие и чёкнулись.

«Святой тост» с таким же успехом прошёл тот же путь, что и первый, при этом удваивая моё отвращение.

— А как после второй рюмки, конфетой закусываете, товарищ Гамбарян? — пошутил один из присутствующих, подмигивая мне.

Я не ответил на неуместную шутку. Была бы моя воля, я швырнул бы в него и рюмку, и бутылку, и весь этот чёртов домик, что стал причиной моих мучений. За что мне такое?..

Я лихорадочно искал выход из этой ситуации, и пока думал об освобождении, мою рюмку снова наполнили. Никого не интересовало, хочу я этого, или нет? Более того, по мнению моих «собутельников», было очень неестественно, если кто-то отказывался от водки. «Либо болен, либо мёртв, если не пьёт»: это единственный правильный диагноз для тех, кто не употребляет водки вообще. Разве нормальный человек откажется от водки?

Я не знал, как избавиться от этих гостеприимных людей, чтобы не обидеть их. Не хотел оставлять впечатление неблагодарного и невежественного человека, но и так не мог продолжать. В моём желудке началась настоящая революция: он (бедный желудок) восстал против низкокачественной и отвратительной водки, угрожая «вывести на чистую воду» жидкость, которая уже стала мне врагом.

Я еле сдерживал себя, чтобы не поругать их вместо благодарности последними словами. В то же время понимал, что они не виноваты в том, что хотят по своему угостить меня, оказав мне честь. В любом случае, надо было бежать от этого гостеприимства, но как?

— Спасибо, дорогие мои, но я должен идти, — спокойно и вежливо, насколько это возможно в моём положении, сказал я.

— Вай, что Вы, товарищ Гамбарян, — обиженным тоном сказал мне Джаник, — мы только начали тосты, а вы уже собираетесь уходить. Возьмите рюмки, ребята, давайте выпьем за наших родителей.

Ну, попробуй не выпить этот не менее святой тост. Завтра всё село узнает, как я люблю и уважаю своих родителей. Этой мыслью я пытался заставить себя и эту рюмочку отправить к предыдущим, чувствуя заранее все плохие последствия.

«Одна рюмка хороша, две — достаточно, третья — беда». Это наставление, вероятно, сказано для меня и на данный момент, с той лишь разницей, что и первая, и вторая рюмки похожи на третью — беда, беда!..

Только водка, выпитая за родителей достигла желудка, как революция, наконец, достигла своей кульминации. Я едва успел

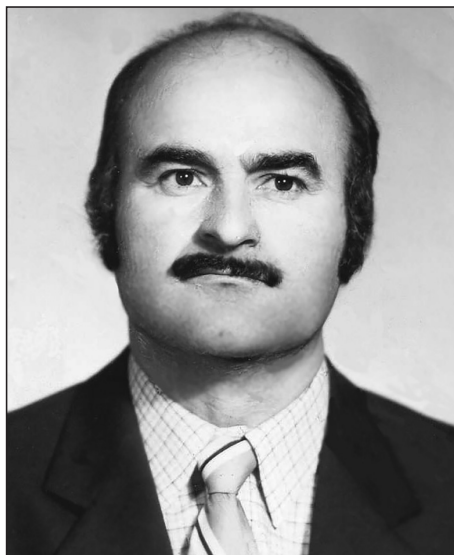
вылететь из Зеленого домика и дать свободу вулкану, который извергался в полную силу.

– Вам плохо, товарищ Гамбарян?

Спрашивал отец Гарика, который вышел за мной, наверное, беспокоясь. Я воспалёнными глазами посмотрел на него и ничего не ответил. И без моего ответа отец Гарика все понял и не задал больше никаких вопросов. Несколько секунд он смотрел на меня взглядом, умоляющим простить его: это же он пригласил меня в Зеленый домик. Затем опустил глаза, повернулся и зашел в домик. А я медленно отправился домой, забыв, зачем я пришел в магазин...

После этого случая, когда мне надо было пойти в магазин, я шёл окольными путями, чтобы держаться подальше от Зеленого домика и его посетителей. Я почти был уверен, что если еще раз повторится такое приглашение, я забуду все правила вежливости и...

ВАГАРШАК МАЗЛУМЯН

Вагаршак Седракович Мазлумян родился 21 ноября 1937 года в деревне Шейх-Мамай Старо-Крымского района, Крым.

С 1941 по 1944 год находился в оккупации.

В 1944 году вместе с семьёй был выслан на Урал. Там окончил 10 классов.

С 1957 по 1960 год служил в Советской армии.

В 1963 году окончил мотоциклетный техникум в г. Ирбите, Свердловская область.

С 1963 по 1970 год работал инженером-технологом на вагоностроительном заводе в Днепродзержинске.

В 1970 году окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт.

С 1970 по 1977 год работал на стройках Днепропетровщины, где прошёл путь от мастера до главного инженера строительного управления.

С 1977 по 1993 год работал на стройках Армении на руководящих должностях. Строил 16-й квартал в Ереване.

С 1993 года и по настоящее время живёт в Крыму, посёлке Ай-каван.

Участвовал в строительстве Айкавана с 1993 по 1999 год.

С 1999 по 2004 год работал заместителем директора по финансово-экономической деятельности Симферопольского ремонтно-механического завода.

С 2006 по 2010 год был депутатом местного совета.

Вагаршак Мазлумян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

ЦАРЬ ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

*Продолжение. Начало в №№ 5, 6 альманаха
«Родина в сердце».*

Спарапет Варужан был дисциплинированным и исполнительным военачальником, и наказ царя был для него приказом к немедленному исполнению. В считанные дни, после встречи с царём, он в своём военном ведомстве провёл расширенное совещание военачальников всех родов войск, начальников служб тыла по вопросу подготовки армии к началу весенней компании.

— Уважаемые мужи и доблестные военачальники страны армянской, — начал с пафосом спарапет, окидывая взором большую аудиторию собравшихся в зале. — Почти вы все были недавно на коронации нашего государя и слышали его речь о том, что Парфия и Великий Рим простирают свои грязные руки на Армению, стремясь нас поработить. И чтобы этого не случилось, и враги не застали нас врасплох, мы должны иметь сильную и хорошо вооружённую армию для отражения неприятеля. Поэтому все службы моего ведомства должны мне доложить, как спарапету армянской армии, о положении дел в своих частях и подразделениях. Пусть первым начнёт командующий тяжёлой кавалерии князь Воскан.

Из-за большого стола поднялся старый конник князь Воскан. Это был грузный мужчина, уже немалого возраста, успевший повидать много на своём веку, поучаствовать во многих сражениях, но такой большой сбор он видел впервые и понял, что спокойной жизни больше не предвидится и неспроста собрал их сегодня спарапет.

— Начну с того, — после минутного замешательства спокойным, размеренным голосом сказал князь Воскан, — что у меня в тяжёлой кавалерии по списку числится пятьдесят тысяч всадников. Они все имеются в наличии. Кавалерия полностью укомплектована конями, и про запас имеется ещё две тысячи лошадей. Почти все кони подкованы. Остальных подкуем в ближайшие дни. Что касается оружия и снаряжения, то до полной

комплектации не хватает мечей — триста штук, пик — семьсот двадцать штук и девятьсот защитных панцирей. Тяжёлая кавалерия, как всегда, выполнит поставленную перед ней задачу.

— Князь Завен, доложи о состоянии дел в лёгкой кавалерии, — приказал спарапет, глядя на молодого конника, который не расставался с оружием и доспехами даже в повседневной жизни, готовый в любую минуту ринуться в бой. Должность эту Завен получил полгода назад, но за такой небольшой промежуток времени он проделал много дел: провёл учебные бои с мнимым противником, знал в лицо не только командиров полков, но и многих сотников.

— Я тоже начну с того, с чего начал наш многоуважаемый князь Воскан, — встряхнув чёрными кудрями волос, выпрямившись во весь рост, начал Завен. — Всадников у меня в лёгкой кавалерии двадцать пять тысяч человек, они почти все вооружены, все имеют лошадей, но дополнительно ещё необходимо: дротиков тридцать тысяч штук, копий десять тысяч, луков пятьсот шестьдесят штук.

Совещание длилось уже несколько часов и без перерывов. Все прониклись важностью этого совещания, и никто не роптал, ссылаясь на усталость. Каждый из командиров хитрил — требовал оружия и снаряжения больше, чем было необходимо на самом деле. Лишь командующий пехотой князь Вардан заявил, что его пехотинцы полностью оснащены оружием и снаряжением. Командующий осадными орудиями князь Ованес просил увеличить вдвое тягловую силу, так как предстояло доставлять технику к месту назначения по тяжёлым горным дорогам, а местами — и по бездорожью, а также значительно увеличить боекомплекты с напалмом. И ещё князь Ованес просил на пяти таранах установить дополнительно бронелисты для защиты обслуживающего персонала от стрел неприятеля. Немало времени было уделено на выступления начальников тыла, которые, как все, сетовали на нехватку материалов, провианта, фуража и ещё обмундирования для экипировки новобранцев.

Закрывая совещание, изрядно уставший, но не подающий вида спарапет сказал:

— На всё вам отпущено полгода...

Наступило время для осуществления грандиозных планов по созданию великой армянской империи. Царь с нетерпением ждал весну 5414 года, которая наполнила Араратскую долину ароматом цветущих абрикосовых садов.

Ночь перед выступлением в первый поход Тигран пребывал в возбуждённом и нервозном состоянии, хотя он знал, что поход на Цопк является не очень сложным, не предвидя никаких неприятностей и неожиданностей, но в глубине души он всё же волновался, вспоминая своё неудачное сражение с Парфией много лет назад. Царь понимал, что от его первого успеха зависит и все последующие походы.

Ожидаемое утро наступило, отодвинув все тревоги и сомнения на задний план.

Тигран облачился в доспехи, которые не надевал почти долгих одиннадцать лет. При выходе из дворца слуги тотчас подвели коня, держа под узды с двух сторон. Нервное состояние хозяина, видимо, передавалось коню. Животное перебирало ногами и при этом косилось на слуг, как бы укоряя их в столь раннем подъёме. Конь бил копытами влажную землю, обильно политую ночными дождями, суля, по поверью, удачу. Царь самостоятельно лихо вскочил на позолоченное седло, властной рукой натянул поводья, инкрустированные разноцветьем камней и пришитых позолоченными нитями. Конь почувствовал на себе властного наездника, резко поднялся на дыбы, но получив одновременно удары шпорами в бока, лихо рванул в галоп, подчиняясь воле хозяина. Вдгонку за Тиграном поскакала вслед личная охрана. Несмотря на раннее утро, центральная площадь столицы была забита войсками и народом. При виде царя, скакавшего на белом коне, облачённого в боевые доспехи с развивающимся сзади лиловым плащом, десятки тысяч воинов и горожан одновременно грянули:

Да здравствует царь Тигран!.. Слава царю!..

— Под несмолкающие крики приветствий спарапет Варужан на вороном коне подскочил навстречу царю с рапортом о готовности армии к походу. После этого царь со спарапетом, под не-

умолкающий шум приветствий, объехали построенные полки. Властным жестом руки царь призвал народ к спокойствию. Наступила тишина. Даже бродячие собаки притихли, не смея нарушить тишину.

— Мои доблестные воины и народ земли армянской! — начал торжественно царь, окидывая взором собравшихся, и вновь с вдохновением продолжил. — Настал час, исторический час объединения всех земель армянских. Сегодня я вас поведу на Вандею, столицу Цопка, которая должна быть вместе со своей матерью Арменией!

Последние слова Тиграна вновь потонули в гуле голосов воинов и народа.

— Да здравствует наш царь Тигран!.. Даём Рандею!..

Взмахом руки Варужан дал команду войску выступить в поход. Первыми двинулись конники тяжёлой кавалерии, ведомые своим военачальником. Под ударами тысяч копыт земля задрожала и загудела. Конники растянулись длинной цепочкой через весь город, голова колонны уже вышла через центральные ворота, а хвост был ещё на площади. Народ провожал войско на святое дело, бросал под ноги воинов цветы, ветки цветущих деревьев, и всё это шествие сопровождалось повсеместным ликованием. Народ ликовал, радуясь своему могуществу, гордясь своей страной и многочисленной армией. На проводах войска были вместе два старых друга — кузнец Ваган и гончар Ваго, которые со всеми ликовали, глядя на столь грандиозное зрелище.

— Большой военный заказ был у нас кузнецов, — начал рассказывать своему приятелю Ваган, — несколько месяцев, все дни и ночи напролёт, работали, гору оружия изготовили, сколько наконечников для стрел — не счесть, а дротиков, копий, мечей!..

— И у нас, гончаров, работы хватило! Изготовили сотни больших короедов для зерна, вина. Тысячи горшков разных ёмкостей вылепили для катапульта и баллист. Так что и мы, гончары, много потрудились, чтобы войско было обеспечено всем необходимым, — рассказывал гончар и, подытоживая, молвил: — Чувствую, что впредь без работы не останемся. У нашего царя — далеко идущие планы...

Через небольшой интервал двинулись конники лёгкой кавалерии, сверкая доспехами и шлемами в лучах солнца, которое, уже ближе к полудню, нещадно палило. Вдруг неожиданно с гор подул прохладный освежающий ветерок, и лица людей осветились улыбками. Конники скакали с закинутыми луками через правое плечо, держа в руках дротики. Их шествие длилось ещё дольше, чем шествие тяжёлой кавалерии. Затем пошли копьеносцы с длинными копьями в руках. Проскакали десятки боевых колесниц, подняв облако пыли с обсохшей к тому времени дороги. Замыкали шествие стенобитные орудия, катапульты и баллисты, которых неуклюже волочили десятки впряженных волов, медленно и угрюмо тащивших свои ноши под стены Рандеи. После ухода войска народ ещё долго не расходился с площади, предаваясь веселью. Канатоходцы мигом натянули верёвку и под игры музыкантов стали с шестом в руках ходить по верёвке с одного конца до другого. Всё это они демонстрировали на приличной высоте, срывая при этом аплодисменты за каждый сложный и удачно выполненный трюк. Особенно зрителям понравился долговязый, худой Сако, который выделял такие трюки, что многие от восторга ахали, особенно когда он исполнял свой коронный номер — шпагат на канате. Все затихали, затаив дыхание, чтобы ненароком не помешать, а после удавшегося исполнения взрывались продолжительными аплодисментами...

А войско всё шло далее на северо-запад, строго держа курс на Рандею, до которой напрямик было около шестидесяти фарсах*. Это расстояние, по плану спарапета, армия должна была пройти за три недели, чтобы не оторваться от обозов, нагруженных военным снаряжением, фуражом для коней, провиантом для воинов. За обозами, растянувшись на многие расстояния, воины-пастухи гнали стадо овец, коз, для пропитания огромной армии.

Войско двигалась уже много часов, и всё время воинов провожали горы-исполины, словно взявшись за руки братья: старший — седоволосый Масис, а младший — черноволосый Сис.

* Фарсах — персидская мера длины: 1 парсах = 5549 метров.

Спарапет Варужан всё время скакал рядом с царём, готовый в любую минуту выполнить его приказ.

От многочасового сидения в седле Тигран изрядно устал и, чтобы разомкнуть кости и отдохнуть, он пересел в паланкин, который несли восемь дюжих рабов, поочерёдно сменяясь через каждый час.

Было жарко. Полудённое солнце жгло пыльную дорогу. Вершины холмов и линия горизонта дрожали, струились в воздухе. Высоко в небе парили орлы...

— Государь, может, сделаем привал? — в очередной раз, поравнявшись с паланкином царя, спросил спарапет, покрытый с ног до головы серой пылью.

— Ещё рано, — ответил Тигран, открывая занавеску, глядя на горы. — Сделаем привал, когда скроется с глаз Сис. Пусть привыкают, дальше будет ещё тяжелее...

Наконец за горизонтом скрылся Сис. Спарапет дал команду по колонне на долгожданный привал. Войско остановилась. Устали все: и люди, и животные, еле переводя дыхание. Слуги мгновенно установили красный царский шатёр с откидным входом, на котором был нарисован лев, раздирающий коосулю...

Вокруг царского шатра, на почтительном расстоянии, разместились палатки военачальников, а далее — палатки тысячников со своими воинами. В считанные минуты на пустыре вырос целый палаточный город. Кругом зажглись тысячи костров, на которых воины стали готовить ужин. Пока линейные войска отдыхали, вспомогательные службы с

Многочисленным обслуживающим персоналом приступили к ночной работе: одни занялись лошадьми, другие ремонтировали транспортные средства, третьи ковали коней ремонтировали упряжь...

Накинув плащ на плечи, царь вышел из шатра. Часовые, стоявшие у входа, дали наклонами пик ему честь. На горизонте расплывчато и надменно выползло солнце. Розовые потёмки зари здесь на поле пахли мёдом. Кое-где ещё догорали костры, всюду пахло дымом и палёным мясом. Палаточный город удивил Тиграна своим размахом. Затем царь, прищурившись, гля-

нул на солнце, которое вскоре опять начнёт нещадно печь. Поёживаясь от прохлады, Тигран проворно юркнул в шатёр. Вскоре звуки рожков подняли войско. Кончилась ночь, начинался новый день.

Перед новым походом войско плотно позавтракало, свернуло палатки и шатры, по прохладе двинулось вперёд. Через несколько часов пути прохлада сменилось зноем. Природа зыбко струилась вверх и, может быть, уплыла бы, если б не держалась крепко на корневых своих якорях. Измученные долгим переходом и зноем, на исходе двадцати дней войска вышли к границе Цопка. До Рандеи оставалось около четырёх фарсахов. Спарапет объявил длительный привал, чтобы хорошенько отдохнуть и на другой день, ближе к полудню, оказаться под стенами столицы Цопка.

Глубокой ночью в шатёр спарапета прибыли лазутчики, накануне побывавшие в Рандее под видом купцов. Варужан их с нетерпением ожидал, волновался, даже несколько раз выходил за порог шатра, глядя на дорогу, ведущую в Рандею. Как только лазутчики появились (их было трое, каждый дублировал один другого в случае задержания), Варужан глянул на них и с нетерпением спросил:

— Ну?

Каждый из лазутчиков, по очереди, доложил, что видел, что слышал и что делается в городе по случаю приближения армянского войска. Жители Рандеи с первого дня знали о выходе войска из Арташата. Многие это известие приняли с большим воодушевлением — наконец они будут жить вместе со своим кровным армянским народом. Только небольшая часть народа Цопка не желала воссоединиться с Великой Арменией, видя в этом для себя большую угрозу, так как до них дошли слухи о завоевательной политике Тиграна. Но, тем не менее, лазутчики заметили большое скопление войск в городе, которые спешно занимали боевые позиции на башнях и стенах города. Спарапет отпустил лазутчиков, чтобы при них не показывать свою озабоченность по поводу увеличения гарнизона в городе. Он нервно шагал из угла в угол шатра и всё не мог понять, что значит большое скопление

войск. Может, в дело вмешалась Селевкидская Сирия, под влиянием которой находится Цопк. Вопросов появилось много, и их необходимо решать очень быстро, а не откладывать в долгий ящик, но, тем не менее, надо немедленно доложить царю.

В такое позднее время Тигран тоже не спал, находясь в полном боевом снаряжении. Царь давно с нетерпением ждал спарапета, он был очень обеспокоен, ведь это первый в его царской деятельности боевой поход. Было всё поставлено на кон, от успеха которого зависело будущее Армении Великой и судьба самого Тиграна.

Как с нетерпением ждал спарапет лазутчиков, так и царь ждал спарапета, который вошёл в царский шатёр с тревожным видом, что не ускользнуло от него. По внешнему виду Варужана Тигран понял, что случилось что-то непредвиденное в деле договора и что-либо менять уже поздно. Его опасения подтвердил спарапет, который рассказал о сообщении лазутчиков. Царь внимательно выслушал его, потом твёрдо заявил:

— У нас назад дороги нет! Действуем по разработанному плану, а там посмотрим...

Перед самым рассветом сигнальщики подняли войско в поход. Впереди колонны скакали дозорные, чтобы в любой момент предупредить об опасности. До самой столицы Цопка войско дошло благополучно, не встретив на пути передвижения ни одного воина, а лишь встречались крестьяне, работавшие на своих полях, которые, на время бросив свои работы, с радостными возгласами выбегали к армянскому войску, приветливо махая руками и приветствуя их на родном армянском языке. Видя такое радушие на лицах людей, Тигран успокоился, а вместе с ним исчезла тревога за исход похода. К полудню войско Армении Великой появилось под стенами Рандеи и торжественным маршем, с развивающимися знаменами, прошло на виду горожан, тем самым демонстрируя свою мощь и расположившись лагерем на большом поле перед главными воротами столицы.

Царь Цопка Ерванд через своих лазутчиков знал, что Тигран обладает огромной армией, но то, что он видел под стенами Рандеи, просто его ошеломило и не на шутку испугало. Он готов был

сразу сдать, вынести на золотом подносе ключи от всех городских ворот. Он даже не хотел показывать символическую оборону города, видя, с какой теплотой жители столицы приветствуют Тиграна. Противники воссоединения своей страны с Арменией Великой, которые до сегодняшнего дня и слышать об этом не хотели, но, потрясенные мощью Тиграна, стали наперебой уговаривать Ерванда немедленно открыть ворота столицы, признавая тем самым факт воссоединения с Арменией Великой.

— Может, дадим бой Тиграну?.. Покажем, что и мы не лыком шиты, можем показать свои острые когти, — несмело вопрошал тревожным голосом царь Цопка, ища поддержки у своих военачальников.

Все находившиеся в цитадели рядом с Ервандом военачальники, правители гаваров, перебивая друг друга, разом вскричали:

— Спаси нас, солнце!.. Не давай оплошности, государь! Тигран от нашей Рандеи не оставит камня на камне, всех перебьёт, а нас вздёрнет на высоких деревьях. Погляди на его огромное войско... Да зачем нам, армянам, воевать с армянами? Лучше будем вместе... Давайте лучше побыстрее откроем ворота, чтобы не испытывать его терпение, и пойдём на поклон Тиграну, признавая его нашим царём. Может, он смилостивится над нами и оставит нам наши богатства, а мы за это будем ему верой и правдой служить.

Услышав эти слова от своих приближенных, у царя Цопка спазмы сдавили горло, и подавленным голосом он произнёс:

— Пусть будет так, как вы хотите...

А тем временем Тигран стоял около своего шатра в окружении свиты, ожидая ответного шага со стороны правителя Цопка. Время ожидания стало затягиваться, Тигран начал беспокоиться, ища ответы у спарапета Варужана.

Издавая глухой звук, наконец крепостные ворота стали открываться. Ликующая толпа народа хлынула в проход, не дожидаясь полного открытия, словно лава, вырвавшаяся из жерла вулкана, и с криками понеслась к лагерю Тиграна:

— Да здравствует царь Тигран! Мы с вами, братья! Навеки с вами.

Началось всеобщее братание... Ликующий Тигран приветствовал ликующий народ и войско. Растроганный до глубины души от тёплого приёма, царь сказал:

– Сбылась мечта моего славного деда Арташеса и моего отца Тиграна, Цопк соединился со своей матерью Арменией Великой! Наконец мы вместе, и нас никто не сможет сломать...

Ерванд с большой свитой, состоящей из правителей гаваров, военачальников, знатных и уважаемых в стране вельмож, предстал перед Тиграном, преклонив колени в знак покорности. Затем Ерванд на золотом блюде поднёс Тиграну ключи от крепостных ворот Рандеи и сказал:

– Прими, государь, ключи от города Рандеи. Отныне Цопк принадлежит тебе вместе с нами. Мы признаём твою власть, ты – царь Цопка!.. Ты вправе нас казнить или помиловать.

Первая военная компания завершилась удачно и без кровопролития. Это было событие поистине общенационального масштаба. Воссоединение Цопка полностью сняло подозрение и недоверие народа к своему царю. Стало ясно, что новый царь есть тем человеком, которого нация ждала давно. Воссоединение Цопка имело не только психологическое значение и укрепляло веру народа в собственные силы. Очень важным было и экономическое значение этого события: в Цопке имелись богатые залежи металлов.

Бывший царь Цопка Ерванд и его приближённые, обласканные Тиграном, получили высокие должности, новые поместья. Сам Ерванд остался наместником Цопка. Войско армянское значительно возросло за счёт войска Цопка. Часть войска была расквартирована в Рандее и в других городах Цопка для будущих походов на запад. Остальная часть вернулась в Арташат, где намечалось пышно отпраздновать победу. На званый пир было приглашено много народа. В трапезной дворца столы ломились от изобилия яств, сладостей, фруктов и вина. Десятки слуг, не чуя под собой ног, суетливо носились меж длинных столов, обслуживая гостей. Виночерпии не успевали наполнять кувшины вином. На огромной площади дворца, на гигантских вертелех

жарились целые бычьи и бараньи туши. Десятки полуобнаженных танцовщиц под музыку гусанов развлекали гостей.

Царь Тигран со своими приближенными сидел во главе гигантского стола. Превозносились многочисленные тосты в честь царя, за войско армянское, за Армению...

Справа от царя сидел спарапет Варужан, обласканный Тиграном новыми поместьями и рабами за удачный поход. Не остались в стороне без царской щедрости и другие военачальники, каждый получил свою долю согласно ранга и сословия. Слева от Тиграна сидел бывший царь Цопка Трдат, а ныне — наместник, которому за сговорчивость были оставлены все его богатство и поместья. Руководил пиром князь Ишхан. Несмотря на свой почтенный возраст, он всё время был на ногах и ни минуту не приседал, отдавая приказы поварам, официантам, слугам, танцовщицам и музыкантам. Вновь направляясь в трапезную, Ишхан приказал слугам:

— Как стемнеет, зажгите все светильники дворца в честь победы. Зажгите и во дворе, и по всему периметру верхнего яруса цитадели.

Едва стемнело, как во всех залах и коридорах дворца зажглись многочисленные светильники с маслами, стоящие в нишах и углах помещений. Яркие огни зажглись и в просторном дворе, обсаженным деревьями, на лестницах дворца и между колоннами галереи. Здесь, на металлических цепях, были подвешены огромные глубокие медные чаши, в них ярким пламенем горело оливковое масло. По всему верхнему ярусу цитадели горели огни ещё более яркие, из города они казались огненным ожерельем бус, опоясавших цитадель. Взглянув из дома, с высоты птичьего полёта, можно было подумать, что над городом повис огненный венок. Зрелище было впечатляющим, гости выходили на улицу подивиться чуду и подышать воздухом. На пиру были и наши старые знакомые как уважаемые люди города — знаменитый мастер кузнечных дел Ваган со своим, не менее знаменитым и уважаемым горожанином, мастером гончарных дел Ваго. Друзья приняли изрядные дозы вина, тоже вместе со многими гостями находились на свежем воздухе, любясь огненному зрелищу.

— Какое великолепное зрелище, Ваго!.. Эх, какая красота! — восхищенно произнёс Ваган, показывая руками в сторону огненного дива.

— Да-а! — соглашаясь, произнёс Ваго, растягивая рот в улыбке. — Умеют жить цари! Этого у них не отберёшь!

— Мы тоже с тобой живём неплохо, — подтвердил Ваган. — В городе — на хорошем счету, армию снабжаем оружием, доспехами, орудиями, горшками с напалмом. Сыновья наши служат в личной гвардии спарапета. Вон твой Вазген — уже командир полка! Глядишь, скоро военачальником станет!..

— Оно конечно так, всё хорошо, — молвил Ваго и наклонившись к самому уху друга, — тихо продолжил. — Только меня беспокоит, что наш царь зрится на чужие страны. Ведь мы, армяне — не завоеватели, мы только защищаемся от врагов.

— Защищаться, конечно, надо, — согласился Ваган, — но иногда надо опережать события и первым самому нападать, а не ждать, когда на тебя нападут. Вон персы, сколько веков хозяйничали на нашей земле, пока их не разгромил Искандер Румадийский. Благодаря его победе Армения стала независимой, — и после небольшого раздумья, как бы подытоживая, бросил в пространство: — Мир так устроен: или ты, или тебя уничтожат...

Воссоединение Цопка с Арменией Великой обеспокоило Селевкидскую Сирию, под влиянием которой находился Цопк. Но Парфия и Понт отнеслись к этому спокойно. Обeim было выгодно, чтобы позиции Селевкидской Сирии были подорваны. К тому же ухудшение отношений между Селевкидской Сирией и Арменией давали шанс как Прафии, так и Понту усилить свои позиции в одном или другом государстве путём заключения соответствующих договоров.

Продолжение следует.

ВАГЕ ЧИНАРИ

Ваге Чинари (Владимир Овакимян) родился в 1957 году в селе Чинари Таушского района Армянской ССР. Среднее образование получил в родном селе. В 1964 году переехал в Ереван, где был разнорабочим. По окончании юридического факультета Ереванского государственного университета работал юристом на Ереванском заводе металлических конструкций и в управлении снабжения министерства связи Армянской ССР (1986–1993).

В 1997 году Владимир Овакимян переехал в Крым. Ныне занимается частным предпринимательством.

Первое стихотворение написал в шестнадцать лет под впечатлением поэзии замечательного армянского поэта Мисака Мецаренца.

Пишет стихи на армянском языке.

* * *

Քեզանից, սեր իմ, թախիծ է բուրում,
Այդպես է սիրո լույսը մարմնում.
Ի վերջո, ի նչ է ինձ բաժին մնում:

Արդեն չեմ ուզում ես քեզ բարևել,
Իսկ այնքա՛ն, այնքա՛ն շատ եմ երագել՝
Քեզ ժպիտներ ու արև պարզել...

Քեզանից, սեր իմ, թախիծ է բուրում,
Քեզ լքում, սակայն չեմ էլ կարոտում.
Ես թախծի համն եմ շուրթերիս զգում:

* * *

Ո՞ւր ես՝ մանուշակի կապույտ թախիծ,
Եվ դու՝ ակացենու սպիտակ քնքշանք.
Ես լավ եմ հիշում՝ դեռ անցած տարվանից –
Մանուշակ էր փոված այս ակացենու տակ:

Ակացենու բույլ-բույլ սպիտակ զամբյուղից
Ձյուն էր փաթիլվում մանուշակի ոտքի տակ,
Հարսիկ-մանուշակն էր ժպտում հրճվանքից
Ու դառնում էր կապույտ-սպիտակ քնքշանք:

Ակացենին քնքշանքն իր՝ հատիկ-հատիկ
Ցայում, փռում էր մանուշակի ոտքի տակ,
Հարսիկ-մանուշակն էր ժպտում զարմանքից,
Չէր հավատում՝ կարճ է կյանքը՝ լուսե հեքիաթ:

* * *

Կյա՞նքն է պոեզիա,
Թե՞ պոեզիան է կյանք.
Թե՛ մեկը, թե՛ մյուսը
Ոմանց համար գուցե
Պատրանք են, զառանցանք:

Իսկ ես կուզենայի, որ
Կյանքը պոեզիա լիներ...

Կյանքը պոեզիա լիներ...
Բայց երբ Երազանքը լուսե
Իր քույր ցանկության հետ միասին
Մնում է հավերժ Որբ,
Ինձ համար կյանքն արդեն
Դառնում է տվայտանք...
Եվ միայն դրանից հետո է, որ
Պոեզիան (Զավակը Կարոտի, Ամպերի)
Աստղերի նման բյուրեղ
Շողշողում է որպես կյանք...

ՅԱՍԱՄԱՆԻՆ

Ձմռան մութ դաշտերում
Մրրիկն է խուլ սուլում
Ու անվերջ հառաչում...

Ես չեի ցանկանա
Մենությունս վհատ
Կիսել ուրիշի հետ:

Թվում է՝ հեռու է,
Գարունն այս հեռու է՝
Յոթ սարի հետևում:

Զգիտեմ՝ որտեղից
Կարոտ մի վայրենի
Զարթնում է իմ սրտում:

Ոսկեպուտ մի եղնիկ
Ոստնում է գեղանի

Իմ հոգու բացատում:
Ինչո՞ւ եմ ես հիշում,
Հիշում ու կարոտում
Նրան՝ յասամանին...

Այո՛ , յասամանին,
Հրա՛ շք յասամանին,
Ցնո՛ րք յասամանին:

Եվ կարոտն իմ որբուկ,
Հանց զվարթ մի խենթուկ,
Ժպտում է լուռ, անձայն:

Մշուշվում է հանկարծ
Խենթ կարոտն իմ անսանձ,
Երբ հիշում է նա ձեզ՝

Նկարիչ-կերտողներ:
Հարազատ եք դուք ինձ,
Նաև՝ ծիծաղելի,

Երբ ձեր կտավներին
Ծեփում եք ծաղիկներ՝
Քնքուշ յասամաններ:

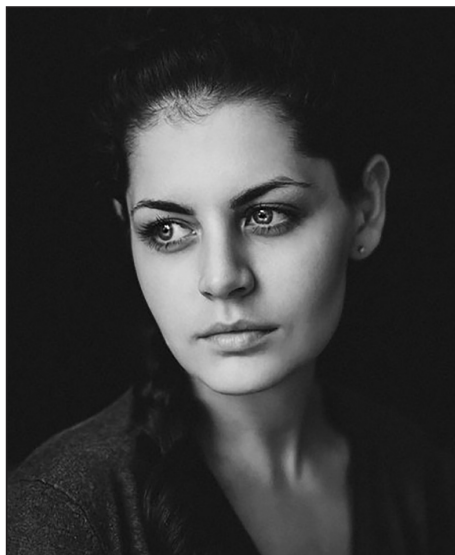
Ծաղկա՛ ծ եղրևանի,
Բույր՝ իմ յասամանի,
Օ՛ , պահ երանելի:

Յասաման իմ փերի,
Ուզում եմ այժմ ես
Խոստովանել լոկ քեզ.

– Չմռան այս մշուշում,
Երբ մրրիկ է դրսում,
Ու քամին է սուլում՝
Ես քեզ եմ կարոտո՛ւմ...

Իսկ իմ այդ կարոտից,
Զվարթ իմ կարոտից
Միրտս է արյունում...

ТАТЕВИК АЗАРЯН

Родилась в городе Душанбе (Таджикистан) в 1987 году.

В 1991 году, в связи с военными событиями в Республике Таджикистан, переехала с семьёй в Крым, в Симферополь.

В 2005 году окончила среднюю школу и была зачислена на Крымский факультет Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого. В 2009 году получила диплом об окончании высшего учебного заведения.

Воспитывает двух сыновей. Ведёт активную творческую, социально-общественную и благотворительную деятельность.

Основатель Союза творческих армян Крыма «Цирани Кориз».

* * *

Сколько было растеряно — не сыскать.
Сколько было не сказано — не вспомнить.
Взять да повернуть время вспять,
Да не воротишь его, не догонишь.
Сколько было пролито слёз — не счесть,
Сколько мыслей рассеяно — не собрать.
Но зато я — здесь. Я — есть.
Никогда не поздно заново все начать.

* * *

Я не могу сказать, что я горда...
Однако и не так наивна.
Я не могу признаться, что жила без тех ошибок,
Что к свершению не прихотливы.
Я не могу сказать, что я так часто плачу,
А если улыбаюсь — только от души.
И все наперекор переиначив,
Могу я натворить и согрешить.

Я не могу, чтоб не рубить всю правду-матку.
И вот без нежностей я тоже не могу.
Наверное, вот о таких, как я, слагал Петрарка,
А, может, он к строке и рифме здесь прильнул.
Я не скажу, что горячо любила,
Но сердце неумно все ж стучит.
Я так надеюсь, что Всевышнего не обозлила
Непокаянными грехами...
Не без них.

И коль пишу все это так, на обозренье,
На суд иль на потеху — выбирай.
Я не могу сказать, что вдохновеньё
Приходит, словно первый снег,
По расписанию, в декабрь.
И коль решишь, читатель,

Что с этим текстом делать,
Мне интересно, высмеешь меня,
А, может, прочитав, и без презренья
Ты скажешь: «Браво, получилось!»,
Честность не тая.

Не обессудь, но мне писать нескучно.
И чтоб сюжет свой не растратить зря,
Поведаю тебе, что я могу все же.
Попробую без лишнего занудства,
Чтобы совсем не утомить тебя.

Так что ж могу?
На самом деле ведь немного,
Могу лишь женщиной побыть – какая простота!
Которая всего, отнюдь, но здесь раба от Бога,
Раба строки, детей, всей жизни в целом –
Суть вот такова.

А если кто-то посчитает, что не так все это,
Что рабство – это выдуманный фантик, иллюзорный мир,
Тот и в моих глазах найдет укор и каплю смеха,
Хотя, я не могу так зарекаться напрямик.

От «не могу» до действия извечный спор, увы...

ОСЕНЬ

Я растворяюсь в осени
Почти что без остатка,
Кружу по воздуху,
Как лист, опавший на ветру.
Мне в эту пору
Все безмерно сладко.
И даже слёзы,
Что дождём пролью.

Оставляю след, как поутру оставит иней,
Приблизив леденящее дыхание зимы,
Я растворяюсь в зачарованной поре
И моё имя
Отныне ей синонимом звучит.

Туман – молочная пелена,
Накроешь сырой негой город.
Возможно, существую я одна,
Кому, туман, ты мил и дорог.
В твоей полупрозрачной простыне,
Что стелется между домами ранним утром,
Найдут приют и мои рифмы – блудны:
Они теряются в толпе сует,
Они не любят, когда слишком многолюдно.
Туман – хранитель многих тайн,
Ты спрячешь в плащанице своей бледной
Все мысли сокровенней сокровенных
И в плен возьмешь мою печаль,
Растая вместе с нею на рассвете
В бликах солнца медных.

Осень надела вуаль –
Туманную пелену.
Уж на пороге ноябрь –
Смоет дождём желтизну.
Осень смахнет птиц
Ветром с голых ветвей.
Осень – пора грустных лиц,
Кофе, зажженных свечей.
В осени есть момент,
Когда хочется просто любить,
Просто давать взамен тепло,
Что уходит прытью.
В осени есть печаль,

Которую нужно прожить.
Томно мечтать о своем,
Задумчиво в парке бродить.
В воздухе веет тоской.
Доброй. Густой. Грибной —
Осень — она невзначай
Напомнит нам о былом.
А под ногами листва —
Умытая дождем.
Так умывалась душа
В ливнях, что за окном.

Мелькнув в окне опавшею листвою,
Ты зашуршишь же ею у порога.
Я так ждала печальный образ твой,
Таинственная осень — недотрога.
Твой упоительный и сладкий аромат
Заполонит все в парковой тиши,
Он будет как медовая услада,
Словно бальзам целебный для души.

И теплотой грибною одурманишь,
Дождями смоешь августовский зной,
Который с криком улетающего клина
Найдёт пристанище в краю другом.

А ты, оставшись посреди столичных улиц,
В них привнесешь особенное волшебство —
Когда средь городских сует прольется запах леса.
Другому времени в году такого не дано.

ДРУЖБА

*«Если друг твой в словесном споре
Мог обиду тебе нанести,
Это горько, но это не горе,
Ты потом ему все же прости».*

Э. Асадов.

И сколько раз была я не права.
Дана мне чрезмерная эмоциональность.
Ты, несмотря на это, замолкала
И закрывала на мои все восклицания глаза.

И сколько раз мне приходилось падать.
И столько же ты помогала мне вставать.
И сколько слез на твой рукав упало,
Уже и невозможно сосчитать.

А жизнь идет. И то, что было раньше,
Сегодня нам покажется ничем.
Я никогда не знала от тебя обманной фальши
И отплатить старалась всем взамен.

Пусть говорят, что дружбы женщин не бывает,
Так говорит, кто дружбы той лишен.
Секрет такой вот дружбы – когда двое знают,
Что могут претерпеть огрех сторон.

Моя чрезмерная эмоциональность,
Твоя чрезмерная и молчаливая броня.
Пусть скажут мне: из крайности в крайность.
Но выдержка той крайности – немалые года.

О МОРЕ

Седой Азов расскажет мне секреты
Те, о которых знает только он.
Поведает мне тихо, что куплеты
Могут слагаться в шум волны.
Ей в унисон.
Седой Азов на страже. Он не дремлет,
Омоет снова старый Казантип.
Какие он хранит заветы и приветы?
Седой Азов лишь ведает тот миф.

— О чем молчишь, о море? Расскажи мне!
Какие мысли все твои глубины посещают?
И что таит прибрежный шепот волн седых?
Что с думами немymi наперегонки играет.

Рассекая волны, мчится ветер.
— Эй, постой, возьми меня с собой!
Ты целуешь волны,
Ты поёшь им песни,
Я на берегу ловлю лишь образ твой.

Ветер, ветер!
Ты уносишь время
Так неумолимо, без обид.
Солены те брызги, что теряешь в спешке,
Унося с собою мой цветущий миг.

ЛЮБОВЬ

Обаяю — как песню спою.
Заколдую — как дурманом опьяню.
Буду гладить волосы,
Нежно касаться губами лица.
Узнаешь в моем голосе
Самого звонкого соловья.

В шёлка укутаю без шёлка —
Я шёлк.
Вином напою без вина —
Я вино.
За окном рассвет — я с тобой вовек.
Не видать со мной горя,
Не знать тебе бед.

Коль уж зацепит лихо —
Отведу.
Коль уж заманит вихрем печаль —
Сказку расскажу.
Коль не обойдет стороной злая война —
Не отдам, прогоню.
Знаю, что для тебя одна
Отплачу за это сполна.

Будешь мною любим.
Будешь, как за прочную стеной.
И не беда, что та стена из хрупкого,
Нежного хрусталя.
Береги, как зеницу ока,
Будет крепче стали тверда.

Коль буду знать,
Что песня спета моя не зря.
Не видать тебе тревоги,
Не знать смутного дня.

За окном рассвет —
Я с тобой вовек.
Не знать тебе горя,
Не знать тебе бед.

* * *

Вы говорили о моих глазах
И тихо повторяли моё имя.
Но мне не нужно было ваше «Ах!».
И стала я для вас погибелью.
Вы любовались профилем моим
И представляли, как погладить волосы.
Но мне и невдомёк было, увы,
Как слышать по утрам хотели голос мой.
И так останусь я для вас
Той тайной тайн,
Той неизведанной планетой,
А вы забудьте, вы забудьте обо мне печаль,
А вы останетесь моим секретом.

* * *

Слышь меня!
Ты меня слышишь!/?
Видь меня!
Видь, сквозь сон!
Знаю, ты снов не видишь,
Но я приду в нём.
Я наклонюсь над тобою...
Вдох твой уловлю,
Выдох поймаю рукою
И поцелуй подарю.
Буду сидеть я рядом,
Буду смотреть на тебя.
Встречу я с утром прохладу
Нового нашего дня.
Я подожду тихонько —
Откроешь с рассветом глаза,
Встану легонько, легонько,
Чтоб не спугнуть тебя.

Вечером ты мне расскажешь,
Что снился тебе дивный сон,
Как я сидела рядом...
Как уходила потом...

* * *

Я почитаю тебе книжку. Какую?
Сказку или детектив.
Ты выбери страницы, что поближе,
А я прочту их вновь и вновь,
Что пожелаешь ты?

Обычно в сказках все легко и просто,
И ждет счастливый всех финал.
Но вот лишь жизнь устроена так ловко,
Как будто в сказке нету места нам.

У детектива роль совсем иная,
Там все друг друга обвиняют и следят,
Сопоставляют, никому не доверяют
И интригуют наповал.

Совсем, как в жизни, что у многих, правда?
Конечно же, от этого легко устать.
И хочется порой совсем не так-то —
Как в волшебстве, хоть иногда, но побывать.

Что хочешь ты? Спокойную обитель?
Иль вихрь случайных роковых потерь?
Что хочешь ты? Леса, так сказочно густые?
Иль коридоры опустелые совсем?

Ты выбери себе, что по душе.
За мной не много —
Всего лишь книгу почитать.
Тропой в цветах, иль закоулком темным...
Как хочешь ты дорогу коротать?

* * *

Остановками. Перебежками.
Мы бежим и бежим жизни в след.
Не оглянутся те, кто в спешке вдруг
Пробежал в перед на забег.
Остановимся и осмотримся.
А вокруг дней былых круговерть.
И задуматься и смириться бы стоило.
Но бежать нужно быстро и успех.

* * *

Горячи ладони,
Тронуть их нельзя.
Дай на все мне волю,
Дай, начну сама.
Дай воды напиться,
Дай встречать рассвет,
Дай в толпе укрыться,
От ненастных бед.
Дай послушать море,
Дай влезть на гору,
Дай уйти мне в поле,
Дай поймать зарю.
Дай мне хоть немного,
Дай чуть-чуть себя.
Только вот смешно как —
«Дай», но «я сама».

* * *

Оглянись. Там девочка.
Хвостики смешные, кучерявые.
И ладошки мягкие и нежные
Платьице сжимают, как у Красной шапочки.
Посмотри, дитя такое милое.
И не ведает о том, что жизнь придумала.
Беды бедами. Победы за победами,
Счастья свалятся однажды с поцелуями.
Там по лестнице вверх поднимется.
Там тихонечко в тихом омуте.
Как планета наша вертится —
Так меняются детские ладони.
Жизнь пройдет, закружит вихрями.
Иль пригладит штилем ласковым.
Там дитя смотрит чистое.
Тут девица в глазах с ненастьями.
Посмотри, что же видишь ты...
Девочка выросла.
Стали хвостики — длинные волосы.
И руки ... давно уж не милые —
с маникюрами вон, по моде новой.
Платье платьице... Нет его.
И стоит с джинсою повенчана.
Оглянись. Жизнь она быстрая.
Не прожить бы её с погрешностями.
Что останется после?
Два мальчика.
С такими милыми нежными ручками.
А планета ведь крутится — знаешь же.
Бросит ручка та когда-то окурочек.
Ну а девочка...
Она уже взрослая.
И стоит. И считает морщинки.
Жизнь такая, она нет — не сложная.
Она просто сменяет картинки.

ՆՈՐ ՉԱՅՆԵՐ
НОВЫЕ ГОЛОСА

АЛИНА СТЕПАНЯН

Родилась в 1997 году в Самарканде, Узбекистан.

В 2004 году переехала в Симферополь, училась в МБОУ «Открытый космический лицей».

Начала писать стихи в двенадцать лет, участвуя в различных городских и региональных конкурсах.

Ныне – студентка юридического факультета КФУ им. В. Вернадского.

ОСЕНЬ

Осень приходит тихо, незаметно,
Гуашью разукрасив весь наш сад.
Хорошо, что есть пора на свете,
Которой я так бесконечно рад.

Отложу свои тревоги и волнения,
Оставлю дома зонт и телефон.
Ощущая только ветра дуновения,
Почувствую, что снова оживлён.

По тропе, мною давно забытой,
Поведут воспоминания о былом
Туда, где я был молод и наивен,
Туда, где был мечтою окрылён.

По местам волнительных свиданий,
По дорогам прощальных горьких фраз.
Вспоминаю... Словно не моей жизни рассказы,
Будто это в мыслях первый раз.

Все это со мной, но только прежним.
Время все размыло, замело.
И тот пожар, что полыхал надеждой,
В груди разжечь не так уж и легко.

Каждый год сюда я возвращаюсь,
На этом месте оставляя часть души.
Все увядает, но я расцветаю
С великой верой в исполнение мечты.

Идя домой в прохладный тихий вечер,
Все больше ценишь слово «жизнь».
Ничто не может длиться вечно,
Все по сезонам разрисует судьбы кисть.

Я столько лет держу это в секрете,
Что осень разжигает тот пожар.
Как хорошо, что есть пора на свете,
Которой я так бесконечно рад.

ПИСЬМО К ТЕБЕ

Мне хорошо без тебя, даже очень.
Ты шла по пятам за мной, словно тень.
Но почему-то не спится мне ночью,
Скучнее и медленней тянется день.

Всё, как всегда, солнце по-прежнему светит.
Без тебя земля не сошла с орбит.
Только теперь в черно-белом цвете
Небо и море, что сегодня сильно штормит.

Я так же брожу молчаливо по берегу,
Прищурив глаза, смотрю на огни.
Душа каждый раз разбивается вдребезги,
Когда рядом со мной твоей не нащупать руки.

Все без тебя, вроде славно, спокойно и правильно.
Гнев не зашкаливает, чувства в сердце не бьют.
Но в доме моем тишина загробная замерла,
И куда-то совсем потерялся уют.

В тебе – сотни красок, все цвета акварели.
Сложно бывает, а бежать нелегко.
Ведь все, что вместе с тобою посеял,
В душу корень пустило и, боюсь, глубоко.

Время быстро лето сменяет на осень...
Шумно и грозно стучатся в окно дожди.
Я вру, мол, хорошо без тебя, даже очень.
Но ты все равно поскорее ко мне приходи...

МАМЕ

Мой ангел, давай с тобой поговорим.
И ты, как в детстве, прижми меня покрепче.
Назад перелистав календари,
Мы вспомним все, что унеслось так быстротечно.

Ты помнишь девочку, просящую руки?
Я без тебя тогда бы шагу не ступила.
Я и сейчас прошу её в те дни,
Когда идти одной мне не хватает силы.

Помнишь, читала сказки перед сном?
Без них усталых глаз не закрывала.
Твои слова всегда пропитаны добром,
Они лучше лекарств латают мои раны.

Детство — это, несомненно, ты.
Помнишь, мам, как я к тебе бежала?
Я сохранила те наивные черты,
Хоть ростом и душой взрослее стала.

Я все та же, твоя маленькая дочь.
Пускай уже не сяду на колени.
Но моё сердце бьется с твоим точь — в — точь.
Ради тебя я все преодолею.

Мам, я — продолжение твоё.
Пускай порой глупа и так упряма,
Но за тебя всю жизнь стою горой,
И мне тебя все время будет мало.

Ты знаешь, как я тебя люблю?
Самой искренней любовью на всём свете.
Я Бога каждый день благодарю
За то, что такой ангел за меня в ответе.

Там тоска без краев, и льётся столько печали,
По земле, по родным, что далеко за бортом.
А кто-то с мечтами покидает родимую гавань,
В надежде, что на чужбине разыщет свой дом.

Только моряк видит море в его истинном свете,
На себе испытает все недовольства и гнев.
Присылают препятствия ночью грозы и ветер,
Проверяя, насколько душою он смел.

После буйного шторма наступает затишье,
И волны, в знак примирения, дарят рассвет.
Ничего с этим радостным чувством внутри не сравнится,
Чем вкус приключений на невиданный свет.

Моряк видит разные земли и океаны.
Заморские страны, что блещут особой красотой.
Но лишь на одно место якорем рвётся устало,
То место с теплом называют берег родной.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С МЕЧТЫ

Все в нашей жизни начинается с мечты...
С простых шагов и множеством падений.
Каждый из нас кузнец своей судьбы,
Творец больших побед и поражений.
Художник сам наносит на холсты
Пейзажи стран, что далеко за океаном,
И уносясь в душе подальше от толпы,
Закрыв глаза, он наслаждается закатом.
В стихотворениях поэт расскажет о любви...
О той, что его сердцу ночью снится.
Каждый день в потоке суеты,
Он ищет те глаза из сна в прохожих лицах.
Певец споёт про золотую жизнь,
О славе и немереном богатстве.

Зубами землю за это все готов он грызть,
И для него зовётся это счастьем.
Все в жизни мы идём своей тропой.
И только в наших силах строить те мосты,
Что приведут к желанному тобой.
Все в нашей жизни начинается с мечты...

ПАМЯТЬ

Насколько же противоречива память,
От неё со всех ног не убежать.
Её глубоко в душе не спрятать,
Прихода прошлого нельзя предугадать.

В ней все хранится, начиная с детства,
Мы помним детский звонкий смех,
И наши неуклюжие падения,
Что совершались на глазах у всех.

Нет теплей воспоминания близких,
Руки отца и мамины глаза.
И в жизни где бы мы не находились,
Нам снятся нашей Родины места.

Мы помним себя совсем другими,
Не знавшими слово «предательство» и «боль».
Имена тех, кем мы так сильно дорожили,
Память будет волочить с собой.

Не нам решать, о чем нам стоит помнить,
Память сама преподнесёт сюжет,
Она решит, о чем тебе напомнить,
И чей оставить в сердце силуэт.

Есть на земле особые места,
Где память оживёт сама собой,
Там даже воздух помнит наши голоса,
Там все напоминает о былом.

ТИМУР ЯН

Родился в 1979 году в Симферополе. В 2002 году окончил Национальную юридическую академию Украины им. Ярослава Мудрого. Занимается предпринимательской деятельностью.

Стихи пишет о том, во что верит. Большую часть времени проживает в Крыму, зимой переезжает в Индию. Не любит зиму, холод и равнодушие.

Считает, что жизнь человека без чувств подобна еде без вкуса. Верит в карму и считает себя гражданином планеты Земля. Уверен, что в конце все обязательно будет хорошо, а если нет, то это не конец.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Да будут ещё штормы, но и будет плавно,
И как сказал из Индии мудрец:
«В конце все непременно будет славно,
А если нет — то это не конец».

* * *

Поэт — не сочиняет! Он рисует
С пристрастием сюжеты в голове.
В тиши ночной он с мыслями танцует,
Кружа пером на письменном столе...

* * *

Историю вершат давно не люди,
А корпорации, звенящие в тени,
Активками приобретенных судеб
С одеколоном запаха войны.

* * *

Чанаха ломтик с помидора долькой
И стебелёк кинзы в армянском лаваше
Скручу я трубочкою тонкой.
И вот она, и нет её уже.

* * *

Удивить нас, по-моему, уже невозможно,
Мы не ждем райский сад на земле,
Вот за будущее чаще бывает тревожно —
Чаще думается о войне.

* * *

Минуя турбулентность разных мыслей,
Штурвал тяните на себя вы из последних сил
И верьте, что судьба вас непременно вверх возвысит,
Оставив позади лишь тех, кто не рулил.

СТИХИ

АРМЕНИЯ

Армения – волшебная страна,
Чарующая с первых же шагов,
Судьбой особой ты наделена,
Чтоб описать тебя не хватит нежных слов...

Бескрайние зеленые долины,
Заснеженные горные хребты
Цепляют облака, как исполины,
Где талою водой питаются равнины
И щедро дарят сочные плоды

Земли, воспетой с самых древних лет
И подарившей миру столько светлых душ.
Здесь был всегда свободный человек,
И лишь тебе он был слуга и муж.

Ты называешься страной церковей,
Когда-то ранее была окружена морями,
Но волны уж не хлещут по земле твоей,
Но, как и прежде, ты усыпана церквями.

Твои талантливые дети,
Где бы ни жили на планете,
Тебя как мать свою лелеют в мыслях
И, как один, купюры прикрепляют к письмам.

Когда-то процветающее государство,
Сейчас со скорбью ты напоминаешь царство.
Твои властители устроились в холмах
И словно боги друг на друга смотрят в облаках.

Дворцы за высоченными стенами
Ушиты роскошью, что кажется порой
Стена вот треснет и под их холмами
Посыплет золото сверкающей горой.

Они ведут тебя в Европу,
А я всё чаще вспоминаю золотую Антилопу,
Они молчат, а ведь давно пора кричать: «Довольно!»
Как только им смотреть на твой народ не больно.

Ты пережила много испытаний:
Блокаду, землетрясение, геноцид.
И вот теперь под этими холмами
Ты выживаешь словно инвалид.

Когда-то величавая собою
Стоишь с сухой протянутой рукою,
Ты называешь ближнего — «мой брат».
Ища спасения, Ной приплыл на твой священный Арарат.

Ты стала матерью религии христиан
И домом всех разбредшихся армян.
Но почему с такой историей святой,
Почтением к церквям твоим чудесным
Народ ведут твой будто на убой,
Оставив в одеянии телесном.

ПОЕЗДКА В АРМЕНИЮ

Посвящается моему отцу

Прошло уже чуть больше полувека,
Как я покинул отчий дом,
Я стал весьма почтенным человеком,
Живу в краю далеком, но уже родном.
Шасси соприкасаются с землей,
Аплудисменты, все спешат наружу.
Контрольный пункт проходим мы семьей.
Чуть моросит,
Асфальт в весенних лужах...

Ну вот... и Родина моя...
Пьянительный, волнующий момент,
Тот робкий миг, когда ты чувствуешь себя
как в детстве,
Мелькают кадры из потертых кинолент
С друзьями, некогда живущими по соседству.

С тобой соприкоснувшийся стопами,
Вдыхаю полной грудью воздух с облаками
И словно под дудука ветра вой
Я снова еду в дом родимый мой.

Мой Арташат, тебя когда-то римляне
сравнили с Карфагеном,
Цари твои, бежавшие из плена.
Тебя отстаивали от натисков врага
Сраженья повидавшие твои былые стены.
Ворот завоевателям не открывали никогда,
Когда-то цитадель торговли,
Ты создан был чтобы расти

Народною воспетою любовью,
Ты процветал на шелковом пути.
Здесь с видом на библейский Арарат
Стоит святой великий Хор Вирап.

Мы проезжаем те же улочки,
Дома с воротами до крыш,
И вон, как я в беспечной юности,
У арыка играетя малыш.

Давно ушли уж те, кто нам грозил рукой,
Когда шумели мы под окнами, увлекшись за игрой,

Как все же постарело здесь вокруг,
И, видимо, и я?
А может, поседел лишь цвет волос?
Узнал меня не сразу старый добрый друг,
Мы после армии возили в Липецк с ним
На рынок наш домашний абрикос.

Вот дом родной...
Когда-то мне казался он большим и мощным.
Его мы строили своей большой семьей.
Могу пройтись с закрытыми глазами в нём
от точки и до точки, —
Все тот же запах тут знакомый и родной.

Смотри, я не один приехал, а с детьми.
Ты вспомнил их? Они заметно подросли.

Скрипя ступенями, спускаюсь в мамин сад.
Здесь каждый сантиметр ею был ухожен,
И только тут рос самый вкусный виноград,
Поверьте, вкус его ни с чем не схожий.

Шелковицу под домом мы трусили в полотно,
Из винограда делали вино,
Из тут же наш папа делал водку
Совсем не для того, чтоб опрокинуть сотку,
А чтобы накормить, обуь, всех нас одеть,
На нужды дома оставлял, бывало, треть.

Осунулся мой старый добрый дом,
Уже не счесть, как много трещин в нём.
Когда-то бурно жизнью ты кипел своей,
Ведь только нас здесь было шесть детей.
Тандыр, где мама делала лаваш,
Ты помнишь детский смех веселый наш?!
Когда его мы, не боясь ожогов,
Так спешно доставали из тебя
И аккуратно складывали в стопку,
И разрывали, сладостно едя.

В подвале так же, как и ране,
Стоят два глиняных гигантских винных чана,
Пропитаны все стены кисло-сладким ароматом,
Когда-то здесь мы жили с сестрами и с младшим,
старшим братом.
Пока не выстроили над ним этаж,
Подвал был дом уютный, теплый наш.

Когда я покидал свою обитель,
Повесил на стене армейский китель.
Ну, где же он? Ответь, мой друг хранитель.

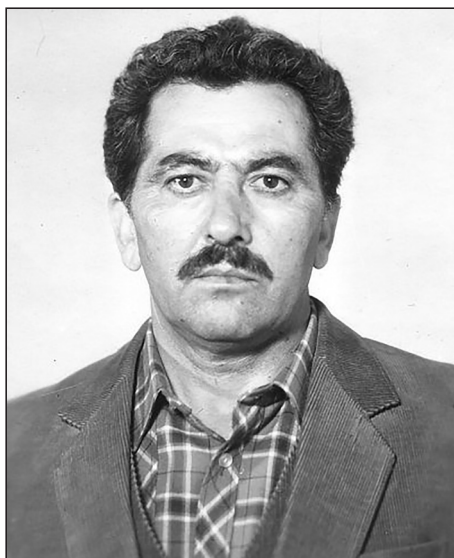
Так много помнят стены эти:
Как в радости рождались дети,
Ушёл как папа, а потом и мама...
Как всей семьей мы собирались у экрана,

Как мама пела нам свои произведения,
Дошаба аромат, с орехами варенье,
Толма, гата, кюфта и спас,
Как собирались в первый класс
И целовались в первый раз.
И как тянули после школы
Наверх тот неподъемный туф,
Ни дня не проходило без усилий,
Чтобы создать себе уют.

Как много всё же здесь воспоминаний
И первых неудач, и первых знаний
Таишь в себе ты, старый мой очаг.
И снова наступает время расставаний,
Держись, крепись, до следующих свиданий!
До встречи, наш тенистый мамин сад...

Я покидаю славный Арташат,
И словно дед с седой ухмылкой
Меня, как будто взглядом, провожает Арарат,
С вершины радуясь моей побывкой.

И я ему в ответ в душе кричу:
— Я обязательно еще раз прилечу!
В краю, каком не жил бы на земле,
Какими не владел бы языками,
Я буду вечно помнить о тебе
И в дом, как в юность, возвращаться временами.

РАФАЭЛ МАРТИРОСЯН
(1940–2016)

Рафаэл Мартиросян родился в 1940 году в селе Чардахлу Шамхорского района Азербайджанской ССР. Окончил местную среднюю школу, в 1960 году был призван в советскую армию, служил до ветерана вооружённых сил. Ушёл в отставку старшим прапорщиком, имеет награды и поощрения за добросовестную службу.

Любил поэзию, скучал по своей родине Армения, воспевал её в своих стихах.

Имел двоих сыновей, старшему дал имя Наири – в честь своей страны.

Писал с молодых лет, но его стихи впервые печатаются в альманахе «Родина в сердце».

Рафаэл Мартиросян ушёл из жизни в 2016 году.

ԼՈՌՎԱ ՍԻՐՈՒՅԻ

Գիշեր ու ցերեկ դադար չունեմ ես –
Միրտս երգում է քո սերը հրկեզ,
Սերդ հանց մի թուր լինի հավլունի,
Ճեղքում է հոգիս, չքնաղ սիրուհի:

Իմ հայրենիքի ալ ծաղիկների
Անմոռաց, հավերժ բուրմունքն ունես դու,
Քեզնով կհաղթեմ ես ամեն մահի,
Իմ գարնանման չքնաղ սիրուհի:

Դու մի վառ շող ես պայծառ արևի,
Միշտ սպասում եմ քո մի բարևին,
Կարոտ եմ, անգին, ես քո համբույրին,
Քեզ եմ սպասում, չքնաղ սիրուհի:

Լուսնից առավել լույս ունես անմար,
Քեզ համար երգեր ես ունեմ հազար,
Մի թռչիր վերև սարերից սահիր,
Ո վ իմ հայուհի, չքնաղ սիրուհի:

Դու իմ լեռնային ջրի պես գով ես,
Հայոց այգու պես իմ սրտին հով ես,
Աշխարհին անգամ քեզ նմանը չունի,
Իմ չքնաղագեղ Լոռվա սիրուհի:

* * *

Խավար երազներ ինձ հյուր են գալիս,
Քո նամակները ես էլ չեմ բացում,
Միրտս հաճախ է քեզ համար լալիս,
Վառվում է հոգիս տխրության բոցում:

Մի՞թե հանցանք եմ գործել քո հանդեպ,
Թե՞ ես՝ մոռացված խղճով արարած,
Իմ բեկված հոգով պիտի տառապեմ.
Այսպես է կյանքը մեր դասավորված:

Միրտս ցավում է քո կյանքի համար,
Որ դեռ չի ապրել իր դարը խաղաղ,
Հոգիս փաստերով լի է անհամար,
Որոնք, լա՛վ գիտեմ, սերտել ես ավաղ:

Ի՞նչն է ստիպում՝ ինձ անլուր թողնել,
Որ հեռու քեզնից անվերջ տառապեմ,
Մի՞թե անգոր է կյանքը քեզ դարձրել,
Թե՞ դալկացած է տաղանդդ վսեմ:

* * *

Դու իմ կյանքում մի աստղ էիր,
Մի լույս էիր իմ ճամփին,
Իմ երգերի աղբյուրն էիր,
Որ շոյում էր իմ հոգին:

Դու իմ սրտի մի լարն էիր՝
Երգահորդ ու թավ ջութակ,
Դու իմ սիրո վառ բոցն էիր
Լի քնքշությանը շարունակ:

Կյանքը դաժան մեզ բաժանեց,
Մարեց աստղը վառ սիրո,
Մակայն սերդ ինձ չլքեց.
Ապրում է նա իմ սրտում:

Ու ես նորից բոցավառված՝
Մպասում եմ այն պահին,
Որ իմ սիրուն վերադարձած
Ես կտեսնեմ իմ կրծքին:

Իսկ դու հեռու մութ մշուշում
Չես ձայնակցում իմ երգին,
Հետքդ անգամ չի երևում,
Որ դեպի քեզ տաներ ինձ:

Մի թե կգա նորից գարուն
Միրատանջ հոգուս համար,
Գուցե նորի ց երգի առուն,
Գովերգի սերդ անմար:

Ո՞ւր փնտրեմ քեզ, ո՞ր ճամփեքին,
Որ ծարավս հագեցնեմ,
Ո՞ր լանջերի ծաղիկներից
Անուշ բույրդ ես առնեմ:

Հարավ հոսող գետերի մեջ
Կամ Դրիմի սարերում
Չեմ լսում ես երգդ անշեջ,
Մրտիս ջահն է արդ մարում:

Դու գնացիր հեռո՛ւ, հեռո՛ւ,
Ալեկոճ կյանքս դողաց,
Հանց դալկացած ճյուղ ուռենու՝
Բնից կախված նա մնաց:

Ու ես այսօր տխուր-տրտում
Իմ բարդ կյանքն եմ վերլուծում.
Տեղ չգտա ես քո հոգում,
Ճերմակագույն քո կրծքում:

СВЕТЛАНА ОВСЕПЯН

Светлана Овсепян (Колян) родилась в селе Севкар, в Армении. Среднее образование получила в школе №8 им. Г. Сундукяна города Кировакана (ныне – Ванадзор). После окончания Ереванского торгового техникума стала работать в сфере торговли. Имеет троих детей, а также – восемь внуков.

Ещё в юности увлеклась поэзией, и это большое и любимое хобби поддерживает вся её большая семья. В дни рождения близких ей людей гости приятно удивляются её стихотворными поздравлениями именинникам.

* * *

Գարուն եկավ հեռուներից,
Ծաղիկներն են ահա փթթում,
Ջերմանում է հողն արևից,
Եվ սոխակն է անուշ երգում:

Շուրթիս գարնան համն ու բույրն է,
Ջերմ համբույրն է արեգակի,
Միրտս հուզված տրոփում է,
Մպասում է ինչ-որ մեկին:

ՍՈՒՂՈՎՈՒԻ ԼՈՒԾՈՒՄԸ

Սուղոկուներ են հորինել
Ճապոնացիք այս խելացի,
Իսկ դու փորձիր զլուխ հանել
Նրանց ստեղծած խնդիրներից:

Ահա ես էլ եմ հայտնվել
Սուղոկուի թակարդ-ցանցում
Ու փորձում եմ լուծում գտնել
Պարզ թվերի լաբիրինթում:

Խրթին բաներ այստեղ շատ կան,
Ու ճգնում եմ ես ժամերով,
Մակայն գուր չեմ լարվում այդքան.
Երջանիկ եմ արդյունքներով:

Զբաղմունք եմ ես ինձ գտել
Լոգիկայի համար շատ լավ,
Մարտնչում եմ թվերի հետ,
Գիշեր-ցերեկ չունեմ դադար:

Որքան բարդ է այդ սուղոկուն,
Այնքան թանկ է հաղթանակը,
Ես դիմում եմ ճապոնացուն.
– Կա՞ ավելի մեծն ու բարդը:

ՄԵՐ ԺԱՄԱՆԱԿԸ

Օրե՛ր, ժամե՛ր, տարիներ՛ը,
Բոպենե՛ր ու վայրկյաններ՛ը.
Անցնում, գնում են անդարձ,
Կյանքն է այդպէս. ի՛նչ արած:

Մենք՝ սլաք ժամանակի,
Շարժվում ենք շուրջն առանցքի,
Ժամանակն ենք ցույց տալիս,
Փուլերն անցնում մեր կյանքի:

Երեկ՝ մանուկ ու ջահել,
Այսօր՝ արդեն ալեհեր,
Գիրկն ենք անցնում պատմության
Քայլերով ճիշտ ու սխալ:

Ճիշտ է՝ անես լավություն,
Լինես խոնարհ, իմաստուն,
Սխալ ճամփից հետ կանգնես,
Նոր բարձունքներ գրավես:

.....

ՄԵՐ ՀՅՈՒՂԵՐԸ
НАШИ ГОСТИ

.....

ШОХАКАТ (ШОХЕР) АХВЕРДЯН

Шохакат (Шохер) Ахвердян родилась в Ереване (Армения). Окончила филологический факультет Ереванского государственного университета, позже – Пятигорский государственный лингвистический университет.

Работала учительницей в школах Армении.

Вначале 90-ых с семьёй эмигрировала в Данию, в настоящее время живёт в городе Оденсе.

Пишет стихи и рассказы.

* * *

Մերս գարնան հալոցք դառնա
Ու կաթկթա քո տանիքից,
Իսկ երբ քնից աչքդ բացես,
Քեզ շնջա՝ սիրում եմ քեզ:

Մերս ամռան արև դառնա
Ու փայլփլա կապույտ երկնում,
Իր շողերով քեզ գուրգուրի
Ու շնջա՝ սիրում եմ քեզ:

Մերս աշնան տերև դառնա
Ու ոտքերիդ տակ տրորվի,
Քամի դառնա, կանխ փեշիդ
Ու շնջա՝ սիրում եմ քեզ:

Մերս ճերմակ փաթիլ դառնա,
Մազերիդ մեջ թող խճճվի,
Ու գիշերը բարձիդ վրա
Թող շնջա՝ սիրում եմ քեզ:

Մերս անհայտ, սերս հեռու
Անտես ու լուռ ստվեր լինի,
Միշտ անբաժան ու միշտ հլու,
Աստված վկա՝ սիրում եմ քեզ...

ՄԻՐԱՀԱՐՎԵԼ ՄԵՐ ՏԱՐԻՔՈՒՄ...

Ի՞նչ ես ասում...
Քեզ ո՞վ ասաց, որ չեն կարող
Միրահարվել մեր տարիքում,
Միրուց շիկնել ու կարոտել
Մեր տարիքում:

Ի՞նչ ես ասում, թե չեն կարող
Միրուց երգել մեր տարիքում:

Հասնել երկինք ու սավառնել,
Խելքը թոցնել մեր տարիքում:

Ի՞նչ ես ասում...
Իսկ ո՞վ ասաց, թե ամոթ է,
Այդ ո՞վ ասաց, սահման դրեց՝
Սիրահարվել կամ էլ սիրել ո՞ր տարիքում,
Ո՞ր տարիքում անքուն մնալ լուռ հառաչել:
Մե՞ր տարիքում... Մե՞ր տարիքում...

Մերը սեր է, Աստված վկա,
Թո՞ղ ես սիրեմ, սիրահարվեմ,
Սիրուց խեղդվեմ ու խենթանամ
Մեր տարիքում... Մեր տարիքում...

Դու հարցնում ես մե՞ր տարիքը՝
Երեք տասնյակ, հետո... մի քիչ:
Ի՞նչ պատահեց: Մի՞ ըտդ: Ոչի՞ նչ,
Դա ի՞նչ է որ մեր տարիքում:

ՄԻՐՈ ԱՐԱՇԵՏ

Երեկոն՝ այնպես խաղաղ է,
Երեկոն՝ այնպես անուշ,
Բոլորի համար սա խաղ է,
Բոլորի համար՝ անլուրջ:

Իսկ ես խելագար եմ քեզնով,
Քո ձայնով, անունով, երգերով,
Բոլորի համար սա խաղ է,
Իսկ ես հմայվել եմ քեզնով:

Մի՞րո կամուրջներ չեն եղել՝
Մի փոքրիկ արահետ աննշան,
Քո կյանքում ոչ մի տող չեմ գրել,
Չի եղել իմ սերը հանգրվան:

Ի՞նչ եղավ, ի՞նչ հրաշք, թե՞ տեսիլք,
Պատկերդ իմ սրտին տիրացավ,
Քո ձայնով, անունով, երգերով
Ես ինչո՞ւ այսպես հիացա:

Անձրևն է կաթում ողջ գիշեր,
Անունդ կրկնում ինձ համար,
Բացում եմ աչքերս նորեն
Ու տխրում անձրևից միալար:

ՎԵՐԾԱՆՎԱԾ ՍԵՐ

Ամեն բառիդ մեջ քո սերն եմ փնտրում,
Վերծանում քո ամեն մի երգ,
Միացնում, անջատում, մասնատում ու հատում
Ամեն բառ, ամեն տառ: Մինչև ե՞րբ:

Քո ամեն երգի մեջ նոր երդում եմ փնտրում
Քո սիրտ, քո գալու մասին,
Ամեն խոսքիդ մեջ նոր երանգ եմ գտնում,
Որ կառչեմ, որ թռչեմ երկիկնք:

Քո ամեն բառը ինձ ծածկագիր է,
Հիվա՞նդ եմ: Թողե՛ք վերծանեմ:
Դժվա՞ր է մի խոսքով գրես ինձ այսօր՝
Միրում եմ: Հետո՞ վերջակետ:

Քո ամեն երգը անհայտ աշխարհ է,
Անձանոթ իմ աչքին, ականջին:
Բայց ձայնդ ասում է՝ ամեն ինչ լավ է,
Ամեն ինչ պարզ է, իմ անգին:

ՏԱՐԻՆԵՐԻ ԵՐԳԸ

Տարիներ են անցել, նամակներդ մասունք են դարձել,
Տարիներ են անցել, կարծում ես, թե նո՞ւյնն եմ մնացել:

Տարիներ են անցել, հայացքդ սրտեր է ջերմացրել,
Տարիներ են անցել, իսկ նազանքս ուր է գնացել:

Տարիներ են անցել, ծաղիկները լոկ հուշ են դարձել,
Տարիներ են անցել, նույն խելառ-խենթն եմ մնացել:

Տարիներ են անցել, ես կամ, իսկ դու չես գնացել:

ՔԱՄԻՆ ՈՒ ԵՍ

Աշնանային խելառ քամին
Թեև մտած ման է գալիս,
Ճամփիս փռում նախշուն գորգեր
Ու փսփսում կորած երգեր
Բերված հեռու անտառներից,
Ուր ամեն ինչ ծանոթ է ինձ:
Ուր մանուկ եմ, մայրս՝ ջահել,
Նա չի կարող ինձ հետ պահել
Թիթեռնիկի պես պարելուց
Ու ծաղիկներ համբուրելուց:
– Մե՞ծ ես արդեն,– լսում եմ ես:
– Ո՞վ է տեսել աղջիկ քեզ պես...

Աշնանային խելառ քամին
Թեև մտած ման է գալիս,
Ու տերևներ՝ կարմիր, դեղին
Շաղ է տալիս իմ մազերին:
Ու շշնջում թաքուն երգեր,
Որ բառերը ես եմ գրել.
Առաջին սեր ու մոռացում,

Միրո շիկնանք, համբույր, արցունք,
Կարկաչ ծիծաղ ու հիշեցում.
– Հասուն աղջիկ,– մայրս էր ասում:
– Այդքան բարձր չեն կշկչում...

– Աշնանային իմ խենթ քամի,
Տո՛ւր մեղեդին քո երգերի,
Որ գույների քո կտավում
Գտնեմ ծանոթ երազներիս հերոսներին:
Թո՛ղ այս անգամ պարեմ նորից
Թիթեռների պարելու պես,
Եվ քո բոլոր տերևներիս
Համբույրներս ես բաժանեմ:
Թո՛ղ ծիծաղեմ՝ ինչպես առաջ,
Եվ կարկաչից իմ ծիծաղի
Ծնողներս... թո՛ղ բարկանան...

Ա՛խ, խե՛նթ քամի աշնանային,
Ի՛նչ ուզում ես, թող այն լինի,
Իմ լավ քամի աշնանային:
Արի՛ մտնեմ թևդ հիմի,
Ու պտտվենք, արի՛, արի՛ ...

* * *

Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Որ քեզ համար կյանքս կտամ:

Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Կյանքիցս շատ, շատ եմ սիրում:

Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Որ աշխարհում ոչ ոք մեկին դեռ չի սիրել:

Քեզ այնքա՛ն եմ սիրում,
Բայց իմ օղին, սիգարետը,
Դե, մեկ-մեկ էլ՝ սիրուն կանանց...
Բայց ես քեզ շա՛տ, շա՛տ եմ սիրում:

* * *

Քո անցյալի երազներում
Ինձ քո դոյակն ես միշտ տանում,
Ինձ փայփայում, ինձ զուրգուրում,
Ինձ թագուհու թագ ես դնում:

Քո անցյալի երազներում,
Ուր ո՛չ ձմեռ կա, ո՛չ աշուն,
Ճամփիս ծաղիկներ ես փռում
Ու թիթեռներ ինձ նվիրում:

Քո անցյալի երազներում
Փերիներն են ինձ հյուր լինում,
Ինձ բարձրացնում ամպերից վեր,
Այնտեղ հյուսում նոր հեքիաթներ:

Քո անցյալի երազներում
Ինձ նոր երգեր չես նվիրում,
Ինձ ոչ մի բառ չես էլ ասում:

Քո անցյալի երազներում
Խուլ ու համր ենք ն՛ ես, ն՛ դու...

ԻՄ ՀԻՆ ԸՆԿԵՐ

Իմ հին ընկեր, իմ լավ ընկեր, իմ բարի,
Մնացել ենք մեկ ես, մեկ դու, մեկ քամին:
Եվ անցյալի մշուշներում հեռավոր
Փորփրում ենք, քամուն տալիս հին ու նոր:

Իմ հին ընկեր, իմ լավ ընկեր, իմ բարի,
Թող որ կյանքում քո հավատը չմարի,
Իսկ անցյալի քո հուշերում մենավոր,
Լավն ու բարին թող որ լինեն զորավոր:

Իմ հին ընկեր, իմ լավ ընկեր, իմ բարի,
Թափ տուր փոշին սպիացած վերքերիդ,
Եվ զանգերում հարսանիքին տղայիդ,
Թող մոռացվեն կարոտները անցյալի...

ԻՄ ՄԻԱԿ ԱՍՏՕՈՒՆ

Անունդ աղոթք է ինձ համար,
Որ լույսով լցվել է իմ մեջ,
Շաղախվել է հոգիս երգով,
Ուզում եմ քեզ սիրել անվերջ:

Անունդ սեր է ինձ համար,
Աշխարհի ու իմ արանքում,
Իմ անցյալը, ներկան, ապագան
Անունովդ եմ միայն խոնարհում:

Անունդ հույս է ինձ համար,
Անմար ջահ անհույս խավարում,
Եվ վառում եմ նորից ու նորից,
Նրանց համար, ով չունի քեզ պես սյուն:

Անունդ քնքուշ է այնքան,
Լույսի պես փշրվում է շուրթիս,
Հավաքում եմ, փաթաթում իմ սիրով
Ու պահում խորքում սրտիս:

Անունդ լույս է ինձ համար,
Գարնան երգ, վերադարձ դեպի տուն,
Երագած մանկան ճիչ և արև,
Որ շողա ու փրկի խավարում:

ԻՄ ՍԻՐԵԼԻ

Կապույտ, կապույտ օվկիանոսից
Երկու ափ ջուր քեզ հասցնեմ,
Որ քո նավակը հույսերի
Փոքրիկ առվից հասնի բաց ծով:

Ամռան փայլուն հուր արևից
Միայն մի շող քեզ ուղարկեմ,
Որ տխրության խավարի մեջ
Ձեռքդ բռնի ու ինձ բերի, Ի՛մ սիրելի:

Խենթ ու խելատ քամիներից
Քնքուշ զեփյուռ քեզ ուղարկեմ,
Որ ամառվա խեղդող տապին
Քեզ գուրգուրի և հով անի:

Բյուր աստղերից երկնաձիբի
Փոքրիկ աստղիկ քեզ նվիրեմ,
Որ գիշերվա անքնության լուսամուտին
Լուռ կայծկլտա... Ի՛մ սիրելի:

Դաշտի բուր ծաղիկներից
Մի երիցուկ քեզ նվիրեմ,
Որի բուրը թերթիկներին հարցեր չկան,
Լոկ պատասխան քեզ եմ սիրում, Ի՛մ սիրելի:

* * *

Իմ տան ճամփին
Փեշս կախվեց հին մասքենու
Թեքված ճյուղին,
Երբ շրջվեցի՝ փեշս հանեմ,
Հեռու մի ձայն ասաց.
– Խաղա՛նք:

Իմ տան ճամփին
Անձրև տեղաց լոկ իմ գլխին,

Անձրև՝ էր, թե՛ մի բաժակ ջուր՝
Կապույտ-կապույտ անամպ երկնից,
Ի՞նչ փույթ, վեր նայեցի ու լսեցի.
– Արի՛ խաղանք, ուշ չէ հիմա...

Իմ տան ճամփին
Քամին խառնեց ու զգգեց մազերը իմ,
Ու երբ գրկեց ուսերն իմ պաղ,
Հալոցք ընկավ սիրտս խաղաղ...
Իսկ նա, թե՛ գնա, ուշ է հիմա...

Իմ տան ճամփին, իմ տան ճամփին,
Ինչքա՛ն սեր կա իմ տան ճամփին:

Ի՞ՆՉ ԵՄ ՈՒԶՈՒՄ ՔԵԶԱՆԻՑ

Թևեր նվիրիր այսօր, սիրելի՛ս,
Որ չծվարեմ խուլ անկյուններում,
Գրկեմ երկնքի լազուրը անհուն,
Որ չմոռանամ, թե՛ ինչ եմ սիրում:

Աչքեր նվիրիր այսօր, սիրելի՛ս.
Արևի փայլը տեսնեմ քո դեմքին,
Գույնը վարդերի քո ոտքերի տակ,
Որ առավոտյան փռում եմ ճամփիդ:

Միրտս մի օրով ինձ ետ նվիրիր,
Որ ապրեմ՝ կյանքս քեզ նվիրելով,
Որ գիրկս առնեմ աստղերը երկնի
Ու փռեմ ճամփիդ, ինչպես լույսի ծով:

Հետո հավաքիր, ետ վերցրու դրանք
Ու լուռ թաքցրու բարձիդ տակ փափուկ,
Որ գիշերները, երբ մենակ մնաս,
Թևերս առնես ու հյուր գաս ծածուկ:

Որ իմ աչքերով միշտ կյանքին նայես,
Ծաղիկներ, արև ու ժպիտ տեսնես,
Նայես քեզ հեռվից ու նոր նկատես
Հրաշքը այն, որ սիրում եմ ես քեզ:

ԴՈՒ ԵՎ ԵՍ

Դու ինձ համար՝ հեռու մի հուշ
Տարիների խորքում,
Ես քեզ համար՝ սիրո մշուշ,
Որ չի մարում հոգում:

Դու ինձ համար՝ չասված խոսքեր՝
Պահված շրթունքներում,
Ես քեզ համար՝ խելառ մտքեր,
Որ չեն թողնում-գնում:

Դու ինձ համար՝ լուսնի մի շող
Կանչող առվի փեշին,
Ես քեզ համար՝ արևի շող,
Որ չես բռնի՝ հիշիր:

Դու ինձ համար՝ հեռու ընկեր
Անհաս երազներում,
Ես քեզ համար՝ երազած սեր
Մեկ ուրիշի գրկում...

ԱՌԱՆՑ ՔԵՉ

Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ.
Եվ արև՝ շիկացած ու նարինջ,
Եվ լուսին՝ ամոթխած-արծաթե
Եվ աստղեր՝ երկնքում սև-սաթե:

Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ.
Գարուններ կփթթեն ամենուր,

Կայցելեն կաթիլով անձրևի,
Կհոսեն գետակներ կարկաչուն,
Թփի տակ մանուշակ կբացվի:
Անկյունի նստարանը մենակ
Անհամբեր կսպասի զույգերին,
Միրավառ բանաստեղծ մի սոխակ
Միրո երգ կձոնի վարդերին:

Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ.
Կլինի առավոտ ջինջ, պայծառ,
Երեկո, մթնշաղ կլինի,
Երկնքում կցոլա ծիածան:
Անտառում՝ սոսափյուն, շուկներ,
Գիժ քամին կգրկի ծառերին,
Կպատմի բազմաթիվ գաղտնիքներ
Անցյալի մոռացված օրերից:

Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ.
Կռունկներ՝ սեպաձև երամով,
Եվ ձմեռ՝ փաթիլներ ճերմակած,
Օրերը կհավվեն գոջումով,
Տարիներ ու դարեր կդառնան:

Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ...
Իսկ հետո նժույզը կսուրա՝
Արծաթե նժույզը երազի,
Իմ ջահել արքայազնը կգա,
Դեպի ինձ կսուրա ձին նրա...
Ամեն ինչ կլինի առանց ինձ,
Բայց երբեք՝ առանց քեզ, սիրելիս...

ՔՈ ՄԵՐԸ

Ինչո՞ւ եմ թերթում հուշերն անցյալի
Ու փորձում գտնել փշրանքներ սիրո,
Ինչո՞ւ եմ ջանում սոսնձել նորից
Միրո երգերիդ կոտրած հայելին:

Ամեն ինչ այնքան հեռու է արդեն,
Ամեն ինչ կարծես ծածկված մշուշով,
Միայն մի լույս է առկայծում հեռվում,
Մարդկային բոլոր պիտիների դեմ:

Միայն քո սերն է, որ փշրանք չունի,
Որ ոչ մի ժամի լուռ քուն չի մտել,
Միայն դու ես այն խենթ, խելառ քամին,
Որ սանձի ուժով դեռ չի հանդարտվել:

Ի՞նչ օրենքով ես սիրահարվել էի դու,
Ո՞ր մոլորակի ո՞ր ժամանակով,
Որ իմ կրթության ոչ մի անկյունում
Չունեմ քո սիրո չափման միավոր:

* * *

– Ինչո՞ւ են աշունը սիրում՝
Անձրևը, մշուշն ու քամին:
Դեղնած անտառի փեշերին
Վառվել են գույները դեղին:

– Ինչո՞ւ են աշունը սիրում.
Տխուր է, թախիծ, բաժանում:
Ծառերն են մերկանում սիրուց,
Ու քամին օրոր է ասում:

– Ինչո՞ւ են աշունը սիրում,
Քամին է սուրում խելագար,
Տերևը՝ հին սերն է մաքրում
Մի ճերմակ, նոր սիրո համար:

– Ինչո՞ւ են աշունը սիրում,
Վառ գույների գորգեր անհամար:
Աշնան այս խառը խնջույքում
Գարունն է երգում ինձ համար:

СОДЕРЖАНИЕ

Немного истории..... 5

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱԴ

ЛИРА ЗРЕЛОСТИ

Георгий Меликов	8
Вячеслав Егиазаров.....	26
Анатолий Мирзоян.....	39
Александр Склярчук.....	51
Михаил Петросян	62
Станислав Ян	73
Вартан Григорян	81
Рушан Пилосян.....	93
Вагаршак Мазлумян	122
Ваге Чинари	136
Татевик Азарян.....	141

ՆՈՂ ՁԱՅՆԵՐ

НОВЫЕ ГОЛОСА

Алина Степанян.....	154
Тимур Ян	162
Рафаэл Мартиросян.....	170
Светлана Овсепян.....	174

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ

НАШИ ГОСТИ

Шохакат (Шохер) Ахвердян.....	178
-------------------------------	-----

ՀՐԻՍԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
СОЮЗ КРЫМСКИХ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻԲԸ ՄՐՏՈՒՄ
РОДИНА В СЕРДЦЕ

ՎԼՍԱՆԱԽ

7

АЛЬМАНАХ

Редактор и составитель *Р. Пилюсян*
Корректор русского текста *В. Настина*
Художник *Г. Хачатрян*
Компьютерная верстка *А. Веселов*

Подписано в печать 23.10.2017 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «NewtonС». Усл. печ. л. 11,16. Объем 12,0 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 11/03.

ГАОУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: <http://www.arial.3652.ru>

И. Гаспринский адына
МЕДИАМЕРКЕЗ

МЕДИАЦЕНТР
имени И. Гаспринского